

Анатолий Сендер

Травы горькие колыша

Повести

Минск
Издатель А.Н. Вараксин
2009

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4Бел=Рус)-44
С31

Сендер, А. Н.
С31 Травы горькие колыша : повести / Анатолий
Сендер. — Минск : А. Н. Вараксин, 2009. —
212 с.

ISBN 978-985-6929-31-4.

В издание вошли произведения А. Сендера, созданные в последние годы текущего столетия – в период расцвета авторского дарования.

Удивительная широта и глубина кругозора, общечеловеческие искания добра, красоты и справедливости – это те качества, которые присущи прозе мастера, его уму и сердцу, его душе, остро чувствующей и больно переживающей все времена.

УДК 821.161.1(476)-32
ББК 84(4Бел=Рус)-44

ISBN 978-985-6929-31-4

© Сендер А.Н., 2009

© Оформление.

Издатель А.Н. Вараксин, 2009

*Любимому внуку Богдану –
Посвящается*

НЕМНОГО ПРАВДЫ

Какого писателя не беспокоит состояние культуры, понижение ее гуманистических начал после революционных потрясений перемен? Еще Иван Алексеевич Бунин на юбилее газеты «Русские ведомости» (в 1913 году) высказывал копившуюся годами боль: «Исчезли драгоценнейшие черты русской литературы: глубина, серьезность, простота, непосредственность, благородство, прямота – и морем разлилась вульгарность и дурной тон...» Причины тому виделись в общей атмосфере жизни. Поэтому, размышляя о дне сегодняшнем, рассуждая о русской и всемирной истории, о судьбах белорусского народа, хочется с надеждой вглядываться в здоровые силы нации и человечества.

Долг писателя – своим словом и поведением укреплять подлинные духовные ценности, еще раз подтверждая твердость позиции. Поиски ответов на вечные и всечеловеческие вопросы о смысле бытия, о назначении человека, о взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего, о смысле истории, размышления о верованиях и устремлениях народов к правде, добру и красоте, и удивительно неистощимая жажда увидеть самому бесконечное разнообразие мира. Все это питательная почва для воображения художника, его мысли и слова.

Солнечный мальчик

Солнечный мальчик в веснушках материализовался из прозрачного света, одернул шортики матросского костюма, без тревоги оглянулся на хлопнувшую за спиной калитку. И здесь же крик души, рвущийся на волю, как бы сам собою понес его неизреченное сердце по ласковому лучу утреннего светила.

Мальчик нахлобучил на вихры матросскую бескозырку, выбрал направление – к выемке железнодорожной колеи – зашпешил к проходящему поезду. Из-за глиняного бугра дул теплый ветер. Привычно гудели провода высоковольтной линии. Легко шумели отягощенные бременем фруктов деревья.

С веток древесного растения семейства розоцветных на сырую землю падали перезрелые плоды. Семилетний путешественник часто останавливался, разглядывал разбитые абрикосы, облагороженные в далеком Китае свыше пяти тысяч лет назад. Высокий свет, богатый сахаром, калием и каротином, словно крадучись, обтекал юного героя, сворачиваясь лучезарным клубком. Электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых человеческим глазом, катились, расстилаясь обеленной истоптанной тропинкой из пыли и чернозема.

Небесный ребенок чувствовал себя счастливым существом. Нежные подошвы обволакивали еще не засохшие, напоминающие теплый и податливый пластилин, грязи. Невозможно ласковая дорожка, пока еще свободная от колких камней, звала и манила пробежаться к бугру босиком. Сквозь обильно истекающие за пути солнечные лучи проглядывались шумные сверстники.

Спустя много лет мальчик, словно остановленный в том времени, часто во сне видел свое солнечное шествие. Чудесный малыш спешил на ту сторону, скользя по крутой обочине, старался схватиться за поросли из рода многолетних трав и кустарников семейства молочайные. Один из 2000 видов, разбросанных по всему земному шару, оставил на детских ладошках слабо ядовитый млечный сок. Был случай, юный герой попробовал молочай на вкус, после чего к вечеру почувствовал позывы физиологической потребности, рвоту. Бесконечно утомительные глисты на некоторое время оставили бедное дитя. Сорняки казались зарослями, а бурьяны настоящими деревьями.

Позже о себе в третьем лице Коля скажет так: только в солнечном детстве человек неосознанно вполне готов к прижизненной канонизации, к тому, чтобы причислиться к сонму святых. Но влияние из-за рубежа оказалось губительным для души. И вот двинулся он туда, где уста наполняются зло речивостью, душа горечью, сердце коварством.

Выпивший дядя, не выпуская из руки недопитую бутылку из особой группы вин, насыщенную диоксидом углерода, подполз из травы. Алкогольный напиток, полученный полным или частичным брожением виноградного сока, крепко держал его в руках. Коленька провожал тяжелого дядьку. Ствол грязной акации семейства бобовые грубо ударил человека по носу ценной древесиной и дубильными веществами. Звон монет в кармане его брюк слышался на весь поселок. Сидящие на лавке ребята быстро вскочили и обступили пьяного. Мужик поднял непослушную голову «Вы чего?». Гулко зазвучали удары.

Стопы повели между грядок полакомиться плодами многолетнего травянистого растения из рода земляни-

ки. Мелкие сладкие ягоды клубники расплзались во рту белой мякотью, наполняя полость специфическим запахом. «Поднимайся!», – слышалось над ухом. Вместе с мамой они потянули отца в веранду. Родитель хмельно отбивался, поворачивался на бок, подбирал под себя непослушные ноги. Полуденный ветер трепал виноградник, разгонял прохладу под сенью. Небо набирало марева. В солнечном блеске преобладал черемуховый цвет. Мелкие белые с приятным запахом цветки, собранные в кисти, уже несколько месяцев отошли в раздел воспоминаний и желудочных лекарственных сборов. Первые блеклые листья редко кружили над огородом.

Мама укоризненно ткнула указательным пальцем на цыпки стопы, ноги засадило, голени зачесались. Отец заскрипел ржавыми петлями дверей сарайчика, повалился внутрь всем весом. Тяжело громыхнуло по не струганному грязному настилу.

У мамы горели щеки. В душе у Коли таяло ощущение счастья. В сарайчике спину обтянуло холодом. На мокрые подошвы налип ржавый помол металлических опилок. Под ногами потрескивал разношерстный нанос. Верхом на отце, как на салазках, уткнув голову в красный затылок, выезжал Коленька.

Человек узнал про сыгранную с ним шутку, рассердился, долго искал по всему офису часы, запрятанные кем-то ради досужего смеха. Он шумно вздыхал, сдерживал закипающую злость, шарил по столешнице, ничего не находя в бумагах. Злые языки указывали на сотрудника, но в его непорядочность верилось с трудом. Поэтический Николай не увязывался с подлостью.

Все шло своим чередом. В чашках незамужних дам, ожидающих встреч с будущими мужьями, дымилась густая очаровательная овсянка. На ногтях главной волшебницы взаимосвязанного отражения средств и хозяйственных операций в денежной форме, дующей на фаланги, медленно застывал лак. За окном темнели обтаявшие склоны у панельных домов.

На фоне многоэтажных чудовищ, стремящихся в мертвую высь, маячил молодой инженер. Перевозчики сотрясали своды смешными, неизданными, короткими рассказами об исторических происшествиях в жанре фольклора. Они мешали повествование злободневными комическими рассказами-миниатюрами с неожиданной концовкой, выдавая своеобразные юмористические притчи, чаще с фривольными местами. Анекдоты заполняли пустоту смехом надежды на лучшую жизнь. Водитель допекал молодожена нескромными вопросами, интересуясь тайнами брачной ночи.

В пыльном углу, заваленном коробками из-под бумаги для ксерокса, старыми удлинителями, соединительными проводами для компьютера, снабженцы угощали друг друга мутной жидкостью. С каждой минутой они все громче выражали свои мысли, все чаще выходили на перекур, выпрашивая сигареты.

Человек прильнул к стеклу, наблюдая за табачными подношениями прохожего. Одна сигаретка полетела на тротуар. Мужики бросились поднимать никотиновое сокровище, ударяясь лбами, хохоча и шая по-детски.

Человек отмечал поведение выпивших сотрудников, двигался у подоконника, гонимый спадающим внутренним напряжением. Только что он резко ответил недоброжелателю, ворвавшемуся в часовую историю, намекающему на участие в подвохе Коли. После предложения «Дать ему

по физиономии» разозлился и послал склочника к матери главного врага человечества.

В какую отчизну ему предстояло отправиться людям? На этот вопрос не существовало ответа. Просто автобусный двигатель глухо бубнил поршневым двигателем внутреннего сгорания с воспламенением от сжатия. Великое изобретение Р.Дизеля в 1897 с коэффициентом полезного действия до 44 процентов нудно исполняло свой шлягер. Просто пролетающее за окном бытие располагалось распояской и приспособлялось к грамматической категории по имени «суета». Тонкие пальчики девушки (простите за каламбур, пальчики оближешь) опустились с высокого эротического легкомыслия, легли поверх десницы.

Сердце человека взволновалось, чувствуя романтическое путешествие. Чем не медитация, чем не удача? Встретить существо нежного пола, страдающее фроттеризмом в крайнем его проявлении.

Угрюмые длинноволосые подростки шутили с кондуктором. Молодежь, что очень важно, заслоняла смятенные чувства от коллег по работе, пользующихся тем же маршрутом. В полуметре трясся Николай и как бы терся щекой о грязное стекло. Снабженцы дерзили контролеру. Женщины из бухгалтерии отворачивались от нетрезвых мужей. Водитель раз за разом поддевал молодого семьянина скабрзностями, напоминающими бестактности драгунских гусар, этих представителей легкой кавалерии русской армии, если верить анекдотам.

Докармливаясь свалившимся на него счастьем, человек даже не встрепенулся, увидев у кого-то часы, похожие на пропавшие «Tissot». Его душа слилась с чайными

дивной девушки. Едва ли он видел диковинный бумажный шлейф, несущийся за окном. Брезент на автомобиле распоясался и напоминал бьющийся о ветер парус, оставляя за собой столб из бумаги и пыли.

Маленькое торнадо тянулось, словно диковинное явление из другого мира. Хотелось отворить еще не откупоренную после зимы форточку автобуса. Живая благодать человеческого настроения длилась во имя всеобщего примирения. Вселенские притязания пьяных аборигенов нетрезвого пространства выражали примитивный восторг прямым раскачиванием автобуса. Попытка открыть дверь и выйти прямо на ходу не увенчалась успехом. Женщина с ужасом глядела на сломанный ноготь. Ее гнев умеренно звучал поверх трясущихся голов, отвлекая молодожена от медовых размышлений.

Как известно, все хорошее свершается скоро, проходит быстро и долго не забывается. Длинный маршрут пролетел незаметно. Эротическое прикосновение незнакомки прекратило свое действие. Девушка отпрянула, разомлевшая и томная. Медитативный дух бога любви греческой мифологии Эроса рассеялся в полупустом салоне. Но дух оставался побудительной силой духовного восхождения, устремленностью к созерцанию идей истинно сущего, добра и красоты. Ступени его ощутили грацию девушки, уходящей в сторону неяркого мартовского солнца.

Николай думал о часах, запрятанных глубоко в сумке, и двигался вслед за пассажирами. Тускло блестело вечернее небо. Разительно пахли несвежестью адепты заболевания, обусловленного систематическим употреблением спиртных напитков. Люди, психически зависимые

от алкоголя, обогащая социальную деградацию, тяжело громыхнули пакеты с бутылками. Их центральная нервная система функционировала на грани психоза. Они, точно воскресшие образы слуховых галлюцинаций угрожающего содержания, омрачали общественное сознание. Братья «спиритуса» обогнали тех, кто вышел из автобуса раньше. Невидимые мышечные пружины несли их тела, одетые в несоразмерные одежды. Выше их великой идеи опохмелиться был только Бог.

Поборники Джона Ячменное Зерно пакетом зацепили ногу Коли. Все это оказалось пустяком по сравнению с реакцией бухгалтера на ноготь. Вторжение случая в женскую красоту – трагедия сравнимая разве что с кончиной мира.

Женщина сыпала глаголами неизвестной направленности и диалекта. Длинно возлежащие тени безлистных деревьев шевельнулись. Человек встрепенулся на середине пролета лестницы, ведущей вдоль нарождающегося естественного спутника земли. Вероятно, луну он почуял, несмотря на 384000 разделяющих километров, ощутил ее гористую, покрытую кратерами метеоритного происхождения местность. Может быть, лунных морей жаждало его душа. На миг воцарилось молчание. Снабженцы спорили о старых временах. Их несло в прозрачность лунного света, на прошлогодние двухлетние травы – лопухи. Семейство сложноцветные обильно украшало окрестные пустыри и сорные места вдоль дорог. Молодыми побегами, впрочем, можно было и закусить.

Гонцы разрушительной идеи алкоголизма стремились к анестезии. Желание добавить сто граммов наркотического вещества затмевало все вокруг. Они быстро и вслух считали, переводя количество бутылок в «Вермут», не опускаясь до ничтожных рублей. Их мертвые святые

(«спиритус» переводится как дух) помогали им в мертвом полусвете. Братство радостно велось в могилу.

Николай позавидовал их бесшабашности. Их безумные головы влеклись туда, где сходилась с горизонтом и еще не до конца оттаявший весенний суглинок. На тот берег, куда тихо выскальзывал из тьмы легендарный Харон. По их задору, отличному от озабоченности народа, можно было догадаться о наличии всесокрушающей цели. И хотя она считалась ложной, но давала редкое ощущение «здесь и сейчас».

Старая овчарка из группы служебных собак тащилась за мужиками. Выносливая и неприветливая, она обладала хорошей памятью и, похоже, возвратилась на старое место обитания. Один из них взял животное за холку, накиннул на голову подобие ошейника из жесткой проволоки. Собака почти не сопротивлялась, но, чувствуя что-то неладное, вдруг разразилась пугающим сиплым лаем отчаяния.

Николая совсем не тянуло домой. В неопрятной квартире ждала нелюбимая жена. От мысли сделалось печально, создалось тоскливое настроение с чертами уныния. Хотелось застыть на месте и быть вместе с четвероногим другом. И в тон колокольному звону смотреть сверху вниз на Господень дом, на мелких и ничтожных людей, не осознающих единения человека с богом. Николай по простоте своей, по скудоумию и невежественности религиозной, пытался отождествить универсальный характер церкви как мистического «тела Христова» и «полноты Святого духа» с какой-нибудь этнической или политической общностью. Христианский храм, влекущий паству последователей на основе общности вероучения и культа, в общем, помогал забыть и стереть чувство вины за ворованные часы. И хоть как-то отвлечься от той женщины, жизнь с которой протекала без любви.

Николай призвал себя к смирению, оглядел пространство, споткнулся взглядом о фигуру общественного существа, обладающего сознанием и разумом. Субъект общественно-исторической деятельности и культуры, возникший на Земле в ходе длительной эволюции, обладающий двуногой походкой, с удивлением оглянулся на Николая. Человек разумный, о ком в науке пока еще нет единого мнения, юркнул в свое жилище, проявив не агрессию, но высокое мышление и членораздельную речь в сторону неловкого соплеменника. А тот, познавая мир, изменяя себя и творя собственную историю, отметил дом и подъезд своего тайного недруга, помня о его красавице жене, о недавнем разговоре с ней.

За прихотливым иносказанием в дни именин Николай витиевато выказывал хозяйке чужую книжную мысль тысячелетней давности. Разумеется, как свою и оригинальную, и только что рожденную.

Чужая супруга поддалась соблазну чужеродного интеллекта, тонко отпарировала напасть напористого гостя: «Неужели и вправду прямой и здравый смысл, идею, предназначение, конечную цель изрекаете, милый юноша?», – потрепала соблазнителя за мочку уха, задержав пальчики дольше обычного.

Прикасанием томная дама встряхнула уснувшее донжуанство перспективного любовника. Кризис интимного переживания покинул молодую душу. В соседней комнате к месту грянул вид искусства, в котором средством воплощения художественных образов служат определенным образом организованные музыкальные звуки. По лицам гостей блеснуло оживление. В окнах заскользили небесные блики. Мужчины и женщины потянули носом. В

воздухе ощущался запах жареной свинины. К столу пока не приглашали.

Мерцающий в посюсторонней материальности смысл заговорил образом хозяина. Затевалось временное и вынужденное шутовство. Из многолюдства с пыхтеньем отворилась душа человека. Скука пыльного ковра растянута тальянкой, что-то наиграла гостям.

Глава семейства, раздираемый звуками, как род певчих птиц семейства дроздовых соловей в конце мая, воплотился в слово и начал заполнять пустоты предобеденного ожидания. Как и полагается соловьиному самцу, он пел в наступающие сумерки сложную и красивую песню из свистовых, щелкающих и рокочущих звуков. Продолжая соловьиные традиции, он оставался оригиналом и непревзойденным импровизатором. В наступившей тишине послышалось кряхтенье цыганского обоза. В настенной репродукции «Грачи прилетели» шевельнулись птичьи крылья.

Снабженец перестал жевать жвачку. Бухгалтер напругла уши и глаза. В комнате злое свертнуло зрачки того, кому от рожденья молчать и, вспыхнув, потухли. Высокой тенью качнулась скука. Молодожены выдохнули шумно, кашлянули разом, словно сговорились. С улицы слышался хруст ледяной корки. Сомкнутые губы хозяина о чем-то молчали. Перевозчик шептал анекдоты и, как потом отмечали, слышался чудный гул.

Человек от неполноты душевной наезжал на Николая, обесценивая Пушкина, критикуя художественную речь коллеги, фонически расчлененную на относительно короткие отрезки, сопоставимые и соизмеримые. Самую поэзию, затронув, принялся с прищуром вглядываться в оробевшего пиита. Сыпал правду-матку о том, что мысли у него нет в стихе, что нужно переходить на прозу.

От некомпетентного перенесения свойства одного предмета на другой, от количества критических метафор в адрес поэзии небеса взволновались. В дверь позвонили, невидимый мужской голос произнес: «Вашу машину во дворе зацепили...» Человек изменился в лице, впрыгнул в одежду, выбежал из прихожей.

Пиита облегченно вздохнул, чужое горе его не обрадовало. Слышался звон бокалов в буфете. Пахло самогонкой, заправленной дубовой корой. Другую водку здесь не употребляли. В запотевших гостей пахло сквозняком. За окном человек доказывал обидчику свою правоту. С низкого дивана Коля обозрел симпатичные ноги нагнувшейся половины Валерия Ивановича. Он почуял сексуальное влечение и больше ни о чем не мог думать.

Женщины, разомлев от спиртного, пели песни. Элеонора, кротче которой, казалось, свет не видел, подобно средневековому пытателю истины, терзала непьющего Николая голой правдой факта. «Мужика ей надо», – хохотали в тему снабженцы. «Колян, возьми Элку второй женой, – издевался перевозчик, – ночью покричит, днем будет как шелковая».

Чем же мучилась хранительница бухгалтерского равновесия? Разгоряченная львица по гороскопу курила у форточки, приспособив ногу на батарею. Не глядя на застолье, старая девица в отместку за свое одиночество выдавала информацию в прохладный сумрак, врывающийся в открытую форточку.

О том, как Коля остановил всю работу на фирме, загрузив компьютер неверными командами. Машина выдала сто левых копий, вместо пятидесяти. Поэт стоял с

напряжением внутри сто тысяч вольт. Сотрудники делали вид, что ничего не произошло. «Коля, вы нам работу остановили», – прозвучало в офисе. Принтер выплюнул оставшиеся факты незаконного вторжения в дела фирмы.

Николай почесал скулы, поросшие к вечеру щетиной, порадовался, что никто не узнал о съеденном салате, курице, колбасе и прочем. Угощение адресовалось человеку, опоздавшему на офисное торжество. Бухгалтерша по телефону приглашала того завернуть на огонек, перечисляя уже несуществующие блюда.

Мягкий ветерок шевелил волосы компании. Коля исповедовался пьяному сборищу в жажде правды и прощения. Отринув самое себя, взобрался на стул в грязной обуви, зля заносчивого хозяина. Предшествующие грехи утрачивали значение живой памяти.

Звучал перечень отклонений от божественного предназначения. Слышался лай собаки. Взвизгнули тормоза остановившейся техники. «Хоть бы опять бампер не помяли», – взволновался человек, оглядывая темнеющий двор.

Слава Богу, здесь не представляли уровень истинной греховности Коли. Будто щеколда звякнула о пробой, отворила дверь, а за ней откровение и не только. Деньги, собранные на день рождения снабженцу поручили хранить Николаю. Кто-то в последний момент принес в общую кассу десять тысяч.

Следовало обратиться к небесам за помощью. В ухо, как вата, набилась алчность. Совесть дремала над пустой чашкой пьянящего кофе. Отсутствие контроля со стороны приятелей поддало взрывчатых веществ, т.е. пороху, основной формой взрывчатого превращения которого является послышное горение алчности. Здравомыслие сладостно растянулось на скамейке безнаказанности.

Лампадка незримой божницы, вспыхнув ярче обычного, погасла. Икона потемнела. Купюра само по себе взвилась над поверхностью и канула во лжи бокового кармана пиджака.

Николай взял в защитники своих заблуждений ту, которой должен быть судим и осужден. Ту, в руки которой он вложил свои непериодические издания в виде сброшюрованных листов печатного материала – книги, он доверил ей одну из древнейшей формы книги – свиток и заронил в ее способность мышления и понимания свои мысли. Папирус в ее руках хрипел и корчился, пергамен не поддавался разумению, европейская бумага 13 века возмутительно желтела и обесценивалась. По внешности – жена, в душе ничего в ней женского, кроме имени и одеяния. Она ерничала по ту сторону входной двери (базарная баба), не впуская изрядно захмелевшего в гостях красавца мужа.

От глупости сложившейся ситуации супруг кусал воротник рубашки, точно ошейник, скулил и царапал обивку. Базарная баба причитала на весь подъезд. Перечисляя грехи неверного мужа, она не подозревая, что мужчинка вышел на улицу, свернул на бурьяны и прочие роды колючих растений семейства сложноцветные – чертополохи, прижался к ним, задремал.

По гущине прилегающего кустарника скользнула громадная тень бездомной собаки. Звонко треснули сучья, заглушая таинственный топот. В мареве месяца вихрился туманный выдох винного перегара. Через темную пелену хорошо проглядывался освещенный светом зала балкон. Четырехлетняя любимая дочь светилась счастьем, сбрасывая вниз какие-то предметы. Хмель шатнул пьяного

человека, словно он склонил на свою сторону римскую церковь.

Пьяные мозги возмутились, настроились на заступничество. Дочь после ванны уговаривала бабу разрешить ей постоять на балконе. В совокупности сосудов и полостей, по которым вместо крови циркулировал алкоголь, проигрывалась недавняя сцена. «Ребенок распарился, а ты выпускаешь ее на холод», – возразил и хлопнул кулаком по столу Коля.

Николай таки не сдержался и треснул бабу. В оплеуху вложил недовольство беспорядком, ненависть к разбитной особе и отсутствие женственности. Выплеснулась тоска по интимному и глубокому чувству, желание устремленности на другую личность, возникла мечта по простой человеческой любви. По ночам виделась зыбкая форма индивидуально-избирательного чувства, побудительная сила всякого духовного восхождения, эта космическая сила, подобная силе тяготения. Что и подтверждало длительное историческое развитие генетики Николая.

В застывшей сини прокуренной комнаты маячил вызванный бабой наряд милиции. Сержант переводил взгляд с мужа на жену и понимал что-то очень важное, шепнув: «Бросай ты эту», – не договорив и без того понятную мысль.

Голова Николая шаталась как на подвесках. Высший отдел центральной нервной системы, расположенный в полости черепа, плохо регулировал жизненно важные функции организма. Вечерняя изморозь марта сплетала ощущение сырости. Крупное домашнее млекопитающее рода волков, одомашненное десятки тысяч лет назад, сливалась с густыми кустами и напоминало живую корягу. Оно то ныряло под вывороченный корень, то любопытно приближалось. Где, как еретик, гонимый церковью,

подрывающий веру простых людей, пятнающий чистоту церкви, плутал нетрезвый человеческий детеныш густой чащи нравственных законов. И за этим дело не стало.

Вскинув руки вверх, Николай почувствовал, что озяб до основного элемента скелета позвоночных животных и человека, поплелся к подъезду. Соль, кальций и белки в плотном межклеточном веществе застыли и не обеспечивали твердость и эластичность образа. Суставы, связки и мышцы, плохо слушались сухожилий и превращали опорно-двигательный аппарат в разбалансированный механизм. Николай понял, старые клетки разрушаются и умирают, а новые еще не обрели достаточную твердость, но перестраиваются и находятся в стадии развития. На рукаве пальто зависла ветка вербы из рода ивовые, декоративно служа закреплению плотского песка и глины. Хмель делал глаза мутными, думы рассеянными, замыслы неопределенными. Пивная бутылка ударилась в носок, наследила кругом суглинок, разбилась о камень. Плохая примета.

Суеверия донимали юного мужа, запечатлевая в подсознании новые непреложные истины, неизменные во всех обстоятельствах, превращаясь в догматы, не подлежащие критике. Они ложились в одностороннее, схематичное, окостеневшее мышление, оперируя опять же догмами, изливая яд на душевный покой, причиняя вред всем. Истинно зубовным скрежетом, ради милой доченьки, совершался шаг.

Весна пересиливала зиму, свет одолевал тьму. Ни к чему было думать о сырости, проникающей сквозь убогое пальто. В голове хмуρο туманилось. В темноте пустыря

сияли душевные размышления. Солнце алкоголизма с неизменным радиусом 697 тысяч километров как типичная звезда галактики, как центральное тело алкогольной человеческой системы, с мощным излучением, широко раздвигало кусты, удивленно окидывало глазами Николая. Солнце алкоголизма неизменно светило начиная с того самого дня, когда впервые появились первые алкогольные вещества. Подобно тому, как водород ядерным образом превращается в гелий, являясь источником солнечной энергии, точно так получался напиток спиртовым брожением виноградного сока. Соприкасаясь с человеком, напиток рождал редкую по силе воздействия фальшивую энергию действия. Человек застыл в молчанье, разглядывал ветку, прилепившуюся к рукаву.

Резко прозвучали один за другим два человеческих вскрика. Две таинственные тени упали на охапку сырой нарезанной лозы. Одна легла сверху, задергала ногами, затихла, осталась лежать ничком на замершей тайне. Выпятив язык от любопытства, Николай обильно, как в парилке, вспотел.

На левой стороне пустыря всполошился пернатый класс позвоночных животных, заставив покрутить головой, попятиться назад к густому кустарнику. Многочисленная группа летающих животных, размахивая передними конечностями, преобразованными в крылья, издала несколько мелодичных, но достаточно скупых звуков межвидового общения. Раздумья плутали напротив, унося помыслы в баню. Николай, как бы догадавшись, отвернулся от воображаемого присутствия. Не подчиненный уставу трезвой реальности, он начал испражняться обильной струей, следуя растрепанным инстинктам.

В памяти клубились серые дымы неправильных поступков. Разгоряченный мозг уносил в оздоровительный

комплекс под горячий душ. Обтекающая водная струя звуковыми ассоциациями вызывала малую физиологическую потребность. Наискось совершал омовение снабженец, всегда забегающий перед парилкой в туалет по малой нужде.

Споткнувшись, Николай упал на кочковатый суглинок, повернул голову, как следопыт, прислушался к гулу земли. Под воздействием гравитационного поля, почувствовал условия разогрева земных недр и свойства неосферы. Он услышал гул мирового океана, движение таинственных обитателей Марианской впадины, биение пульса каждого из шести материков, отряхиваясь от газовой-пылевой пыли. Сор прилепился к щеке пьяного, и он так продолжал додумывать думу о нравственности. В одурманенной голове забрезжило просветление, времена сместились, душа обернулась к свету. Николай включал напор горячей и холодной жидкости без цвета и запаха до предела, скрывая нечестивое действие. И писал, пряча дрожь и предчувствие разоблачения.

В бассейне снабженцы осыпались пылью одного из самых распространенных соединений в природе. Один из них прямо и тактично (Николай думал о нем нехорошо) попросил его не охлаждать ноги в бассейне на глазах у изумленной публики. «А то ведь прямо на голову наступаешь», – взвизгнул думы, взбил эмоции, взволновал обидчивость.

Перед носом блеснули плутоватые зрочки, пытаясь воспринять убогим организмом объект внешнего мира. Прозрачная вода у поручней отражала часто моргающие бегающие глаза, мешая улавливать отражаемый или излучаемый им свет. В примитивных зрительных центрах возникло искаженное ощущение мужчины. Коля прихватила дополнительную простынку, кто их считает, грязно и

некрасиво прятал под широкую лавку отсыревшую и мятую – использованную льняную промокашку.

Тяжелый сквозняк выдул из души налет романтической расслабленности, устремленности к безграничной свободе, жажду совершенства и обновления, пафос личной и гражданской независимости. Напряженный и мучительный разлад идеала и социальной действительности сотрясал глубинные пласты мировосприятия. Под тонкой подошвой дешевых и плохо согревающих ботинок зачмокал сырой грунт. Николай с печальной улыбкой сдернул с непричесанной головы грязную шапку, принялся очищать ее, мелко перебирая застрявшие травинки.

«Скидывай пальто, где тебя носило?», – строго спрашивала жаба, покачала головой туда сюда, потянулась на кухню, выдыхая многозначительное и пугающее разводом «Да...». Новое вино осознания в старых мехах разобщенности скисло, потеряло вкус и вообще смысл. Николай распахнул потную рубаху, обернулся на вбегающую дочь, легко подхватил на руки пахнущее счастьем тельце. Лицо обдало теплом детства. Тонкие руки девочки доверчиво обняли папу, обвили шею.

Восторг ребенка передался прослезившемуся родителю, точно он открыл источники знания. Одиночество (Все алкоголики одиноки, утверждает учение о трезвом образе жизни) зыбкой религии больного человека на миг обрело лик причастности. Он не надолго пришел в себя, схватил наперевес игрушечную палку, запрыгал вдоль стены, изображая перед малышкой неизвестного воина.

Под безбожными книгами недовольно ворочалось в кресле нелюбимое пресноводное существо, склоняя к

своему злоречию скрипящую мебель. Наивные романтизированные выкрутасы мужа не унимали смуту в ревнивой бабе. Не изящные танцевальные движения потрясали домашнюю церковь, восторгали смеющуюся дочь, оживляли стены неопрятного жилища.

Коля засучил ногами, изобразил антраша. Он приподнялся над землей, шумно дыша, едва не зацепил головой низко висящую люстру. Не понять его пыл, унесший к истокам далекого детства, практичной и расчетливой жене.

Где-то в начале шестидесятых годов прошлого столетия сейчас обитал его летучий дух, его нематериальное начало, склоняясь к субстанции пантеизма. Скоком прискоком, подбоченись, как Волчок (Имя уличного кумира) или же так он сам себе вообразил, парил маг над пережженным углем с местным названием «жужалка». Угольный прах по утрам маленькими лопатками вынимали из печки в ведро, выносили на улицу и в расстряску ровно рассыпали по улице. Так мостились непроходимые черноземные грязи на узких около шахтных переулках.

Дочь держалась за живот, каталась по дивану, измученная смехом. Отсутствие любви к половине Николай с лихвой восполнял шутовством, притворством и служением чадушке. Таким образом, грядущие выходные искусственно облегчались, а жена продолжала оставаться в заблуждении. В результате безмолвная, умозрительная апелляция мужчины к небу по поводу страсти выглядела тривиальной хитростью. А этот пассаж, этот неожиданный поворот в деле, конечно же, достойно подогревал крещеные народные массы в одном женском лице.

Танцор рукавом рубахи стирал пот на лбу. Вдруг задохнулся от жалости к себе и внутреннего плача. Вдруг захотелось простой любви. Весна, не спрашивая, диктовала свои условия, бередила похоть. Осовелые глаза ничего

не видели вокруг, но всматривались в прошлое. Память отмечала все запомнившиеся связи с женщинами. Больная мысль боялась признаться, все, все, все случилось без чувства. Ужас заиграл в волчьих огоньках. Погасить его можно только хмелем и ни чем больше. Я не имею в виду многолетние лианы семейства коноплевые, соцветия и шишки которых используют в пивоварении, медицине, парфюмерии.

Как будто все предельно объективно, все принадлежит самому объекту, независимо от субъекта, существует вне и независимо от сознания человека, во имя высших интересов семьи. Чистоту эту никому не запятнать. Случайные фрейдистские проговорки присутствуют. Муж, вооруженный ревностью к вере и справедливости, высказывается не кому-нибудь, Самому Творцу.

Разгоряченный отец подошел к окну, держа дочь на руках, на ходу выхватил с полки детскую книжку. На полуметровом слое пыли подоконника, как и во всей квартире, красовался вернисаж хаоса и беспорядка. Справедливости ради отмечу, что название происходит от обычая покрывать картины лаком перед открытием выставки. В глубине у несчастного супруга просыпался разъяренный муж. Усиливающийся ветер слышался отчетливо сквозь несвежие мутные стекла. Где-то выла брошенная собака, скребя по сердцу когтями. В печальном кличе животного узнавалась родственная душа. Нахлынувшая жуть стянула ошейник на шее. С губ тонкой ниткой потянулась слюна. Николай старался скрыть свою слабость, боясь, что жена уличит его в сентиментальности, в чувствительности или чрезмерной нежности в выражении чувств, в слезливой растроганности, изнеженности. Хотя сам себе он давно объявил доминантой не разум, а чувство, и путь к идеально-нормативной личности искал в высвобожде-

нии и совершенствовании «естественных» чувств, волнуясь между Ричардсоном и Карамзиным.

Во сне Николай узнавал тайны подсознания. Во сне он видел пугающие и образы тех, кто много лет назад вызывал негативные и невыраженные чувства. По сему в лабиринтах сновидений мелькали лики, перебивая воспоминания о солнечном мальчишке. Жена загадала ночью устроить таинство плоти. Минул месяц, как мужик не прикасался к истомившейся груди.

Муж, бревно бревном, завалился на бок, зачитав доченьку фольклорным жанром – сказками, преимущественно прозаическими произведениями волшебного характера со счастливым концом, перемежая «Тысяча и одну ночь» с творениями А.Н. Афанасьева, переходя на Ш. Пьеро, Х. К. Андерсена и В. Хауфа. Русский непрофессиональный сказитель немзыкально исполнял исторические песни, наблюдая, как за окном разыгрывался дождь. В тишине слышались шаги прохожего. Грязь сопела, вжикала, в неглубоких лужах голубели дальние фонари дворового освещения.

«Толян, что ж ты все где-то ходишь, все что-то ищешь...», – пыталась ластиться около лежащая особа, полагая, что муж не спит, а притворяется. И так подкатывалась, и горячо дышала в ухо, и бредила рукой эротические места в области спины и шеи. Неприятно пахнущие сальные волосы, обвешенные редкой перхотью, трягнули чувствительную кожу мужчину, ничуть не волнуя.

Жена покатила на кухню курить от нервного напряжения. Вытащила из хлебницы связку кренделей, привезенных мужем из далекой Украины от свекрови. Глубоко

затянулась недокуренной с вечера сигаретой «прима». Выдохнула в несвежий кухонный потолок облако синего дыма. Начала закручивать на голове пучок из непослушных волос. Заплакала от ревности, жалости к себе, безысходности, жуя остатки ветчинного окорока.

Мало-помалу обозначался финал безнадежно разрушенных отношений, обреченных на злобное молчание и мстительную обидчивость. Отношения, которые в опасности, подвержены этой опасности, конечно, прежде всего, изнутри. Повсеместная слава от присутствия красивого мужа – большой соблазн для подруг. Да зрелище его изгнания будет публичным. И старая муза грустно признала, что жизнь в слове сведена к прозябанию в немоте.

В щель кособокой двери проникал кухонный свет, щечка пятки разбросанной во сне дочери. Николай шумно сопел сквозь расхлябанную ноздрю. Низко и опасно свесились из-под одеяла рука и нога, словно пробуя пыльный палас. Выпятив отвислую грудь, возникла из темноты жена, полезла в холодный угол к стене, замелькала в темноте некрасивыми икрами. Легла лицом в подушку, в обхват руками зацепила руки, нащупала металлический браслет кем-то спрятанных часов.

Муж переживал подсознательную нерешительность подростка на танцевальной площадке за домом культуры шахты «Лидиевка». Он с ужасом осознавал, как на вечеринках выбирал многолюдные и темные места. Так удобнее прятать от всевидящих девичьих глаз дешевенькие и не модные туфли, неудобные, не глаженные брюки.

Молодой парень силился, силился растолкать слабыми руками празднично одетых ровесников, но все время ужасался мысли: денег на билет для девушки не было. В кармане всего пятьдесят копеек, надерганных из родительских карманов. Не глядя на строгий и модный костюм

друга Станислава, унижающий до невероятности, Коля лукаво моргал такому же, как и он, нерешительному парню, в таких же чудовищно мешковатых брюках.

Спотыкаясь по дороге, грузной походкой протопал нетрезвый сосед и, подбирая полы непомерно длинного пиджака, повернул обратно. Ансамбль заиграл модную в то время «Червону руту». Разбитная девушка отвела ладонью низко висящую ветку акации, подошла к Коле: «Разрешите...»

К утру сны заполнили тревожное сознание. Явились одноклассники из 94 школы. За фигурами проявлялось лицо Булаха. Карикатурный Табаков со школьной стенгазеты под редакцией Коли, с длинным неудавшимся носом, уродливо смотрелся с непомерно большой сигаретой. Почти слепой, дымящий на манер паровоза, в шапке, взбитой в сторону и обрызганном пятнами свитере, он укориженно смотрел глаза в глаза, ничего не говоря.

Будучи в отпуске, Коля случайно встретил его на поселке. И крепко испугался как доносчик или пасквилянт, точно увидел одного из участников будущего судилища. Да мало ли что. Табаков, пропитанный наркотиками, издерганный тюрьмой, слюдяными зрачками блуждал по незнакомцу, заворачивая ворот пальто за подбородок. Он не узнавал школьного товарища.

Николай почувствовал, перед ним еще не муж, но мальчик и сплюнул от досады на раскиданную солому, на снующих кур из соседнего хозяйства. Детская горка расшаталась. Сползая на низкую скамейку, хотелось потянуть ноги к песочнице. Громкая соната ярчайшего представителя венской классической школы австрийского композитора

Вольфганга Амадея Моцарта звучала неизвестно откуда. В звуках, отражающих гармоничную целостность бытия, лирика души сочеталась с глубоким драматизмом. Динамическое равновесие возвышенных образов и обыденных тем, оборвалась неожиданно, перебилось всеильным народным шансонье. Душа Коли так и осталась в том доверительном, келейно нашептанном слове.

Любимый голос дочери, подгоняющий каких-то лошадей, вырвал из сонного состояния: «Н-но, родимые...» Жена крепко ухватила их за вожжи. Род млекопитающих семейства лошадиные вкупе с ослами, зебрами и куланами, мчался из африканских пустынь через азиатские полупустыни и степи. Табун, способный развить скорость до 60 километров в час, зафыркал, подковы зацокали, окатывая грязью. Мужчина повернул и кубарем полетел на пол.

Противная сторона в своей хитрости и изворотливости предвидела также и это, чтобы напасть на беззаботное существо и вынудить к ответу. Коля искоса поглядывал на растерявшуюся супругу. Он уставился на ворованный прибор для измерения текущего времени, почему-то оказавшийся под ногами, недоуменно слушал их громкое тиканье, забыв про висящие над головой ходики. Но и благодарно припомнив нидерландского ученого Х. Хюйгенса, разработавшего в 1657 году основную конструкцию современных механических часов.

О чем перешептывались мама и дочь, можно было только догадываться. Страшно, что подготовительный оговор отца в глазах чада предполагал житейски бытовой материал науцательского свойства. Без предварительной освещенности в сердце, в центральном органе кровеносной системы человека, словесно не оформленный в душе. Живая жизнь человеческих страстей живо существовала лишь наполовину.

Дочь звала папу поиграть. Жена плохо скрывала неудовлетворенную похоть. Старый диван, требующий вмешательства мастера, хрипло вытолкнул в новый день раздражение вместе с головной болью.

В тусклое окно ворвался светлый мир. Николаю, ослепленному утренним солнцем, формы жены показались сносными, а беспорядок на столе – раздумчивой забывчивостью. Жареная картошка, как многолетний клубеносный вид семейства пасленовые, не лезла в горло. Думалось о бражном стакане. За окном виделась канава, полная дождевой воды. В небе парила сорванная ветром с балкона светлая куртка.

Какой-то мужчина долго держал на проводе телефона супругу Коли. Сам Коля мечтал сбежать из квартиры с ребенком хоть на край света. Лишь бы не видеть, не слышать, не знать ту, чье имя не озвучивали уста. Дочь развернула чашку с чаем на брюки. Николаю хотелось опохмелиться.

У каждого героя имеется не один словесный портрет: он – органом зрения сослуживцев, он – нежными глазами любимой женщины, он – глазным яблоком, соединенным зрительным нервом с мозгом супружеской ненависти. Этой эмоцией, превратившейся в устойчивое чувство, выражаясь совсем уже современно, на все времена был – вышвырнут Николай за все мыслимые пределы нормальной человеческой – семейной жизни, за край общего быта, взаимной помощи, моральной и правовой ответственности. Как устойчивое объединение триумvirат домочадцев разложился, не возникнув со времен родового строя. Основная историческая форма семьи – парная

получилась у Николая неустойчивой от зыбкости связей между мужем и женой.

Вполне законному судилищу тамошней эпохи вторили мифы завистников. Член Сообщества Анонимных Алкоголиков по телефону отодвигал ржавый засов доверительности, критикуя Колю. Наивный Николай выслушивал правду о себе, им же на доверительных психологических собраниях рассказанную.

Он краснел на не застеленной постели. Вокруг коптели остывающие очи ревнивой бабы, подозревая в странном разговоре наличие тайны. Николай не знал, как ему поступить. Дворянин по крови, он не мог перебить человека. А тот верещал: «Ты вор, ты бабник. Оставь в покое Эллу, Наташу, Лику...» И что-то еще квакал, лаял, унижая, переходя пределы допустимой нормы.

Дочь с мамой давно рядом шушукались, папа присватался к телефонной трубке на три часа. Слухи огорчали подсознание. Слушатель не мог послать обидчика подальше или бросить трубку. «Зачем тебе такой напруг?», – много позже спросил опытный товарищ. Личного опыта не было. Чувственно-эмпирическое познание действительности, единство знаний и умений находилось на уровне развития грудного ребенка. Оскорбитель вскоре женился и переменялся, потом Бог его прибрал. Обида осталась в сердце Николая занозой, сидела на видном месте, не скovyрнуть.

Вчера Коля узнал, слухи о неверной жене подтвердились устами ее лучшей подруги, которая отдалась Николаю, как только тот появился на пороге ее квартиры. Красавец мужчина и без того мало обращал внимания на свою половину, а теперь не помнил о ней. В ее немых каштановых волосах таилось отвращение, в глазах неоделенного цвета светилась тревога.

Несмотря ни на что, рядом с Колей всегда находились красивые женщины. Второй соблазнитель республики шептал чужим женам одну и ту же фразу: «Я пришел, чтобы сделать тебя счастливой...» Психологически верному словосочетанию внимали все, у кого личная жизнь не сложилась. В центре внимания фразы стояли бессознательные психические процессы и мотивация. Они вытесняли из женского сознания неприемлемые для них влечения и травмирующие переживания. Да кто откажется от личного счастья, хотя бы и с чужим мужем. Все женщины – дети. Кому не охота отодвинуть вбок главный источник невротических симптомов и других патологических явлений?

Огненное половодье страсти обрушилось с неожиданной стороны. Жена художника мудро предложила приехать в гости вместе с дочерью. Баба что-то ворчала, запирала следом дверь. Долго смотрела вслед в обозримое пространство. Ребенок спал в комнате мастера, пригретый очаровательной мастерицей. Прощаясь с нежной женщиной, доченька бросилась ей на шею, бормоча: «Моя тетя...». С мамой ей было не так тепло. Коля от жалости плакал внутрь.

Дома на Колю набросилась жена с упреками за отключенный холодильник. Коля страдал страхами за будущее, особенно в пьяном виде. Исповеди трезвой жизни дали возможность реконструировать этот устрашающе поучительный, социальный урок выздоровления. Система высказывания нарисовала образ врага. А он, как известно, только внутри. Как дело двигалось? Вспоминалось и озвучивалось. Анализ вытесненных комплексов с помощью свободных ассоциаций относился к душе, к психике.

Урну с мусором Коля заливал водой шесть раз, вдруг возгорится? Запоры на дверях проверил четырежды. Розетку на электроприборы, что-то привиделось, выдер-

нул. Утром холодильник не сильно закапал. Жена кричала: «Совсем с ума сошел от пьяной жизни, – причитала, – скоро рубильник во всем доме будешь вырубать, слесарь...», – тихо обронила самое оскорбительное для Николая слово, тряхнула амбиции, крепко уязвила самолюбие, уколола самомнение, уняла непомерную спесь.

Суббота означала не просто выходной день. Шестой день недели напоминал о предстоящем многочасовом кошмаре присутствия жены. Убедить публику в том, что Христово отечество в опасности, не представлялось возможным. Вера всеобщего упования, которую Христос осветил своей кровью, подрывалась серьезным и опасным образом. Любовь не имела место быть. Апостолы, мученики, святые учителя и это имели в виду тоже.

Суббота скорбящей души и сокрушенного сердца принуждала говорить о том, за что, если бы это было необходимо, Николай готов бы был и умереть. «Язва здешних мест» маячила, словно неугасимый светильник ненависти, ища развлечений в пустословии. Предельно грязные полы, вещевая неразбериха, кухонная неряшливость навевали думы о чистоте как таковой. В настроении преобладало отчаянье, здравый смысл перебивался пополам. Давным-давно мама живо рисовала повесть об охотнике побездельничать. «Не успеешь повернуться, а он шлеп и присел на что-нибудь...»

Зерна идеи, понятия разума, которым нет соответственного предмета в чувственном опыте, со свистом ударялись в сознание, впивались в неловкие отроческие убеждения. Они оставались мыслью, представлением, намерением, планом. Программа предполагаемого жиз-

ненного пути обретала очертания философии бездельника. Непроизвольно он отмечал все виды деятельности человека, не требующие особенных усилий для достижения результата.

Курсы мастеров по ремонту холодильных установок Коля запомнил. Бросился по указанному адресу, спрятал бумажку с рекомендациями в карман. Учеба требовала самоотдачи и дисциплины посещений. Но определенный порядок поведения Коли не отвечал сложившимся в обществе требованиям той или иной организации. Маме он соврал, что занятия отменили. Деньги пропали. Тридцать лет прожил, любясь вихрастыми кудрями чужих жен, щечка их пухлые губы колючими усами.

Вспомнил футбольный отпуск – три месяца. Хлебнул глупой свободы, обманчиво сладкого времени, горького безделья. Понял, что не способен действовать в соответствии со своими интересами и целями, осуществлять выбор. Обладая конкретной и относительной свободой, Коля расширял ее рамки, следуя историческому развитию общества, теряясь на ее скользких тропах. Не следует об этом молчать. Предупреждал его инженер из столицы, узнав о безнравственном распорядке футбольной братии. «Вы же сопьетесь и пропадете». Однако, пророком оказался. В канцелярии небесной пошли ему навстречу. Бездельник.

Николай сидел рядышком с дочкой, грелся журчанием детского смеха, легко щекотал любимицу по спинке. Дрожь детского очарования катилась по хрупкому тельцу. Дочь отпихивала жену, которая пыталась коснуться губами ее щеки. Девочка обнимала папу за шевелюру, и пальцы ее утонули в мягкой гущине давно нестриженных волос.

Улица от солнца повеселела. Жена, куталась в темно-зеленую кофточку, стояла и наблюдала за семейными сборами. За дверью в предбаннике армянская семья громко рассыпала прибаутки. Ребенок жевал сухое печенье. Неполная бутылка с водой в пакете висела на руке Николая, качалась и булькала. Жена пыталась подобраться к дочери и закрыть глаза ладонями, мол, узнай. Дочь отводила неуместные сейчас руки, кажется, с раздражением. Телефон позвал супругу в иное измерение. Чувствовалось, звонил мужчина. Покраснев, жена отворачивалась, не договаривала что-то, переходила на шепот.

«Пойдем...», – тянула дочь папу за рукав. Теперь все ясней показалось Николаю. Выходя, он обернулся к окну, недоверчиво вздрагивая, ревниво стараясь уловить обрывки разговора. Смех дочери мешал сосредоточиться.

Соседи армяне замолчали, устались на выходящих людей. О тайнах армянской хозяйки в период благорасположения Николаю поведала супруга. А сам армянин сдержанно шепнул о его неполноценной дурочке: «Плохо себя вела до тебя». Подразумевалось «Шлюха!»

Вода сияла в ухабах, блистала весенним солнцем. Одно из самых распространенных соединений в природе, входящая в состав всех живых организмов на земле, подобно зеркалу, слепило рассеянный взор. В небе перемаргивались ангелы, эти вестники, эти бесплотные существа, посредники между богом и людьми, отражаясь в удивленных детских глазенках. На душе, внутри особенной силы, обитающей в теле человека, сделалось легко. Что подтверждало идею всеобщей одушевленности космоса и укрепляло основу учения о мировой душе Платона. Непо-

вторимое бессмертное духовное начало помогло Николаю принять решение и ни в чем не обвинять несчастное женское существо по прозвищу «жена». Бог, обладая возможностями сверх естественного существа, сотворил человека безгрешным для нетления, но даровал ему и свободу воли – свободу выбора добра или уклонения от него.

Труды Духовной академии обогащали лексику слогом правильного изложения религиозной мысли, будили воображение, будоражили сознание. Тот, кому принадлежала абсолютная власть над миром, внезапной весной осветлил скуку и серость обтаявшей почвы. Земля в низких местах, скоробленная трещинами, золотилась, сильно отделилась от пахоты.

Дочь тянулась к ручьям, махала стаям галок, снизу доверху осматривала высокие сосны. Вечнозеленые деревья, главные из лесообразующих пород, уводили на север. В их тени ощущался пронзительный мартовский ветер. До плотины еще шагать и шагать. Думалось о жене.

Николая бросило жар от мысли о своей неправоте в отношении жены. Дочь указывала на скат луга, опускала ноги с коляски на суглинок. Коля ласково уговаривал чадо не делать так, брал дите под мышки, поправлял, прикладывался губами к щеке. Сердце восторженно билось от свободы, от близости мелькающей крыши винно-водочного отдела. Крепкий спиртной напиток, получаемый смешиванием очищенного этилового спирта с водой, уже витал в воздухе духом своим, пропитывая травы, семена и коренья.

Николай вдруг пришел в волнение. Он признался себе, что все годы боялся начинать отношения с женщинами из-за неуверенности в своих силах из-за низкой зарплаты, из-за элементарного страха. Проклятая отрицательная эмоция в ситуациях реальной и воображаемой

опасности превращалась в безотчетный метафизический страх – тоску, специфичную для Николая. Брать на себя ответственность, как говорил друг Сергей, не имеет смысла потому, что все равно рано или поздно жена попросит или потребует денег. И корми ее, и пои, и сапоги покупай, и дубленки, и украшения. Произнес царственный брат Серега как-то мудро, прощально, проникновенно. А главное, смешно.

Николаю показалось, вечная жажда славы отступает, уступая сцену жизненной, вполне человеческой страсти ошельмовать и известить жену. Иницирующие бездумные эмоции гнева и злобы делали упор на наиглавнейшую вещь, но не с той стороны. Вино творило свое лживое дело, укрупняя не настоящие чувства, путая наиболее общие понятия морального сознания, врываясь в категории этики, путая поступки.

Город завершился, потянулись перелески, хранящие снег мелкие овраги. Лозины туманно покрывались пушком. Голый лесок желтел редкой листвой рода листопадных и вечнозеленых деревьев семейства буковые, и редкими подснежниками. Красиво цветущие многолетние травы семейства амариллисовые одиночными поникающими цветками заметно оживляли скучную раннюю весну. У опушки на припеке дремали домашние парнокопытные жвачные животные – козы.

Лиловая даль просматривалась дальше духовного пробуждения. Внутреннее напряжение борьбы с непобедимой реальностью оставляло Николая безболезненно. Ненависть к жене то являлась, то исчезала. Дочь просила показать подснежники. Пустая бутылка, пущенная разволнованным мужем низко над жухлой травой, ухнула по кочкам, завертелась, пропала с глаз.

Внутренний враг, не изучающий, а критикующий,

сеял новые ощущения, колебал освященный веками незыблемый образец. Покаяние учило новому мышлению. Сутулость пропала. Коля понял, она от ответственности. Взрослость – непосильная ноша для незрелого супруга. Теперь он знал ответ на глупый вопрос глупой женщины: «Почему ты такой сутулый?»

Внутренний Иисус шепнул: «Совесь в опасности, ее следует защищать не только словом, но и делом. – После небольшой паузы богочеловек, добровольно принявший страдание и смерть на кресте ради искупления первородного греха, совершенного Адамом и Евой в акте грехопадения, добавил, – отмолчаться же в сезон покаяния никому не удастся...». После чего Помазанник и Мессия, Спаситель, Искупитель и Заступник, Сын человеческий и сын Божий, проповедуя свое учение, отправился на ослике в Иерусалим.

Николай же – само бичевание самое себя – превратил себя в объект травли, жил в этой травле и этой травлей. Как бы в намеченных контурных рамках прописал портрет еретика, выписал этот портрет в слове, в особом вероучении, в привычных литерах привычного текста. И принялся топтать себя как жертву, отклоняясь от официальной церковной доктрины в области догматики и культа.

Ничего, что дело происходило в разгар поста. Почин сделан. Вот она жизнь его перед глазами. Дочь от путевой тряски дремала в коляске. Дорога стелилась скомканным рушником. Грязные облака плотно облегли обозримый небосвод. Паутина солнечных лучей широко разбегалась от небесного источника. Слово тень загара покрывала

тонкую нежную кожу личика дочери, грубовато слепя и раздражая детский сон. Мысли отца сдвигали брови, увидели в памятные выси.

В работу включился образ, живущий в каждом творении божьем. Каясь, он присел под иконы, поклонился изображению символа, таинственно связанного с божеством и потому позволяющего духовно приобщиться к оригиналу. Так он позвал образец благочестия. Не давали покоя орехи в кармане. У друга он открывал тумбочку, запускал руку в пакет, ведь это его, Николая, подарок. Стало быть, идея, чтобы еще взять, не показалась ненормальной. И он брал орехи как свои. И он ужаснулся, ощутив тревогу перемен, попытался представить перед собой нового хозяина.

Дочь проснулась, подперла ангельское личико, облокотясь на подлокотник. Солнечные блики упали под ноги. В глазах колыхалась ангельская чистота. О христианских категориях думалось в соответствии с идеологическими текстами времени, которые у всех на слуху. Николай радовался молчанию дочери. Лицо трепал ветерок, бралась первая пыль, нудно повизгивало колесо коляски.

Шум электрички навеял воспоминания о встречах женой соседа. Побросав пожитки в пакет, они сели в разные вагоны, вышли, где условились, двинулись к темнеющему леску поодиночке друг за дружкой. Как известно, в чужую жену дьявол положил ложку меда. Их сладкое прелюбодеяние напоминало любовь. На макушке поляны во время страсти казалось, кто-то подсматривает. Уж больно странно после завершения акта потрескивали удаляющиеся кусты.

Любовники возвращались по кустарниковому склону, встретившись только через десять лет. В беседке они предавались утехам в осенней прохладе. Женщина вела

себя скованно, мечтая о чем-то возвышенном. Николай не ценил ее искренние чувства, подернутые комплексами предрассудков. Через десять лет они вновь случайно увиделись на продуваемой ветром остановке. Женщина стояла, склонив голову. Полнеющую фигуру захлестывали порывы страсти.

У небесного озера начиналась скука усталости. Она встряхнулась словами о любви. Пальцами он гладил ее щеку, всматривался в светлое лицо. Во взгляде читалось желание броситься на шею, из глаз брызнули слезы.

На другом конце оврага Николай осознал, это не его женщина. Ее внутренняя скованность отпугивала мужчину, избалованного женщинами. Мужикам не нравятся дамы с предрассудками. Она делала акцент на то, что мужчин не интересует, обретая новое знание и умение в близости, совершенно не нужное Николаю. К тому же она безнадежно расплылась, над губой пробились усы. «Позвони мне завтра!», – воскликнула она на прощанье. Последнее слово, растянутое по буквам, унеслось ветром в слабое эхо.

«Когда ты протрезвешь?», – жена шумно комментировала винные запахи, снимая курточку с дочери. Вместо того, чтобы сокрушаться в содеянном, муж вздыхал о своей душе, достойной жалобного стенания. «Звонила какая-то Наташа, ругалась, что ты ерунду насочинял в романе, в своем эпическом произведении большой формы. Ты бывшим сучкам даришь этот бред сивой кобылы? Где же пресловутое повествование, сосредоточенное на судьбах отдельной личности? Где твоё отношение к окружающему миру? Где становление и развитие его характера?»

Николай неожиданно удивился догадке, ведь жизнь личности в его романе и жизнь общества не предстают как относительно самостоятельные. Главное, ему не удалось создать типичную романную ситуацию – столкнуть в герою нравственное и личностное с природной и социальной необходимостью. Разве что открытость формы романа удалось использовать для воплощения неожиданной жанровой модификации самой исповеди как таковой. Сочинитель, сраженный неожиданной правдой, бессильно прислонился к стене, руки обвисли как плети.

Все опротивело скромному мужу «презренной прозы». Письменная речь без деления на соизмеримые отрезки, пребывание в соотнесенности синтаксических единиц, отбросила его развитие на значительное расстояние от вершины мастерства. Будто большие силы ополчились на него. Дочка солнечным отсветом выводила на душе светлые сполохи радости, оттеняя на антресоли металлические крюки для качелей. На одном из них в безумье ревности пыталась повеситься беременная жена. Попытка остановить плотские побуждения мужа, пыл его страсти, распаленный огнем молодости и опытом наслаждений, не удалась.

Николай внимал немощным словам женщины, доведенной до отчаяния, шел за ними, как будто совсем забывший о том, что такое жить по совести. Полдня он слонялся в поликлинике, в надежде получить больничный. Стрессовая ситуация не мешала флиртовать с чужой женщиной. Ее пропитый муж укатил в пивной бар глотать слабый алкогольный, пенистый напиток, усиленный несколькими объемными процентами спирта. Органическое соединение, содержащее гидроксильную группу ОН у насыщенного атома углерода, витало над головами, шатая головы и нарушая координацию. После него в ко-

ридоре вихрилось спиртовое брожение суслу из солода, хмеля, воды, перемешанной с сахаром. Мужик прорвался к врачу без очереди, наткнулся на образ Николая. «Знаю, вы меня не пропустите», – растворился в многолюдстве больных.

Медсестре Николай сказал, что она девушка мечты. Врачу пожелал прибавки в зарплате. Послушал сверчка, откуда только взялось это насекомое из отряда прямокрылые в не отапливаемом помещении, замер, поджал кисти калачиком, безразлично уставился в тонометр. Снова и снова отвлекаясь на известную серию трелей, возникающих при трении надкрыльев друг о друга.

Вечером дочку окунули в ванную с горячей водой. Малышка закричала. Дочь Николай выхватил, охладил воду, плохо подумал о жене. Выглянув из ванной, удивился, баба обвисла на диване, каталась по одеялу, редела. Кем-то поощряемое прелюбодеяние мужа не укладывалось в ее сознании.

Наступала ночь. Жена едва открывала рот, скрывала слабость. Внутри Николая кто-то стонал, просил пить. Волна смятения поднималась изнутри. Сидя у засыпающей дочери, он с отвращением представлял грядущую ночь и с дрожью застегивал рубаху до горла, до последней пуговички.

Он вспоминал сейчас золотую цепочку и крест, он нашел их в бане. Украшения пришлось вернуть, уж больно много вокруг оказалось свидетелей. Хотелось затаиться, разыграть глупца, прикидывать три сотни дохода в долларах, уже потраченных на будущую, еще не написанную книгу. Хозяин горячо благодарил, конечно, в словесном эквиваленте, не предлагая другого счастья. Алчность явно перехлестывала бескорыстие.

Вспыхнул в памяти эпизод родительского рвения в вос-

питании дочери. Папа, пока дочь в детском саду, присел к тумбочке, переложил вещи. Влияние неаккуратной мамы выделось в каждой стопке нижнего белья. Реакция ребенка превзошла все ожидания мировой педагогики. Разъяренная девочка одним махом вытолкнула личное имущество на пол, пытая от негодования и праведного гнева, забросила вторичное сырье согласно прежнему смыслу.

«Спать идешь», – бубнил из ванной прокуренный голос жены. Немного позже в прозрачном пеньюаре замаячило привидение. Растрепанные волосы темными прядями обрамляли лицо. Николай ничего не ответил, только усмехнулся про себя. Как в могилу он опустил в противные объятия ведьмы. Березовые ручонки любимой доченьки ветками белели на темном одеяле.

Подсознание рассекречивалось, восставало из лат текста как высшее единение слова и действия. При обоюдном целомудрии раздвоенной личности несправедная жизнь, бессознательно ушедшая в глубины человеческой личности, есть божья кара. Осознать ее можно, прожив свой жизненный путь еще раз.

А где твоя Родина, место, страна, где ты родился, где ощущение внутренней свободы? Где место возникновения твоей противоречивой личности? Ты вырос в степи, а ночью тебе снятся хвойные леса. Ты сформировался в природной зоне умеренных и субтропических поясов, в сомкнутом степном разнотравье ковыли, житняка, тонконога, среди снующих грызунов ящериц, бабочек, кузнечиков и птиц, ты почти полностью освоил нравы степного пространства. Но тебе мнится в утомительной протяженности ночи один из основных типов растительности, го-

сподствующий ярус которого образован соснами. Мхи мягко качают тебя в зыбке кустарника, птицы ласково щебечут песни небесные, белки роняют ягоды и грибы. Сознание спит, за окном горят звезды. Человеческая способность воспроизведения действительности, свойственная общественно развитому человеку, сонно молчит. В комнате мерещатся похмельные чудища, отроческие бугры поселка и косогоры терриконов.

Во сне хорошо видна неправда, а над нею бог, карающий дурно начатое дело ясными видениями человеку, употребившему во зло само благо любви. Здесь я не имею ввиду интимное и глубокое чувство, устремленное на другую личность. В забытьи сны не томительно приятны, не сладостно притягательны. Душа мучается, но не млеет, не наслаждается памятью жизненно осуществленного.

Солнечный мальчик в новых кедах несется к бугру покорять сверстников. Обвислые ветви акации достают до макушки, роняют желтые цветы. Мальчуган берет щепотку, опускает на ладонь и сильно дует на лепестки солнечным духом. Бабочки, насекомые, покрытые различно окрашенными чешуйками, весело серебрятся около его головы, трогают легкими крылышками утонувшие в больших кедах тоненькие замерзающие ножки. Дневные парусники, белянки и голубянки, разнообразными узорами творят диво дивное, как бы напоминая, что их за красоту не зря нарекали по именам персонажей из греческой мифологии.

Мальчик плетется по выбоинам, полным ледяной стыллой воды. Студеная вешняя влага поглощает падающий снег. Мальчику семь лет, он ходит в школу, путая имена учителей и жизненные направления. От породного холма дугой поднимается пыль, пляшет по крутому серому спуску, ныряет к солнцу. Мальчик, улыбаясь, мечтает нагнать

чудесное явление, открывает загородку, опасливо косится на спящего с рубанком отца.

Ученик не может и не должен оставаться без наставника, а сын без отца. Иначе получается не жизнь, а неуравновешенная игра в поражение, хрестоматийно-устойчивая неполноценность. Мальчик бежит драчливого петуха, пугает за хатой кур, белоснежных потомков диких банкивских сородичей из далекой Индии, чувствует взгляд на спине. Оглянувшись на окно, видит, как изнутри прижимается к стеклу красивое мамино лицо.

Мальчик выдергивает горсть двугривенных из родительских карманов, крадется у забора по серому насту под ветвистыми абрикосами, выглядывает за взгорок на косо распаханые черноземы. Монеты предательски звенят в неглубоких карманах. Белые тополиные хлопья густо ложатся под свинцовые биты. Прирожденный азарт игрока ведет его через дорогу. Старшие товарища обмениваются взглядами, играют «на одну руку», быстро «раздевают» простака.

Солнечный мальчик сидит на крыльце и радуется, что отец оправдывается перед мамой. Это означает, что в ближайшее время он едва ли обнаружит пропажу смятой «трехрублевки», так бесславно проигранной в местную битовую игру под названием «цок-цок». Мальчик с улыбкой глядит, как отец, пользуясь занятостью матери, быстро достает из-под смородины пузырь вина, и быстро засовывает бутылку в боковой карман пиджака.

Божья коровка садится на руки мальчику, ползет по пальчикам к запястью. Мальчишка исхитряется направить насекомое на ладошку, вразумляет глупое существо: «Божья коровка, ты лети на небо, там твои детки, кушают котлетки, всем собачкам раздают, а тебе не дают...» Взгляд его натывается на обильное истечение благодати,

на дар любви Бога к человеку пока еще без названия, но безусловно и практически спасающей, освящающей и приобщающей к жизни честной.

Мальчик медленно спускался по скату косогора, покрытому породной пылью. Он постоял на спуске, запрокинул голову вверх, не переводя дух, повернул обратно в дурман безветренной жары. По телу играл огонь, горячо пылала грудь, остро томила жажда. Он падал и круто катился вниз полный смеха, хмеля и безудержной радости детства, очнувшись, он не мог понять, в чем дело.

Николай проснулся за полночь, повернулся в постели, следуя родительскому инстинкту, ведомый врожденным качеством проверил, накрыта ли одеялом дочь. Мерзкое чувство от близости с противным телом превратило его в беспомощный комок. Вспоминались измены. Приятные наслаждения со временем не утрачивали свою прелесть, не изглаживались из памяти. Надежда на скорое течение ночи не оправдалась.

Николаю ничего не оставалось, как обратиться к возбуждающим желаниям и сладким мечтаниям. Грешные видения овладевали его душой, легко забывалась супруга. Если уж и каялся мужчина, то не стонал душой и радостно рассказывал о том, о чем должно скорбеть. Сознываясь в слабости своего несчастного духа, он забывался в тяжелом сне, натыкался на лики некрасивых женщин.

Анна, зубной врач из провинции, отгоревшая еврейка, плотоядно пожирала меланхоличного красавца, прозябавшего в величайшей жестокости похоти. Страшно страшная Анна наводила на мысль, уж лучше бы заняться умерщвлением плоти, чем стремиться к такому позорному

греху. Еврейская «красавица» вила венки из ромашек, надела их на божественно красивую голову возлюбленного, приговаривая: «Мой цезарь...». Причем здесь римский диктатор 100 – 44 г. до н.э., союзник Г. Помпея и Красса, наместник Галлии, монарх, автор «Записок о галльской войне. На что Коленька из чувства вины вторил: «Да, моя русалка...» (причем здесь духи воды и растительности в верованиях восточных славян, причем здесь девушки с распущенными волосами, опасные для людей в неделю после Троицы «русальную неделю») – лежал на её острых коленях, видя в её волосах гниды. Оскорбленные чувства обиженно молчали. Сладкий лесной воздух жарко волновал грудь.

Еврейское чудовище расплывалось в томной темноте. Жена фыркала, словно чертыхалась, сопела, храпя вперемежку с присвистом. Точно, задыхаясь, она замолкала, надолго задерживала выдох, как удар сердца при аритмии. В сумраке материализовалось еще одно отвратительная физиономия какой-то Людмилы, расположения которой Николай добился через прелюбодеяние.

Страшно то, что искушитель вовлекал несчастного мужа в грех по доброй воле. И делал его так называемую любовь среди вышеупомянутых женщин причиной совершенного злодеяния. «Так бы взяла тебя и съела...», – пожирала Людмила глазами красивое личико, вертелась вокруг молодого человека накануне сексуального позора. Николай мысленно отпихивал старуху, но в реальности целовал ее руки сквозь ее томный шепот «Пошли ляжем...»

Вчера старая знакомая остановила Николая в городе, не отводя глаз, обвитых сумрачными сигаретными дымами, съязвила: «Я думала, ты с бабушкой идешь по городу». Пьянящая влажность весны одолевала здоровую

мысль. Стыд метнулся из глаз темными искрами. Зола застилала глаза. Жена легко громыхнула дверью, возвращаясь из кухни с чашкой воды. Муж притворился спящим, с ужасом припоминая, как одна из любимых женщин, рассмотрев неказистую супругу Николая, окрестила ее точно так же бабушкой.

Весна расстилала прохладную сырую скатерть рассвета. Крошечными кусочками колотого сахара смотрелись в сумраке неровные облака. Из окна тянуло самогонным запахом первача. Воскресный день обещал не холодную погоду, футбол для здоровья, легкую пьяную кампанию и прогулку с дочерью. Бледная, как сыворотка, мелькала прокуренная баба. На ее узкий лоб пряжей нависали скомканные волосы.

Откуда-то прозвучало: «Его Величество ждет вас». Отворились царские врата. Николай во сне попал в прошлое. Для Государя он был одет весьма забавно. «Вы, любезный, в каком чине...», – интересовался российский самодержец, с интересом осматривая странного господина.

Николаю отпустили побыть в ином столетии три минуты, посему он заговорил немедля. «Ваше величество, арестуйте большевиков во главе с Ульяновым. Они захватят власть и расстреляют всю вашу семью...» Воцарилась тишина. Посетитель умилял. «Конечно, он безумен...», – мимоходом подумал Нике.

«Хорошо, я сообщу министру. Может быть, есть личные просьбы?» Видя, что посетитель отрицательно машет головой, позвонил в колокольчик.

Бесшумно затворилась дверь. Государь подошел к окну: «Да, в самом деле, чудный господин явился на при-

ем в канун 1917 года. Какой-то Ульянов прикажет расстрелять семью. Надо бы позабавить этим конфузом жену».

Наместник Бога на земле решил записать сей случай в дневник, но ему вдруг стало весело, и он отложил свои записи. «Все дела после рождественских праздников», – вслух произнес августейший Романов. Он еще раз вспомнил странного посетителя и навсегда забыл о нем.

Коля выпал из сонного небытия. Временное забытьё смутно мерцало тем, что зовется безличным глаголом «забрезжило». Горячее дыхание половины обдало односторонним волнением, пропало в сумраке безответной любви.

Тот самый рассказ, мечта диссидента, за который в тамошней эпохе отрывали голову, определился во сне и осел в подсознании. Сказ грандиозный и вдохновляющий – слишком велико расстояние между явью и сном – в реальности увиделся мелким и незначительным. Осталось разве что сконструировать устройство, фиксирующее сновидения, хотя бы и без слов.

Жена, полые рога которой (сестры ее – полорогие из семейства парнокопытных) растут всю жизнь, сбоку многозначительно моргала глазами. Муж нарочито не обращал на нее внимания (получай!), озвучивал – ему был голос – ангельский шепоток: «Ты явилась чудотворная, трезвость несущая и, невидимо входя в алкоголиков, ты оросила сознание их. Живи, утверждение трезвости нашей. Светло ликуй, преславный град трезвости и трезвой мысли, врачующий недуги вопиющих алкоголиков...»

Жена взирала на мужа, прозревающего что-то действительно устойчивое, погибающего как личность из-за развратной женщины. Что, спрашивается, следовало ей отвечать на это, своему когда-то единственному после Христа любимому человеку? Ее страсть сучки хоть и не-

сколько усмирена, но еще, вполне еще жива. Зато чувство Николая вмонтировано в поэтическую вольницу (не в христианские узаконения о любви), какую положено чтить поэту.

«Почему я здесь? Я выбрал неверный путь», – точно Конфуций, точно древний китайский мыслитель и основатель конфуцианства в книге «Беседы и суждения» ученикам, задавал мужчина вопрос сам себе. И, словно умирающий глава теократического государства Магомет, воскликнул: Боже, не оставь меня в борьбе!»

«Коля, помоги мне...», – стонала жена на волне прелюбодейния. Вместо супружеского участия, мужчина поднял свои ляжки, потащил свое непослушное туловище на кухню. Утро, прощалось с уходящей луной, ослабло солнечным кругом в окне. Ретранслятор озвучивал песенные строки поэта о родине. Ветер ворвался в форточку, подхватил отечественную неправду, задергал пожелтевшими гардинами. Сонная дочь из комнаты звала папу. Остылые разутые ноги чесались от холода.

Николаю предстояло прожить длинное воскресенье. Чем больше он осознавал, чего он лишился, когда женился на нелюбимой женщине, тем дольше его терзали сожаления, тем сильнее угнетали утраты молодости, тем глубже охватывала скорбь оттого, что все завершилось величайшей печалью.

Но это еще не все. Внутри молодого мужчины складывался образ тупиковой ситуации. Посещение дна жизни, ее нижнего уровня, с одной стороны, и создание достаточно зрелой книги новой формы и содержания (это при нынешней-то завершенности литературных возможно-

стей). Опять же, само творчество привело в норму самооценку, сформировало чувство собственного значения. Но и забросило на самую вершину безнадежного одиночества, превратило душу в дикое поле, а себя самое в опустошенного старика.

Не осталось в истерзанной душе ни одного свидетельства о жизни. Иссякла радость, истончилась надежда, обесценилась вера. Жизнь, чтобы сохраниться, ушла в слово, как бы осталась вне судьбы. Общее внутреннее состояние после посещения вершины напоминало чувство оскпления. Куда делись прошлые стихи, замыслы, побуждения? Возможности вершинного обзора имели большие возможности в споре мертвых жизней, в поединке человеческих судеб.

Спустя два-три переживания Николай пытался натолкнуться на случайную ассоциацию детства. Страдая, он нашел не исповеданную нишу теплого воспоминания, ожидающего просмотра. Так как тревога периодически накатывала неизвестно откуда, настраивая на ожидание опасностей, следовало и непременно еще и еще раз побродить по памяти, заглянуть в темные углы.

Строки, призванные запечатлеть живые вздохи живой души, оживились. Куда подевалась та жизнь, не застегнутая на знаки препинания. Где та тяжеленная железка, сиротливо переломившая островок лебеды за сараем у самого тайника? Где идея собирать металлолом, швырнувшая внутрь некий запал? Где тот мальчик, вдохновленный смыслом правильного движения бытия, так шамански не умещавшийся в общий порядок расчета и хитрецы?

Путь тянулся пресно-заунывный. Полушепот плоти, изнемогающей под тяжестью, слышался около шахтного поселка. Химический элемент восьмой группы периоди-

ческой системы, содержащийся в земной коре до пяти процентов, давил плечо, оттягивал руки, прижимал к пыльному чернозему сандалии. За терриконом долго не показывалась школа. По крутому склону катилась порода, теряя силу где-то в стороне.

Самая длинная дорога к одноэтажному учебному заведению, разрывала накат автомобильной колеи, курилась майской пылью. Рукава обвивали ручейки пота. На кособокой акации птица чистила раненое крыло. Примятая стежка вела напрямик в ложбину. Вещество, входящее в состав гемоглобина, звякнуло в массу, в глаза брызнуло солнце, тело приятно остудил порыв ветра. Подвиг никто не оценил, заслуженная похвала обошла героя, поселив в душе первое разочарование.

А как горячо пытался мальчик донести мысль о тяжелой железке Анне Тимофеевне. Как-то спокойно первая наставница приняла взволнованную речь отрока. За окном дальние поляны клубились дымом. Из-за мужских особей густых тополей семейства ивовые вылетала напуганная стая воробьев, теряясь вдали молочной мороккой.

Половина кухни озарялась косым утренним, солнечным светом. Николай мерз в теневой ее половине, согреваясь думами о правдивом укре неизвестного критика, наделенного кем-то искусством разбирать и властью судить. Несколько дней назад некто позвонил по телефону, спросил Николая Никифоровича. Его странные вопросы о давней книге стихов Николая звучали не отрицательным суждением о чем-либо, но праздным любопытством давнего знакомого. Голос постепенно перешел на возмущенную интонацию: Это вы-то, известный русский поэт

Белоруссии? Это под вашей реакцией выпущен сборник? Бред сивой кобылы...»

Николай бросил трубку, пожалел, что сразу же не выяснил, какая там всеядная из семи видов свиней из семейства млекопитающих хрюкала в сторону его ранних сюрреалистических виршей. Как и все представители парнокопытных, он местами сильно вредил посевам разумного, доброго, вечного. Произошедший от дикого кабана, одомашненный чтением, возможно, бородавочник, он основательно поборолся со всеми деятелями белорусской культуры националистического толка. Потом, стирая с локтей вдавленные сухие крошки, веками живущие на столе, в воображении высказал обиды борцам за «белорусскую культуру» и всему этому коллективу.

Где-то за верхними этажами ворковали голуби. Сквозняк напоминал о приотворенной форточке, задирает кожу на спине мелкой дрожью, заставляет то замирать истуканом, то подобно представителю восточной религии глубоко наклоняться вперед, повторяя возвратно-поступательное движение. Николаю вдруг захотелось стать на колени как перед Аллахом и повторять заунывную суру, бить поклоны, подражая брату мусульманину-сунниту.

Старик истово молился, не обращая никакого внимания на насмехающихся молодых попутчиков в купе пассажирского поезда «Самара – Ташкент». Футболисты Приволжского военного округа, тихо принимая винноводочную прослойку, расслабленно тряслась в теплом плацкартном вагоне. Далеко остались двадцатиградусные морозы средней полосы России. Любопытно тянулись узбекские долины центральной части Средней Азии, польхающие неведомыми красными цветами. Состав стоял в Туранской низменности, в расположенной на ней пустыне Кызылкум.

Пожилой узбек предавался духовности каждые три-четыре часа. Пахло винным дымом, на столе между пустыми банками тушенки валялись куски хлеба. На повороте железнодорожной колеи узбекская женщина, несшая дрова, уронила вязанку, увязла в песке, собирая поленья. Молящийся аксакал фанатично верил Аллаху. На восточном лице не сохранялось ничего, кроме желания повиноваться его воле. Песчаные почвы скупо брезжили эфедрой, саксаулом, солянками. В желтизне песка плохо выделялись тушканчики.

Группа пьянеющих невежд, глупо развлекаясь пьяными остротами, наблюдала за странным попутчиком, нетрезво икала, плоско шутила, высокомерно отмалчивалась, словно видя что-то постыдное, позорное, перешедшее все границы их морали. Воочию сошлись воинствующий атеизм и вера, гордыня и смирение, интеллект и покорность. Бормотание дышало, строки ломались, рвались, перерождаясь в восточную вязь невыразимой кротости правильной жизни в Боге.

И только утомительно и нудно дребезжали на столешнице ничего не стоящие вещи. Только шепотом склоки робко зависали в духоте воздуха чудовищные предположения невежественных намеков. Далеко за окном на проплывающем плетне висела чья-то шкура. Природная зона с засушливым климатом и сильно разреженным воздухом, скудной флорой, привлекала внимание и пугала.

«Дед, хватит молиться!», – крикнул кто-то из футболистов, весело и пьяно падая в несвежую в окончание пути постель. За дивным узбекским строением задорный ветерок подхватил искорки невидного костерка. Женщина собрала свое сокровище, двинулась навстречу ветру. Поезд, долго стоящий за ее спиной, дернулся, громыхнул, начал вытягиваться, трясаясь и рассыпаясь. Тепловоз

загудел, словно прощаясь с неизвестными обитателями. Словно кого-то провожали в последний путь.

Держа в руках сигарету, глядя в переполненное мусорное ведро, Николай растирал смятенную душу в области сердца. Сейчас он понимал смысл выражения «болит душа». Сейчас Николай медленно осознал, кто несчастнейший из несчастных, кто нравоучительный праведник. В ходе критического прочтения собственных ощущений, он выявил неустойчивость психического состояния. Он утратил себя в себе и неизвестно от кого требовал немедленного удовлетворения неизвестно каких амбиций.

Воздушные массы между комнатой и кухней отметились колебанием. Чтобы скрыть напряжение, он чиркнул спичкой, быстро прикурил сигарету. Табак, рассыпанный на столе, скатывался на грязный пол. Многолетняя трава семейства пасленовые, выращенная, по всей вероятности, где-нибудь в азиатских странах, Болгарии или в Краснодарском крае, источила терпкий запах никотина, эфирного масла и смолы. «Мужчины для меня роскошь...», – гудело из проема и вслед возникало привидение в розовом пеньюаре. «Горбатого могила исправит...», – глядя на странное божье создание, подумал Коля и расплылся в улыбке, как бы радуясь явлению женского образа.

Поговорили о жизни. До воскресного футбола оставалось много времени. «Если я побуду с ней еще один час, – отметил про себя Николай, – то мне уже не помогут ни таблетки, ни сто граммов водки...» И принялся рассматривать пейзажи за окном, скучая по дочери.

В тучном прохожем он узнал бывшего начальника, слегка отпрянул назад, пряча страх и чувство вины за

давние-давние безобразия. Тогда прораб привез строителей на дачу, каждого загрузил заданием, неопределенно изрек: «Ну, все как-то вот так...» И оттопырил на темной подкладке полы пиджака. В глубоких боковых карманах громко захохотали бутылки со спиртом.

Ухоженную дачу чистили как игрушку. Ноздри трепал прилипчивый запах сварки. Неразъемные соединения металлических деталей курились, остывая. Домик как по мановению волшебной палочки застегивался на окна и двери. Николай блуждал по грядкам, топтал рукотворную красоту, опустошая ветки садовой земляники, глотая ягоды с капельками земли. Спросив у сварщика, как дела, услышал: «Если тебя сегодня не закапали, значит, день прошел не зря...» Как изволил выразиться один молодой человек: «Были бы волосы, дыбом встали...»

Жара припадала к земле, зарывалась в темнеющий в округе лес. Спирт булькал нескончаемо, пропитывая даже подсознание. Николая принесли домой. Откуда-то всплыло лицо друга семьи, кровать превратилась в карусель. На утро жена рассказывала: «Ты повернулся к стене, и как бы изрыгнул. Мы отодвинули кровать, а там деньги, много-много мятых бумажек разного достоинства». Внутренний стон жалости к себе разорвал душу. Николай оградился непониманием и смущением. Червонцы быстро опустились в бессмысленную бездну женского кармана. За окнами, как тополиный пух, кружилась летняя пыль. Давно не было дождя.

Николай вел себя все более странно, подавляя психологические порывы в жажде выпивки. Ожидание выхода на футбольное оздоровление в присутствии жены искажало брови, терзало мимику лица, рвало внутренности. Главное, не было никакого желания притрагиваться к еде из-за факта наличия этой женщины. К тому же в про-

шлое воскресение Николая подрался с молодым парнем, крепко ударив забяжку коленом в живот. Чувство вины и страха довершали общую тревожность ожидания. Дочь долго не просыпалась.

Николай мрачно цедил крепкий чай, основательно молчаливый, неуверенный в себе. Напротив располагалось неудовлетворенное нечто, петушащееся, наполненное никотином. Алкалоид, до двух процентов содержащийся в табаке, при курении навечно всосался в тучное тело. Беспредметное словопрение изрядно утомило умного красивого мужа, готового ежесекундно обнажить клинок спора, но не с этой пустой особой, способной спорить ни о чем, обсуждать безглагольное ничто.

Николай трижды подмел палас, лишь бы не сидеть на месте. Несколько раз он произнес «да-да», не вникая в смысл кухонного монолога. Хотелось последних гастролей. Но при мысли о жене пропадало желание что-то делать по дому. Не любовь позволяла лишь остро чувствовать самое себя несчастным.

Утром мерещились планы убийства жены. Бесконечное «бу-бу-бу» из ее уст мешало найти себя. Проблема рвала душу. «Спала бы ты еще, дорогая гражданка», – мужчина снова взялся за веник, его лошадь поскакала. Смириться со всем этим безобразием он не мог. Жена колом сидела в правее диафрагмы (быстрее бы дочь просыпалась). Пусть бы все чем-нибудь заканчивалось.

Хотя супруга была матерью любимой дочери, Николай за глаза дразнил ее для пущего унижения в глазах других «лишнее звено». Он мечтал бросить пить так, чтобы иногда можно было выпить. Он пребывал в гордости: если

долго погладят по головке, станут на колени, дадут сто долларов, то, может быть, он бросит взор на рогатое создание. Он не понимал, откуда растут ноги и руки у жены, но точно мог сказать тайну ветвистых хитросплетений на голове.

Друг Николая по воскресному футболу плакался, что по соседству поселился шизофреник. Коля тогда усмехнулся: «У меня шизофреник под боком» Сейчас же он принял судьбоносное решение, наградить себя за вредность: (житие с нелюбимой женой), за сутулость (вредные условия проживания вообще). К сожалению, награда пока не стояла в шкафу, денег на выпивку не осталось.

Жена интеллигентно прошипела обвинение в адрес подметающего мужа. Он не собирался ругаться с супругой. Его алкоголизму мешали все и жена, все, кроме любимой дочери. Иногда степень его опьянения достигала критических пределов. Он заходил в туалет и не смог найти выход, всюду стояли стены. Там и засыпал.

Домашние дискуссионные апофеозы, впрочем, иногда завершались диспутами о чем угодно. Благодаря поэтической интуиции, слова звучали прежде устами ее – ему, возлежащему на постели: «Барствуешь?» Он же, не поднимая головы, с блокнотом и ручкой, едва кивая: «Эпикурействую...»

С тех пор два слова из университетской учености – только раз в год – вспоминались для гостей в дни публичных поджаро-голодных домашних приемов. В царстве отточенного и бескомпромиссного слова. И одновременно бессмысленного великого праздника краснойбайства, затеянного во имя безделья в этом пиршественном изобилии ее знакомых. Навешивались ярлыки идеологического свойства на все на свете, лексика кухни тщательно перемешивалась с экзотикой французского литературного

остроумия. И, бедная доченька, ни слова внимания главному чуду на земле – ребенку.

Обманутая жена пыталась добраться до истоков неверности супруга. Подумать только, свинья свиной, а все туда же. Николай умело обходил запреты, упреки и подозрения. Его объяснения перед глупой женой следовали пространно, но выразительно. Как пострадавший (она слыла в доме проституткой) он скоро прослыл по округе обманутым мужчиной. Из беспечного парня он обернулся в обремененного мужа. В сумраке прихожей он собирался на футбол и с любовью смотрел на стоящую дочь. Незаметно он переложил спрятанные деньги из пальто в карман спортивного костюма.

Солнечный мальчик путался ступнями по травам на диких межах, иногда выходил на стежки около ржей. Травянистое растение семейства злаки, типичное больше для стран Северного полушария, волновалось и золотилось на солнце. Самая зимостойкая – хлебная культура весело оживляла серую почву Донбасса. Хлебам и землям иногда перепадали дожди. Поросли выглядели чудесно. Тропинки, размягченные небесной влагой, радовали гладкостью. Высокие поля запоминались блистающими васильками, серебрящимися стеблями, тайною за дальними кустистыми зарослями.

Солнечный малыш шел и слушал гудение колосистых макушек, жадно схватывал и срывал еще не ломкие усатые колоски. Невидимая рука включала пение жаворонков, мелькание иволг, клонила глянцевитые стебли под ноги, пополняла запас духовных сил. Тело обдавало запахом меда, степной горечи, полевого разнотравья. Редкие

грачи или ласточки, он еще не мог определить, мнились сказочными птицами-чудовищами.

У самого выхода из подъезда встретила усаемая Наталья из соседнего дома. Она всколыхнула прошлые отношения, подогрела похоть взглядом, согласным на все и сейчас же. Женщинам всегда не достает того, что приключилось с ними в первой любви: обоюдного желанья овладеть друг другом на крыше, в подвале, за углом. Николай едва спросил о времени, как его пассия двинулась в заветное место. Не сговариваясь, они начали думать в одном направлении.

Дымчатые облака, загромождающие небо, посветле-ли. Туманные образы в голове прояснились. Площадка над верхним этажом на короткий период стала пристани-щем любви для двух одиноких сердец. «Хорошо бы здесь соорудить распашные плечные ворота для поглощения шума...», – подумал Николай, злясь на громких нетрез-вых соседей с большой интенсивностью агрессии.

«И снова нахлынуло что-то...», – декламировал он от-рывки из поэмы русского поэта Сергея Есенина, выдавая чудесные строки, конечно же, за свои скромные досу-жие сочинения. Медленною тенью над землей плыла игривая молодецкая сила и таяла при виде мужчины, страшно похожего на ее мужа боксера. Откуда-то с верхних эта-жей мертвой птицей летела штукатурка, рассыпаясь на мелкие части. Любовники подняли головы. У парапета на крыше дома мелькнула тень.

Точно так в далеком детстве, пропуская школу, тре-тьеклассник Коля носился по бесконечным лабиринтам конвейерных лент для транспортировки каменного угля.

Он забирался в самые высокие места, нависающие над проходжей частью дороги узловым разветвлением. Внизу мужчина удивленно глядел на строение, осыпающее его кусочками угля. Мальчик наблюдал за грозным дядей в щелку, припадал к бетонному полу, заставляя лечь даже собственную тень.

После всех отроческих чудачеств, мальчик прятался на поляну, ложился на траву и считал бегущие облака. Он трогал прозрачные паутинки, жевал мать и мачеху, не слыша щебетание птиц, не ощущая прохладной росы. Наплывали из памяти детские обиды. Запали в сердце угрозы друга Саши, за спиной у того стоял целый взвод защитников во главе с братом.

Потом за путями, после футбола, когда густой жаркий воздух можно было намазывать на хлеб, его крепко врезал снизу по подбородку Никитенко. Коля презрительно улыбнулся. За облаком клубящегося дыма у костра весело смеялись друзья его обидчика. Оскорбленный, Коля убежал в посадку. За кустами у выемки играли в чиха. Он подкрался к ровесникам с тыла, бросил в заросли банку с засохшей краской. По орешнику пошли круги. Из разбитой рыжеволосой головы разбитым фонтаном брызнула кровь.

Под крики «Ой-ой-ой...» Коля суматошно пробирался в гущину акации подальше от событий. Больше всего он боялся, что отцу расскажут о том, как он расколотил голову соседу Вовке (это был именно Мельницкий). В душе у Коли еще не улегся страх за недавнее бегство из дома, за переполох, достигший стен местного телевидения. Поэтому он стремительно разрезал зелены, следом, покачиваясь, его тень зачерпывали липовые цветы.

Правое ухо у Коли саднило, на мочке проступала кровь. Мальчик стер пламенные капли ладонью, вытер

руку о подошву новых кед, которые никто не заметил и не оценил. Между прочим, это была первая в жизни спортивная обувь, купленная мамой. До сегодняшнего дня бедный ребенок играл в сандалиях, испытывая муки перед сверстниками. «Лови его...», – доносилось из посадки. Коля постоял на бугре, снял картуз, кинулся в другую сторону. Он скользнул к старому пассажирскому вагону, гонимый внутренним страхом.

Он шел играть в воскресный футбол. Его жизнь, хотя и не вся, всецело ушла в игру, стала умной футбольной жизнью. Он тащил на себе тяжелейший из грузов – чувство вины, порожденное гневом. Сморщив лицо от жесткой встречи с защитником, Николай не поглядел на небо, на Создателя. Он ударил парня коленом в низ живота. Боль осознания жгла изнутри душевный покой.

Юноша бросался на мужа, порывался, по его словам, «Убить этого старого...» Популярность Коли в местных футбольных кругах не уступала славе звезд. Товарищи вступились, не дали в обиду. Николай на всякий случай оборонил: «Ты угрожаешь сотруднику КГБ?» Молодой человек быстро остыл.

Весенний ветерок легко махал крыльями. Обочина, усыпанная окурками и пробками, бежала прямо под ноги. Точки будущей листвы дрожали на ветках каштанов. Высоко декоративные деревья, используемые в садово-парковом строительстве, достойно несли крест листопадных растений семейства буковые. Когда-то здесь он для разнообразия весело подкатился к симпатичной женщине. Вместе они поменяли направление, бросились высказываться, перебивая друг друга.

Он помнил каждое ее слово, каждую ее фразу. Он с удовольствием вслушивался в ее тон, в ее смиренные интонации, обещающие если не любовный роман, то веселое приключение. Незаметно их разговор, пересыпанный вскрикиваниями, переключился на выдуманное чаепитие. Романтическая особа с волнением слушала бред несуществующего чувства.

Их отношения сложились мгновенно и надолго. Они стояли друг друга в системе моральных ценностей тамошнего текущего момента. Все еще не будучи в силах собраться и подумать о своих супругах, они, не сговариваясь, разгоняя мартовскую дремоту серой улицы, повернули обратно, забыв о цели своего пути. Предчувствие легко волновало. Пестрые комплименты осыпали женщину, готовую пойти на близкие отношения.

Ее задумчивая улыбка тихо истекала изнутри. Она брала в неухоженную руку пук длинных волос Николая, называла его «Нежный», с тоской глядя в его глаза. Напряженная тревожность чужой квартиры путалась сочными поцелуями. Ее трезвая скованность не портила интимной близости. Свет разума, испепеляясь, нагнетал ощущение беды. Что-то должно было случиться. Но, как известно, последнее слово за Богом. Его волею должна быть попорана гордыня жизни.

Пусть даже руками его величества случая. Пусть бы бесконечно длилось молчание этих уставших, насытившихся поцелуями уст. Страсть плыла по воздуху, не видя пространства. Не застекленный балкон первого этажа радовал безопасной перспективой отступления. Забраться бы на него, так спокойнее, подумалось Николаю. Сквозь портьеры ветер внес песни неведомых птиц.

Когда неожиданно позвонили в дверь, любовники слушали убаюкивающие звуки мерно гудящей дороги и вяло

целовались. Зеленое поле дорогих обоев пожелтело, зацвело блеклым страхом и подернулось ужасом. Клевер на рисунке обуглился, почернел. Малиновый лик любимой побледнел, обратясь бескровной ромашкой. Она воротилась и шепнула: «Не бойся, это не муж», – прикрывая и щуря глаза от стыда и света, пощипывая мочку правого уха.

Когда же Николай в очередной раз спешно тащил ее в постель, она лукаво кивала головой, вполголоса отвлеченно произносила в сторону: «Какая у нас любовь, ни в кино, ни в парк, ни в кафе не ходим? Разве ж это правильно?» И убегала в поля, в золоченую межу разнотравья. Ее вихрастая голова терялась в высоких хлебах. «Коля...», – булькало, разрывалось на слоги, гонялось за жаворонками колкое слово. Имя шлепало ладонью по руке, взмывало к солнцу, рассыпалось брызгами по небу.

И вдруг срывалось, будто с высоких качелей, летело вниз в стыдливые клевера, в пыльную межу. На примятой влажной траве, широко раскинув зовущие ветви рук, дрожа березовым телом, возникала она, что-то говоря одними глазами. Страсти махали разноцветными платочками. Коряга в траве больно впивалась ей в спину. Устав в долгом полете, рядом опустилась стайка воробьев, но, увидев человеческую суету, вспорхнула резко и пронзительно.

До футбола оставалось рукой подать. Легкий трактор с протяжным шепотом чистил щеткой дорогу. Густая бородача пыли растекалась непричесанным облаком. Николай обдумывал создавшееся положение. Дело в том, что с другом случилась беда. Виктор, вернее его жена, позвонила и попросила о помощи. Услуга заключалась в поиске лазейки в очереди на бесплатную операцию по поводу деформированной головки тазобедренного сустава.

Николай честно позвонил деятелю медицинской науки, прекрасно понимая, как нелепо сваливаться на голо-

ву в таком щекотливом и опасном вопросе. Нужно было навести мосты, установить контакты, дать на лапу кому нужно. Короче, следовало найти людей, способных за умеренную плату провести операцию. Но Николай испугался. Он отпрянул от перспективы принимать постоянно пьяного Витю из провинции. Он ужаснулся от мысли, что друг, никогда не бывающий трезвым, никогда не вынимающий сигарету изо рта, на время поселится в его опрятной квартире.

Он вспоминал короткие побывки у друга в провинции, его бесконечные сто граммов водки и всегда дымящую сигарету в присутствии некурящего Николая. Он рассматривал дружеское сумасшествие, безумство, неподдающееся никакому объяснению. И понимал, следует любой ценой избежать контакта, ценой элементарной лжи во спасение.

Николай принял решение, и ему стало легко и свободно. Он долго не давал о себе знать, дождался их звонка. Спокойно врал, мол, сделал все на свете, поднял на ноги всю столицу, шансов нет. И успокоился, не спуская глаз с большого дуба, украшенного прошлогодней, золотистой, не опавшей листвой.

На фоне облачного неба Николай рассмотрел Серегу, коротающего долгое время в ожидании. Дымчатые глаза смотрели с благоговением и уважением. Коля научил коллегу умению добывать деньги, превратился для него в редкого слушателя, а главное, в интеллигентного собеседника.

Серега держал в руке вожделенную бутылку вина, отчего безлистная береза показалась шелковистой и расцветшей, а темный кустарник гостеприимным пристанищем. После нескольких глотков омерзительный напиток превратил песочную площадку в центральный стадион,

а территорию у школы в буйно растущие зелены. Травы цвели по пояс, море бытия было по колено, черно-белая жена уже не рябила в глазах своим существованием.

Красивая цветная поляна наполнялась футболистами. Тучи и птицы никого не волновали. Все терялись в шуме разговорной бравады, в шелесте острот, шуток и анекдотов. Еле помечались в суете и большой начальник и высокий милицейский чин.

Присутствие Коли для народа означало только одно, банкету быть. Он встречался глазами со старожилками и понимающе поднимал вверх большой палец. Жест означал продолжение праздника. Воздушными вихрями вертелись игровые движения. Николай с головой уходил в игру. Гроздьями нависали голевые моменты. Топыря глаза, испуганно глядел вратарь. Удушливо дергались не разогретые легкие, откликались былые травмы. Грузно топая, тяжело ухал самый опытный представитель старой гвардии.

После игры, как обычно, пили водку вприкуску с дешевыми консервами, жареной мойвой и плавленным сыром. После третьей рюмки Паша утомлял вопросами, задумчиво пускал камешки по склону как половец, который никак не мог принять крестное решение. Но исподволь наблюдал за молодым человеком, чудесно спасшимся от алкоголизма, внутренне готовясь принять пострижение и новую веру. Паша утомлял праздными и другими вопросами, что выдавало в нем генетического милиционера.

Где-то Николай прочитал такое предположение. А почему бы и нет. Проявляешь чрезмерное любопытство, значит либо ты прокурор, либо ты из внутренних органов. В армии, во время тревоги, Николай как дневальный от-

вечал на вопросы глупого майора, въедливого до печенок. Пожилой военный с пивными водяными кругами под глазами донимал подробностями уставных параграфов. «Нарвется...», – крикнул в сердцах про себя молодой солдат, и поплелся в ленинскую комнату зубрить устав для воинов Советской армии.

По очереди бегали в редкий кустарник и там отфутболивались по «маленькому». Николай из мужчины гордого, раздраженного и гневного, постепенно превращался в мужа пламенно красноречивого, учительствующего, спорящего и смиренного. Каким по замыслу темных алкогольных сил он должен был быть. Как тот самый текст, который следует читать, но прежде вычистить и высветлить. А к чему это приводит, давно известно: обретается умение жить. Те, кто не повернули к Богу, безумствовали: «Автора!»

Николай вприпрыжку сходил в калиновый кустарник, справил большую нужду на листовенные осадки, чувствуя, что он еретически опасен для современников, но имеет большое значение для времен будущих. Ничего более устойчивого его плоть не ощущала. Предмет и контур мира странно не совпадали с самим предметом мира. Образ нелюбимой жены принял облик маски-стереотипа, до поры трезвости скрывающей живые черты живого лица.

Текст ненависти зачитался до дыр, до мандельштамовских просветов. Как застывшая скука, висели гроздь черных березовых веток. Паша, выпятив глаза, томился в ожидании фигуры гонца. Желтоперые синицы еще слабо откликались на блуждающие точки зрения свободной футбольной братии. В холодном березняке затопали шаги, затрещали сухие сучья. Тяжело груженный бутылками вина ввалился Серега. Его спортивная шапочка дымилась от пота.

Футбольный брат с удивительной фамилией Алюдит, кажется, любовник жены Николая, тарасил полу еврейские зенки в пьяное пространство. Его противная физиономия с мерзкой хитрецей глупого крестьянина выдавала в нем неумного человека. Коля рассмеялся, вспомнив, как он учил Алюдита сочинять стихи. А у этого недалекого парня выходило: «Восьмое марта, женский день...», – и дальше пустое эмоциональное рассуждение под соусом телячьего восторга с перечислением всех достоинств женского праздника. Николаю спяну показалось, будто его приятель кивнул в ответ ветвистыми рогами.

Коля спокойно вытянул руку вперед и как стрелок пальнул в пригрезившийся головной убор. Он недолго вспоминал жену рогносца, ее противный запах изо рта, ее имперские амбиции. Водка продолжала гнать всякую чертовщину. Паша как подкошенный упал на грязный склон, покатился под общее оживление. Капельки пота застыли на небритом молодом лице. «Хоть бы не умер...», – мрачно оживился кто-то из молодых ребят. Но пьяный мужчина склонился для подъема. Брызгая радостным страхом, компания рассмеялась.

Пьяное братство растекалось мелкими нетвердыми шажками. Вековечное внутреннее человеческое несовершенство под магическим действием винных паров перебиралось в не тревожное состояние «здесь и сейчас». Диалектика, сомневающаяся в самой себе, под влиянием всесильного духа алкоголизма, чудесным мановением темных сил превращалась в буддизм, звонко перекатываясь по горному руслу Программы Анонимных Алкоголиков. Николая слегка тяготила сырая пропотевшая одеж-

да. Сейчас из нее никуда не выберешься, до дома далеко, если бы не дочь, здесь бы и заночевал.

Паша, опьянев, располагался прилечь, криво и резко брал вправо, там склон смотрелся пологим и уютным лежбищем. Алюдит и Серега, не сговариваясь, ринулись за очередной порцией спиртного. Мимо проходили воспитанники из детского оздоровительного лагеря. Они шумно приветствовали бывшего многословного воспитателя. Николай хорошо помнил, как в сердцах называл весь отряд «дурные дети». Еще лучше он запомнил, что эту фразу слово в слово передали его подопечным доброжелательные коллеги.

Тогда в оздоровительном лагере он находился под впечатлением маленького происшествия. Мальчик обидел дочь Светлану. Николай с трудом сдержал себя, восстановив справедливость по классическим законам дипломатии. В те жаркие солнечные дни дети не покидали русло холодной и мелкой реки. Чувство несчастья захлестывало Николая, наблюдающего за тридцатью двумя подростками. Нетрезвое мышление поминутно рисовало страшные картины с утопленниками. Ноги ныли и холодели, горящее лицо обветрилось. Горячий воздух казался сырым, обдувал горячую и свежестью соснового массива.

Зарница блеснула, окатила светом и тьмой. Уборщица рано утром постучала в комнату Николая, переведенного в кухонные рабочие за употребление спиртного. Глубокие темные сосны просматривались недалеко, обдавали темнотой, кружили голову. Дважды прогремел гром, в тусклом небе проявился просвет. Швабра уборщицы с огромной тряпкой шумела и шелестела, как старая липа за окном. Техничка суетилась взад-вперед, поглядывая на оголенные ягодицы Николая, притворяющегося полусонным.

«Доброе утро», – мужчина сделал вид, что только что проснулся, неловко перевернувшись на спину, оголив мужское естество. Николай спал голый, как будто в полудреме, он что-то бормотал женщине, не отрывающей взгляда от взволнованного мужского органа. Снова распахнулась серое утро. По стеклу забарабанили капли крупного дождя, тень женской фигуры вырисовывалась в утреннем свете, похотливо нависала над похотью Коли.

Он открыл тяжелые веки. Из душной комнатной мути выплывала мясистая физиономия супруги. На мертвенно-голубом отливе ее кожи лоснился пот, похожий на жир или наоборот. Юркая дочь рассказывала свои истории, блистая металлической вставкой для выравнивания зубов. Несмотря на крайне рассеянное мышление, Николай ощутил очень острое чувство стыда, вспомнив, как он едва не пожалел деньги для любимого ребенка на зубастую перспективу.

Бледное облако мелькало в поле зрения, в его зыбкой дымчатости вырезалась фигура спасителя. Ангел медленно поднял крылья, наполнил сознание жутким состоянием страха и суеверия. Суровые и дикие языческие лики замелькали в памяти, отягощенной алкогольным безумием. Николай выставил колена вбок, положил кисти вразброс по бокам, вспоминал путь домой, впрочем, начиная задремывать. Таксист, вздыхая, согласился подвести очень-очень нестойких, странно одетых мужчин, остро пахнущих потом и спиртными напитками.

Как инок Печерский Исая, бывший игуменом Дмитриева монастыря в Киеве (одиннадцатый век) превосходил многих подвижников в посте, молитве и других добродетелях, так и Коля безраздельно царствовал и первенствовал в употреблении водки и прочих алкогольных выходках. И также, в денежном, необоснованном мотов-

стве. Мечты в воображении о вдруг свалившемся на голову богатстве не сбывались. Следовало бы хорошенько обдумать свое положение, соглашаться на любое дельце сейчас, на изломе двух эпох рушащейся державы.

А он тосковал о недополученной сдаче, отвергнутой имперским жестом нищего во хмелю. Среди таксистов он давно прослыл щедрым пассажиром, бросающим хорошие чаевые. Если бы хоть кто-нибудь один заглянул ему в душу, то увидел бы под маской мота редкого скрягу, гения алчбы (бальзаковский скупец отдыхает), пригодного разве что в посмешище.

Николаю хотелось признания, восхищения со стороны, зависти сверстников, наблюдающих его в лучах славы. Он как всегда заносчиво втискивался в такси с приятелями, называл пункт назначения, бросал купюру, заведомо превышающую крайнее показание счетчика. Лихо и пылко восклицал: «Шеф, сдачи не надо!», – демагогически приправляя ложь словами во спасение божественной истины.

Сейчас, разбитый острым отходом, придавленный тяжелой физической нагрузкой, измученный идолами эмоциональной незрелости, муж томился в драматически безответном безмолвии. Его зыбкий душевный покой шельмовали сожаления о той же сдаче, о бессмысленной браваде. Утешением послужило принятие единственно приемлемого решения, больше так не делать.

И попытаться впредь быть самим собой, смиренно дожидаться вождеденной сдачи, вызывающей безостановочное и бесконечное сожаление.

Хлопоты жены, стремящейся склеить вдребезги разбитый сосуд любви, пропадали всуе. Муж чудился ей подозрительной фигурой. Весенняя невыразительная улица давила холодом. Бледное небо отражало ее лицо,

несчастье жизни раздваивалось, удваиваясь в чудовищной прогрессии. С одной стороны она любила этого сладострастника-греховодника, с другой стороны она ненавидела его за прелюбодеяние. В порыве оскорбленных чувств она бы с удовольствием мучительно изувечила, оскопила свое счастье, добытое чудовищной ценой.

Ей слышалось праведное отмщение, виделось физически попорченное тело и повергнутые внешние обстоятельства. Ей мечталось, чтобы освобождение скорее состоялось. Она опускалась на корточки, приятно видеть неуправляемого мужа беспомощным. Она вздыхала и прохаживалась по комнате, отмыкала тайный сундучок ревности, перекладывала полки мстительности и не знала, как быть дальше.

Воскресенье тянулось бесконечно. В горле першило, едкая тоска по глотку влаги давила удавкой. Кухня доносила запахом жареной картошки. Душный воздух комнаты влиял на давление, кровь пульсировала неровными порциями. Дочь любопытствовала, когда же ее поведут на улицу. Николаю грезилась открытые настежь окна, скромный облик нынешней тайной любовницы, скучный блеск жениных глаз. Солнце игриво пряталось за мелькающие тучи. Красноватые лучи пронизывали непрочное семейство, невыгодно оттеняли мясистость женского профиля. Душа Николая ныла, кашляла и кряхтела. Шатаясь с похмелья, мужчина плохо соображал, с трудом сдерживал стоны, шагнул по бытию коротать нескончаемое воскресенье.

Солнечный человечек не мог унять гул в голове, остриженной под полубокс, жарко нагретой солнцем. Он

направлялся в придуманную страну, которую ему не смогли дать мама и папа. Он дружил с ветром и привольем, стежками и межами, сокращая дорогу к счастью. Прямым через лощину пройти не получилось, гущина травы резала слабые ноги, остро колола подошвы.

Солнечный путешественник выбрался на противоположную сторону угольного края. Терриконы скрылись за горизонтом. Высокие бурьяны тянулись рядом с чистым полем, ложась на грунтовую дорогу. Мухи жалили босые ноги, кузнечики вспархивали из-под шагов пригоршнями. Мальчишка слушал звон в ушах, запоминал испачканную воробьиным пометом палку.

Мелко перебирая слабыми ножками, солнечный пилигрим перебрался через неглубокую лощину, напоминающую дряхлеющий овраг. Виляя по зелени, исполненной куриной слепоты и осота, он любовался бегущими по дорожке горlinkками или куропатками, пока он еще не мог отличить. Потому что видел птиц только на картинке красавицами у друга Вовы. Он мелко побежал за полевыми обитателями, верно, крепко насмешив небеса.

Солнечный обитатель смотрел на брусничный отлив птичьего оперения и не мог определиться, какого же цвета эти существа, так смешно семенящие неподалеку. Эти легко бегущие и так же изящно взлетающие птицы своими хвостами с белой каемкой отвлекали от грустных мыслей, что все-таки рано или поздно, но придется возвращаться домой. Уходить далеко-далеко от свистящих крыльев, трепетного полета души и тела, уныло тащиться в скуку и однообразие неуютного дома, и мучительно придумывать причину своего отсутствия.

А потом утомительно и страшно слушать (если повеzet) пьяного отца и врать, врать, пряча в глубине сердца трогательную красоту и беззаботность своей сказочной

страны, куда он забрел, конечно же, без разрешения мамы. Солнечный отрок медленно возвращался по прибитому колесами проселку, целуя ножками теплую землю. Аромат цветочной пыли стойко слежался в носу. Равнинные просторы провожали его хором жаворонков, цветом безоблачного неба, редкими причудливыми облаками. На его светлой рубахе зеленело пятно.

Выглянув из-за путей, посланец солнца отметил, матери у калитки не было. Нравилось ему наблюдать за домом вот так. Он ожидал чего-то неожиданного, глядя на спящую в бурьяне неухоженную бездомную собаку. Ничто не могло заставить его призадуматься. Он рванул ссученную нитку на пуговице рубахи, потербил ее пальцами, бросил под ноги. Лукаво щуря карие глазенки, он заметил пьяно бредущего отца. Ему казалось, что под каждым кустом крыжовника у папки запрятан ремень, а под смородиной больно бьющий по голым ногам шнур. Солнечный мальчик смышлено качал головой.

Еду маму хоронить

Мама всегда чувствовала себя плохо среди людей, «любящих суету, ищущих ложь» – точное воспроизведение Псалма 4, 3. Противница блудливой жизни, она по наитию двигалась к божьему бытию. Сквозь иллюзорность кривды, по суглинкам устоявшегося большака, ведущего в Осмоловичи, она шла в семилетнюю школу. По обочине, изобилующей песками зыбучими, мимо пашен огнедышащих, вдоль прилегающих березняков и сосновых белорусских лесов.

От высокого кафедрального слова о высших смыслах ликующей жизни едва ли добиралось глухое, утихающее эхо, слышное лишь людям честным и совестливым. В образе благодати, разумеется, стекающей в непроходимую для первопроходцев деревни колею. Мятущиеся инородцы взирали на красавицу с иконописным ликом и светлым именем. Удивление посещало людей пришлых, от волшебного хождения отроковницы на волнах песка.

Время становилось былью. Пресная лепешка и три картофелины таились в ее матерчатой сумке. Девять километров, если повернуть еще и обратно к дому, набегало на сердце ежедневно. Хотелось кушать, мысль о голоде превращалась в желание насытиться впрок. Недоедание превращалось в печать страха и передавалось детям. А чада только и слышали печальные вести укоризны: «Помню, мать чугунок картошки наварит, так мы за нее деремся...»

Задолго до маминой смерти, я гостил в Донецке. Мама тогда жила у старшей сестры Валентины. Утром она готовила мне завтрак. Отвернувшись, она принялась быстро

насыщаться лежащими продуктами. В тот момент я разобрался в своей странной манере принимать пищу воровски, словно ожидая напасти. Я перебил мысли, начал следить за необычно шевелящимся подбородком моей родительницы. А «маты» (на украинском языке) стояла и слушала внутреннюю мелодию насыщения, в ее полыхающих зрачках читались огни умиления.

В их матовой непроглядности отсветами ложились грустные силуэты братьев Афанасия, Георгия, Василия, сестер Анны, Марии, Надежды. Их души мерцали за туманными вербами и плакучими ивами. Липы густо разрослись за крохотными окнами и нежно щекотали пыльные, дребезжащие от ветра стекла.

В окошке недолго маячило сухонькое и светлое лицо Бабушки Акулины, провожая взглядом прилежную и старательную в учебе дочь.

Девушка стремилась к самостоятельности, росла заземленной и практичной, как будто совсем уже отринув сантименты о духе. Техникум в Климовичах гарантировал земную профессию зоотехника, чувство уверенности в завтрашнем дне, небольшую и стабильную стипендию. Но грянула война.

Бабушка заперла хату, побежала на торф-завод, прослышав, что Веру кровиночку вместе с другими девушками из деревни немцы намереваются отправить на работу в Германию. Издали толпа казалась пьяной и невесело гудела. Полицию, сопровождавшему земляков, бабушка Акулина вознамерилась вцепиться в горло, после одумалась и решила упасть на колени, пожалев, что не прихватила спрятанное на черный день уже горьковатое от времени сало.

Это светилось лицо мамы. Нудно стучали стыки железнодорожной колеи, заглушая биение пульса. Нуда смягчала громоздкую мысль о смерти, не уместящуюся в чаду сознания. А сплошной чад – это глубинная тревожность от суеты, от безрассудной страсти. Сплошная облачность, снизошедшая на столицу республики 14 июня 2009 года, глаз не радовала, но сулила накануне оздоровительного – воскресного футбола уют и прохладу.

Это длилось раннее солнце мамы. «Не жаркое лето – для футболистов улада», – отметил Толя. Проснувшись, он ничего не почувствовал, сделал 145 гимнастических упражнений. Снов он не помнил, механически молился, преодолевая утреннее пространство, а вторым планом размышлял и осуждал неизвестно кого.

Солнце палило ярче и ярче. Ребятишки, собираясь по разным тропам, грезили о большом футболе, захлебывались свежими анекдотами и скучными новостями. Игра вышла белая, как сметана, результативная, как одуванчики. Так много мячей Толя никогда не забивал. От чего бы это? Назад возвращались одни довольные, другие похмурые, все усталые, медлительные, разомлевшие. Голос свыше молчал.

Солнце невыносимо пронзительно пробивалось сквозь тучи даже тогда, когда он приноравливался к отдыху, плескался в ванной весь в пене от шампуня. Водная струя односторонне тянула скуку, передразнивала шаткий душевный покой. Примостившись спиной у проема двери, Толя вытирал шевелюру, с удивлением смотря из-под полотенца на зятя. Макар осторожно озвучивал тревожное содержание международного разговора с сестрой.

Солнце все же не напекло голову Галине. Она позвонила и сообщила о смерти мамы примерно в 12.30. Новость сделала Толю похожим на сыча. Неизвестно на кого обидевшись, Толя задергал губами. И погнал прилипчивое раздумье без конца и края, бесполезно отмахиваясь, стараясь уменьшить боль осознания. «Кушать будешь?» – волновалась дочь Светлана. Внук отчетливо произнес «Соседи». Телефон в Донецке ответил только к вечеру. Толя узнал обстановку, принял решение выехать завтра поездом. При самом удачном раскладе, при очень больших расходах (что не имело значения) ему полдня не доставало к часу похорон.

По вагону всюду светилось лицо мамы. С чистой совестью он перелистывал думы. Подсознание бесстрастно переваривало то, что лживое сознание гнало в область смирения, в тишину отрешенности. Душа болела, и он твердил:

*Еду тихо, еду мудро, еду к маме, жизнь моя.
Еду в солнечное утро, к маме еду, колея.
Еду так, еду не тронув, к дому – в сторону родни.
В стороне одни вороны, в сердце горести одни.
Еду, дело не простое, солнце, липкая жара,
Горевать едва ли стоит, просто горечи пора.
Просто горе у дороги, просто смерти вьется нить.
Еду, сын я одинокий, еду маму хоронить...*

Попутчиками оказались несуетливые супруги, спокойные представители позднего брака. Понаблюдав за неинтересной супругой доброго мужчины, Толя представил себя ее мужем и содрогнулся, вполголоса издав «Бр-р...» Искренне пожалев мужика, он посочувствовал его вну-

треннему состоянию, жаждущему опохмелиться. Видно носатый мужик крепко надеялся на то, что соседом по плацкарте окажется нормальный пьющий человек. Однако, услышав от Анатолия твердое и короткое слово «не пью!», мужчина как-то осунулся, отрешился, словно его приговорили в высшей мере наказания.

К тому же его половина со скучным лицом и властным характером нигде не находила смирения, а тут, узрев поддержку симпатичного пассажира, отсекла туманные намеки мужа на продолжение отпускного банкета, обронив: «Обойдешься!» Произнесла глагол таким высоким тоном, что для подчеркивания интонации не хватило бы восклицательных знаков. Завершая экзекуцию, она добавила: «Будешь делать так, как я сказала! Я никому и никогда не подчиняюсь...»

По глазам мужика читалось обратное сказанному его женой. Ему хотелось выпить. Как трезвый алкоголик, Толя знал, тот выпьет любой ценой. Внутреннее состояние одиночества, знакомое любому алкоголику, бывает до и после запоя. Женщина скоро уснула, а глава семьи (похоже, это не так), отвлекая молчаливого соседа от грустных мыслей, начал сам себя вытаскивать из трясины острого отхода, точно барон Мюнхаузен.

Толя неплохо развлекся, внутренне улыбнулся над наивными потугами неквалифицированного собрата. А после он побрел к проводнице признаваться в разбитии стакана. Граненая емкость лопнула, и Толя испугался, подетски пряча осколки, бросил их в унитаз. Чувствуя себя преступником, он быстро соображал, как всегда делал в детстве, когда предстояло обманывать родителей и выкручиваться с помощью лжи. Впрочем, хозяйка вагона весть восприняла без эмоций, коротко и точно назвала сумму уцерб.

Дорожный эпизод спасал и уводил от тяжести тревоги, от изрядно утомившего болтовней соседа по плацкарте. Согласно Г. Гейне: «Мир раскололся пополам, и трещина прошла по моему сердцу» Трещина прошла очень медленно и тягуче, сотрясая цельность человеческой натуры. Впрочем, в небесной канцелярии пошли навстречу: верхнюю полку напротив Толиного места до самого конца маршрута «Минск-Мариуполь» никто не занимал.

Наступило время – оставаться одному, настала пора принимать всех с их странностями и недостатками. Толя сполз на вагонную твердь, заглянул в вагонные сени, отвернув кран, нацедил полстакана кипятка. Чему-то улыбаясь, он минул три секции пассажирских мест, отмечая в полумраке чьи-то оголенные ноги, ощущая приступ новой волны боли. Рука потянулась к ручке:

*Каково, земля просела, утром ожила земля...
Каково тебе, несмелой, влиться в тленные поля?
Каково же очутиться, да у сырости-то злой,
Да в молчанье тихой чтицей, да у бренности – землей?
Каково, я маме милой, каково тебе, душа,
Каково сырой могилой, задышаться, не дыша?*

Страх перед дорогой не покидал Толю до самой станции «Рутченково». Желание найти какой-нибудь непреодолимый повод, отложить поездку, и всю вину свалить на кого-то, подсознательно присутствовал, ускользал от рассмотрения. Но и вместе с тем виделся весьма и весьма отчетливо сквозь дымку самообмана, вернее сквозь ее прочерченные контуры, обозначенные пока что пунктирно. До последнего момента, до той минуты, когда состав

тронулся, Толя находился в его могущественной власти. Не имея опыта ответственности за свои деяния и поступки, Толя владел ситуацией в другом смысле. Более того, он преподавал науку под названием «Духовность», будто бы и никого не уча.

Практические взаимоотношения со страхом киноленткой прокрутились перед его глазами. Да, что там его взгляд? Они прошептались четкими исповедями перед многими слушателями с открытым лицом, они зазвучали приговором страху, этому несуществующему огородному пугалу. Составляя содержание книги – романа-исповеди в форме небольших рассказов – признаний перед миром (а значит, и перед Богом) всего того, о чем при всем народе не говорят, потому что страшно.

Удивительное дело, Толя натянул майку, и покачнулся от резкого движения поезда, как будто от ударившего в виски алкоголя. Он вспоминал и воскрешал те или иные эпизоды детства, отрочества, юности и с психологическим удовлетворением отмечал повсеместную незавершенность всего. Даже такие приказные действия, как подача холодной воды папе в кружке, Толя пытался сократить или вообще прекратить. За что был единожды ударен в подзатыльник, почуяв себя летящим в коротком (так и случилось), но поучительном полете к уважению к родителям и пониманию своего места.

Толя как бы освобождался от любой работы по наущению и наставлению мамы супротив воли отца, который всегда избегал семейных разборок. Мама считалась более главной, хотя с виду это казалось по-другому. Как когда-то изрекла мама: «Отец был таким хорошим, работающим, умным, пока не начал пить...» Как теоретик алкоголизма, Толя ведал, болезнь, имеющая под собой неумеренное употребление спиртных напитков, развивает самые пло-

хие черты в человеке. Вдобавок к сказанному, нечестный образ жизни развивающегося алкоголика составляет его основу, от чего он завсегда и постоянно пребывает в чувстве вины неизвестно за что перед всем светом.

Страх глубинный, незримый, сильнодействующий он есть, прежде всего, строжайшее подсознательное рецептурное предписание: как поступить, что делать, не отступая ни на йоту от указующих велений самого страха. Ответственный характер мышления выздоравливающего алкоголика – фундаментальная его особенность: если в пьянстве за него выбирал алкоголь, то в выздоровлении условия диктовал его первый заместитель – страх.

Толя об этом хорошо знал. Имея склонность к писательскому ремеслу, он мечтал обосновать трезвое мышление, которое частично (на начальном этапе) уже сведено в теоретическую основу в трех основополагающих книгах Анонимных Алкоголиков. Но виртуоз трезвости одного дня проник еще в одну тайну выздоровления. Он пришел к выводу, что психологические направления развития обоснованы все же сторонними специалистами, например, наркологами, психологами, психиатрами. Это объяснялось просто: среди выздоравливающей братии редко встречаются писатели. Или же, если таковые находятся, они, возможно, могут создать многие образцы трезвой теории, но их не достаает на переориентацию своей жизненной философии на новую основу.

На станции «Ясиноватая» (все равно не спалось) в три часа ночи уж светало. Полуночники и нэврастеники, в прошлом лунатики, бродили между туалетом и воображаемой тревогой за свой багаж. Толя выглядел, ка-

кой спокойней, принялся за ним наблюдать и понял, что ошибся с выводами. Человек сунул в карман горсть салфеток, раскрыл чемоданы и сумки, двинулся к туалету. В минуты долгой (перед Донецком) стоянки Толя пребывал в состоянии, которое именуется в психологии бред отношений. Он думал и чувствовал за человека, думая, что тот думает или может думать, что задумал Анатолий. Безлюдный перрон медленно покатился обратно. Нетрезвый мужчина за окном едва держался на ногах, но все равно почти бежал к ступенькам первой утренней электрички. Он старался держаться твердо, но выглядел смешно, как все пьяные на всем белом свете.

Ранняя тоска, печаль, грусть нахлынули вместе с чередой посадок, сопровождающих железнодорожную колею, окатили слезливостью, хандрой, ребячеством. Хмель ностальгии ударил в голову, навис тенью знакомого моста. Дорога затарахтела стыками, приветила родным разъездом, знакомой будкой стрелочника, ухоженным видом лесного склада, скрывающего исток дорогой улочки. Ухабистая развилка, скользнув, отпрянула, изогнулась, подзадорила взволнованные эмоции. Желание размахнулось – тотчас же со станции кинуться к кладбищу, рано, еще до встречи с сестрами поклониться маминой могиле, попросить у нее прощения за все.

В тамбуре Толя поблагодарил Бога за охранение от шумных людей, за умеренные реакции со всеми вытекающими последствиями. Слабо ухмыльнулся затаенному воровскому желанию взять в купе со стола хоть что-нибудь, отметил стыд за самое себя перед собой, означающий несомненный духовный рост. Двигаясь по вагону к выходу, он запомнил обнаженные и раскинутые во сне женские ноги в целом и соблазнительные попы в частности, не забыв сказать комплимент проводнице, слегка надавив на

ее не замужество с неожиданной стороны стареющего соблазнителя.

Гулко ударила в стенку массивная дверь вагона, три ступеньки отделяли Толю от родимой земли. Он пружиной скакнул вниз, окунулся в прохладную влажность рассвета. Знакомый до боли привкус шахтерского края ворвался в ноздри, закружил голову, взбудоражив страх. На кладбище он решил идти после того, как приведет себя в порядок. «Негоже, – рассуждал он про себя, – встречаться с духом мамы в таком затрапезном виде». На самом деле он на мгновение впрыгнул в пьяное мышление, накрутил в воображении страшные ситуации, поугал сам себя, принял заведомо неверное решение.

Кровь легко зашумела, мысль забурлила, Толя кинулся к мосту. Ему чудилось, кто-то встретит его там наверху, и что-то случится страшное. Так он и разрывался, его внутренний ребенок, между кладбищенскими придумками и мостовыми привидениями. Между чувством вины перед младшей сестрой, куда не лежала душа, и взрослым решением и желанием начинать печальную побывку у старшей Валентины. Ловко подняв сумку, гость Донбасса со сновкой запрыгал по крутым пролетам, чуя прилив музыки.

*Больше, мамочка, ни звука, тихо, милая, во мгле.
На земле неволи мука – воля вольная в земле.
На одно твое молчанье уповаю, опершись,
Встречу путая в прощанье, смерть укутывая в жизнь.*

Внутреннее переживание ударяло в нерв, подсознание выкрикивало «помогите», хриплые колени доводили до иступления и ныли при ходьбе. Расчищая дорогу эмо-

циями переживаний, в шевелюру осязаемо кралась седина, превращая голову в белоснежное побоище. Седые волосы неумолимо пробивались подобно подснежникам из сказки «Двенадцать месяцев».

Морщины сыпались в лицо, овивая красивые черты сетью паутины.

Время как всегда было драматичней, вероломней представления о нем. Невыплаканные чувства тяготили плоть. Осознание с трудом преодолевало вину перед сестрой за раннее явление. Окровавленные вишни и черешни пламенели, отягощенные плодами повторяя удивительную и все покоряющую логику природы – логику само воспроизводства, что, в конечном счете, оказывалось ни чем иным, как волшебным действием Создателя.

Анатолий, стирая кулаком воображаемую слезу, механически дернул всегда запертую кодовую дверь. И она поддалась и открылась. Толя обругал темноту, не горящие лампочки и, трезвее эмоционально, затряс губами в коротком всхлипе, не узнавая новое дверное полотно. На слабых коленях он спустился на этаж ниже, свесил голову, едва не позвонил в чужую квартиру, представив недоумение незнакомых людей.

Толя обнял сестру, дрогнул всем телом, понял, что Валентина уже осознала общее семейное сиротство. Валя не охала жалобно, попусту не причитала, будучи сильной личностью, лидером в социуме и номинальным главой семьи. «К Галке не заходил?», – спросила, выслушала отрицательный ответ, взялась пересказывать: «Похоронили нормально, по-человечески. Могилка расположена сразу у выхода слева. Муж внучки Оксаны обещал сварить оградку. На ту я слабо реагировала, может быть потому, что рядом были Леня и Лешка. Вызывали священника. Перед отпеванием поп попросил всех присутствующих

выключить мобильные телефоны, так та сразу ко мне, Валька, ты слышала? В общем, надоела. Поминки устроили в кафе возле Дома культуры...»

И принялась брата кормить, чем Бог послал, болезненно смотря куда-то вдаль, смахнула набежавшую каплю слезы. Валя бегала по кухне, говоря и предлагая того и сего. Толя, насытившись, закрылся в ванну, взял черпак, начал поливать водой голову. Вода лилась струей прямо на грудь, стекая на подстилку и, словно благодать, брызгала на кончике светлостью, рыдая строфами:

*Яма копается, ямочка, мама в гробу, моя мамочка,
Маме земляца пуховая, маме хвала поселковая.
Маме небесное царствие,
домик сестрице по дарственной.
Яма и тьма черноземная, склока семейная темная...*

До погоста – пусть не близкий – Толя отправился пешком, затем передумал, отложил дерзкие замыслы до следующего раза, запрыгнул в уютное маршрутное такси. Водитель бережно вез пассажиров по разбитой дороге. Нетерпение бредило и торопило автомашину, душа пела томные песни печали, солнечный рассвет разжигал восходящим солнцем дымный ворох придорожного хвороста. Такси мчалось через главный мост Толиной молодости. Разогнавшись, таксист пустил микроавтобус по накату до самого поворота на шахту «Лидиевка».

Толя всю жизнь тревожился на этой развилке, про себя бранился на автомобильных хулиганов. Он осторожно, с гарантией и запасом, перебежал на ту сторону, все

еще ожидая чьего-нибудь оклика: «Какие люди из Белоруссии!» Но друг Василий давно превратился в прах. Он один-то всегда и предчувствовал приезд бывшего единомышленника. Он-то всегда одинаково чудесно оказывался на остановке в день приезда. Как ему это удавалось делать, так и останется личной тайной Василия, навсегда погребенной в могиле.

Избегая встречи с младшей (постоянно нетрезвой) сестрицей, Толя не пошел переулком детства, а свернул направо. Чтобы проскочить мимо тети Кати (вот и она в огороде напротив дома). Вдруг, да и выглянет противная и агрессивная Райка. Та, что в прошлый приезд, в товарищеском разговоре, вспоминая детство, грубо отозвалась о сестрах и о нем самом. С тетей Катей Толя обнялся, все-таки мать одноклассника Сашки. На ловца и Райка прибежала, не успела оглядеться, как Толя обозвал все их семейство «сопляками», поспешил дальше.

Могилу мамы нашел быстро. Внутренне беспокоился, чтобы не нагрянула Галина, дабы не испортила встречу с духом родительницы разбитным пьяным мельтешением. Мама запомнилась образом последней встречи, стоящая за окном в запертом доме, немощная, исстрадавшаяся. Она что-то по-своему осознавала, видно, жалела об уходе от старшей сестры обратно в свой дом. Окрепнув, мама верила в то, что справится с происками Галины. От переживаний Толя почувствовал, что сердце закололо иголкой.

На могильном холме ползали жучки и мухи «...гой бабушке Вере Никитичне», – криво читалось на крайнем склонившемся в грусти венке. Чувства Анатолия не выражались никак. Он запомнил дерево для будущего стихотворения, что-то прошептал, поклонился и ушел. У соседки тети Нади он выговорился, напился чаю, получил гаран-

тии на ночлег. У Гали решил не останавливаться, побрёл по улице родимой, что в ней такого колдовского?

Саша Лелеко возник в проеме калитки, друзья заохали, заохали, обнялись, коротко перетерли ситуацию. Бывший нападающий донецкого «Шахтера» мудро напомнил о комплексах, посоветовал быть умнее, а к сестре все-таки заглянуть. Приятели поумничали на перекрестке, держа в поле зрения хорошо проглядываемый двор милого дома уже переписанного по дарственной на Галину. Что, видно, и огорчало Анатолия. Да и Валентину.

У Гали была очевидна припухлость лица: (Это от скорби...) Пояснила, отлучилась в дом, выкатилась с сигаретой. Завела рассказ о своей доброте, о том, как она хорошо смотрела за матерью. Весь поселок говорил, что Галя была маму. Анатолий, зная алкоголизм, бессмысленного зла не таил, мстительную обидчивость не возвращивал. Он понимал, что весь ее сказ – сплошная ложь.

Конечно, Толя мог бы повести сестру Галю за иконою трезвости своей, будучи целителем тяжелой болезни. Он мог бы почудить иконою своей – «Неупиваемой чашей», но Галине мера уже отмеряна своеволием. Оплавав кончину мамы, она села в доме родительском, служа тьме. Анатолий мог бы править на отчей земле, думается, он хранил бы порядок и правду, мог бы надолго утвердить спокойствие маленькой державы. Но плакала душа Толи, когда он не видел величие родительского храма, не узрел благолепие обрядов традиционных, не услышал сладкоголосое пение единых по духу домочадцев.

«Может быть, переночуешь», – спрашивала Галя, страшась одиночества. Соседи ее боялись, знакомые из-

бегали, родичи не замечали. «Нет, нет...» – нашелся Толя, представив, как Галя сигареты разбавляет водкой, как что-то произносит в полном психическом расстройстве. Это забирало все силы. Положение спасла Оксана, дочь Галины, женственно оттенив недостатки пьющей особы.

Оксана засвидетельствовала, а виноградная сень запечатлела медитацию ума и чувства Анатолия. Оксана оставалась его последовательницей по вызволению света из тьмы. Не учеником, конечно. Толя волей бога собирал себя из собственных частей, в надежде противостоять злу.

Галя перечила слову Толи и Оксаны, но сейчас их большинство тряслось, как осина, полу обнявшись породственному. Слова кропили осиротевший двор. Тишина скребла сердце. Сестрицыно сознание терзалось чувством вины. Чувствовалось, что Оксана не может нормально говорить при матери. Она постукивала ладонью по губам, как бы осаживая поток словесной страсти. Ветер плотнее прислонил к ее голове темный платочек.

Оксана дала идею навестить жену покойного племянника Сашу. На днях встретила вдову. Та призналась: «Хорошо, что дочери в Сашу, а не в меня, такие красавицы, глаз не оторвать...» Так Анатолий оказался в плену мысли, взглянуть на родню. С горем пополам выяснил адрес, заодно и нашелся повод избежать долгих речей Галины.

Жара пламенно поливала головы местных жителей, занятых прополкой огорода. За косогором пыльно проехал тяжелый автомобиль, производя впечатление. Толя трудно раскошелился на две шоколадки, долго выбирал те, что дешевле, пока ему не стало стыдно за душевную мелочность. Плитки быстро размякли на жаре, пока Толя искал нужную квартиру, заглянув не в тот подъезд. Возвращался под шелест акаций, жуя шоколад, чтобы не делиться.

Июньские листья, изможденные пылью, жарой и нехваткой кислорода пахли уже не пряно, но еще не пресно. «Лида!» – окликнул Толя чудаковатую двоюродную сестру, узнав в семидесятилетней женщине родственницу. Лидия схватилась за грудь, всплеснула ладонями, громко воскликнула, как делают люди при полной глухоте. Близорукими глазами она уставилась в Толю, на ходу включая слуховой аппарат.

Причитая, Лида перекладывала историю похорон, скорбя о родной тетке о – моей матери. Раздоры с Галей облачались в высокие децибелы, привлекали внимание прохожих, вызывая чувство неловкости. Толя условился о встрече на завтра.

Друг Саша открыл калитку, заговорил новостями местными. На диване друзья сидели друг против друга, смаковали подробности футбольного финала на кубок УЕФА. Саша вспомнил о смерти своей мамы, помянул кончину своего отца. На душе у Толи существенно посветлело, и он забыл, с каким великим трудом он выложил на сто вторую плитку шоколада. На дорогу Саша подарил полмешка грецких орехов.

В третий раз он попрощался с духом мамочки утром. На фоне бессильных слов покаяния, в контексте молчания, странным образом выговорился несчастнейший из несчастных – блудный сын Анатолий. Горечи не было. Мертвые цветы вперемешку со степными ромашками, лежали рассыпанные на холмике могилки, храня граненую рюмку водки, накрытую кусочком хлеба. Двуствольная акация, словно символ жизни и смерти, разбегалась в разные стороны кронами из единого корня. Исходя из

общего начала и смысла бытия, жизнь вот так для всех без исключения и завершалась.

Горьким ароматом у ограды вздрагивали окрепшие поросли полыни, дружелюбно протягивали свесившиеся веточки. Неподалеку, невидимая для глаза, ухала сова, призывала двигаться по ухабистому асфальту. Невыплаканная печаль извилисто стелилась за терриконом, играя в прятки с судьбой и пряча несуществующие призраки. Что там ждет одинокого человека, шагающего к местному рынку со словом исповедальным, с болью неизъяснимой?

Как кот шел Толя по экономно узкому карнизу десятого этажа современного панельного дома. Божье провидение грациозно вело его по узкой – смертельной для иного путника – тропке. Не заглядеться бы на промельк птички внизу, не полететь бы вслед с летальным исходом. Что ж, даже смертный жизни опыт, знамо, не научал. Разве что вспомнится. А если вспомнится и на том спасибо.

Поселок прямо-таки покосился под ветрами нового времени. Малолюдный рынок прогнулся по ветхости, равно как и многочисленные знакомцы сплошь и рядом торгующие, снующие, спешащие чаще к водочному отделу. Чужал Толя здесь что-то родное, брезгливо выгаптывая пропитанные угольной пылью стежки. Рядом уживалось что-то неладное, нечто тревожное, удводящее в раздумчивость неизвестного содержания. Со смертью мамы родилось ощущение, будто он угодил в полыню, барахтаясь в ломком и тонком льду. Точно жизнь его разворовали любопытные сороки.

На поселке, если он кого и встречал из собутыльников, одноклассников или единомышленников, больше делились впечатлениями о преждевременной кончине, о сердечной недостаточности. О том, что те слегли в постель,

что эти одряхлели. Собеседники расходились: Толя в духовность, а приятели с бледной покорностью все туда – же к винной аптеке. Пытаясь покончить с собой нарочно, не принимая эту думу, боясь ее истинного содержания.

Запустенье некогда роскошного шахтерского поселка больше радовало, нежели печалило. В общем-то, местная разруха его не касалась. Ободранный и еще неизвестно какой бывший красавец Дом культуры сросся с местным упадничеством. Ветер гонял по безжизненным аллеям тополиный пух, словно по его дух явился священник служить панихиду. Сорокоуст вился, не отступая от прилегающего стадиона. В желтых его травах зеленела еще живая трава и пестиками касалась убиенных ликов. Толе вспомнился взрыв снаряда в костре на этом самом месте пятьдесят лет назад. Ясно увиделись мертвые и живые, но изуродованные – разбросанные тела сверстников.

Поселок, утративший собственное лицо, не сохранил целостность. Если говорить о человеке, то – как собрать человека в человека? То, что предстало перед глазами Анатолия, напоминало отсутствие человека, ослабление его личной воли, ума и чувства. Одноклассник, оживленный водкой, искал продолжения праздника. Молодые мужчины пьяно пели в траве у мусорного ящика. Жизнь маячила на одном месте. Толя мысленно пытался сдвинуть, прокрутить колесо истории и, словно Архимед, никак не мог найти точку опоры. «Мать скорбящая, не отступись от меня...» – взмолился он, скорым шагом минуя мусорную клоаку, смотря на бесстрашных кошек и диких собак.

Можно сказать произвольно он появился ровно в условленное время. Лида, обрамленная свежеекрашен-

ной балконной рамой, точно позирующая мадонна, выглядывала гостя из окна. Она одновременно с Толей замахала рукой так, будто отгоняла назойливое насекомое. «Заходи, братик...» – обронила с третьего этажа со свойственной – для глухих людей громкостью. Обрушилась громом, вызывая обычное для всех ее знакомых чувство неудобства.

В прихожей родственники обнялись, Толя поспешил спрятать лицо вбок, не дай бог поцеловаться в губы. Обменялись любезностями типа, проходите, нет, только после вас, позвольте вам этого не позволить. Толя мотал головой, тихо поддакивал, покорно принимал общее горе. Ничего не значащие фразы отвлекали его от полной холестерином яичницы на топком сале.

Лида, близко выставив лицо, по обыкновению проклинала Галю, без предисловий вспоминала ту далекую цыганку, что «сказала бабе (моей маме), избавьтесь от третьего ребенка, иначе хлебнете горя, и что она (мама) была не права, что переписала на Галину дом. Ой, какая она страшная была в гробу, один носик, глаза ввалились. Мне кажется, что та «лахудра» тетку не кормила. Внучка Оксана, бывало, принесет борщ, бабушка съест ложку, ой не хочу больше, отказывается. У нее видно желудок высох. Бывало, приведу ее к себе, искупаю в ванной, так она оживает, ой, я как в раю. Врачиха говорила, вызвали меня, я собралась осмотреть пожилую женщину. Галина на меня накричала, я думала, что провалюсь сквозь землю, зачем я вообще сюда пришла? Я боялась на похороны идти, я трусилась. Я спрашивала у Вали, Толику звонила? Хозяйка звонила...»

Взойдя из нищеты, голода, бесхлебья, Лида доедала за Анатолием поджарку (сало Толя не съел). Лида выставила на стол клубнику, сметану, приговаривая: «Пенсия у

меня маленькая, хватает только на квартиру и на аптеку. А в Таганрог весточку о смерти тетки та и не сообщили. Все же там живет последний брат Женя. «Лахудра», довела мать, что зубы закрыть кожи не хватило, одни кости. Лежи уже, бабушка, теперь никто не будет тебя бить...»

Брат и сестра тему отпустили, листали снимки. Толя брезгливо отодвигался от пожилой двоюродной сестры. «Это я на фотографии, старая я, на черта стала похожа, — гениально обрисовала Лидия человеческую перспективу, бубня по теме, — та (Галя) пообещала мне, не бойся, я тебя похороню, если что. Да я из гроба встану, приколочу ее, не надо меня хоронить...»

Лида все время радовалась, что братик зашел, все поминала новопреставленную, тыкала в слуховой аппарат, комкала полотенце, совала в ситцевую сумочку, причитала: «Та «лахудра» бегала к гробу, платочек на голове поправляла, приговаривала: «Чистенькое лицо». А под платочком вата или бинт, будто что-то подложили. У бабушки головка маленькая, аккуратная...»

Поезд в этот раз не опаздывал. Непокойные супруги будоражили провожающих и пассажиров беспредметным спором о том, где нужно встречать пятый вагон. Добрая и голодная дворняга вертелась вокруг сумки с продуктами, чувствуя запах куриной ножки. Суеверный Анатолий решил, что в таком виде явился дух мамы. Он быстро вытащил куриное мясо, начал жевать сухую мякоть, щедро угощая таинственное животное.

Помаленьку народ потянулся на второй путь. Станционный диспетчер крикнул людям, ожидающим поезд, о предстоящем прибытии. Собака тихонько шелестела задней лапой по грязной шерстке, разгоняя блох. Она присела на перрон как на лавку, точно со слезами упала перед иконой. Откуда-то пахло домашними пирогами, но

сдобный запах перебивали устойчивые железнодорожные «ароматы».

Толя стоял в своем купе, скомкав дорожные шорты для переодевания, быстро стирал заблестевшую на щеке слезу. Собака неотступно смотрела на окно. Мимо плыла станция «Весовая». Толя приблизительно перекрестил пространство в сторону маминого захоронения, прощаясь с ней навсегда. Его мысль реально и трезво остановилась на больной алкоголизмом младшей сестре: «Верно, она долго не выдержит чувства вины и покончит с собой, если все то, о чем строили догадки, правда. Если она точно была маму, а, может быть, и прибила ее...»

Шаганрог

Скорый поезд – великое дело для инфантильного пассажира – стремительно мчался к югу России, минуя длинные пробеги между большими станциями. Поезд не кланялся каждому столбу, не пропускал в приступе благородства электрички, литерные эшелоны, не застаивался по сорок минут на важных железнодорожных узлах. Даже пограничные таможенные проверки казались более короткими, чем обычно. В сравнительную характеристику врезался более пристальный взгляд представителей украинской стороны. Я отметил все проникающий взор, скользнувший на высокую полку для матрацев, куда, как правило, на территории стран СНГ контролирующие органы не забираются.

Пассажирский состав притих, вагонная духота усиливалась, нерадивый полупьяный пассажир дерзил властям, играя в рулетку с воображаемыми страхами. Мое нижнее – третье место скорее порадовало меня, как только я рассмотрел и осмыслил боковые полки напротив. Тщательно уложенные в стопочки шерстяные одеяла хоть и обдавали пыльной несвежестью, но гарантировали отсутствие как минимум двух пассажиров. Кто знает, какими могли оказаться предполагаемые попутчики. Следуя присущей мне сверх осторожности, я мысленно чиркнул галочку в подсознании на будущее. Я отметил первое купе возле проводника как стратегически выгодное и безопасное.

После непродолжительной перетряски некоторых конкретных граждан (точно кто-то указал на них), исчерпав

лимит стоянки, перрон дернулся в обратную сторону. Братья славяне, теряя на ходу форменные шапки, бросились к тамбуру, властно крича в спину проводнику: «Двери, двери открой!»

Через тридцать минут, уже в ином государстве, их коллеги, минуя всех (видно, позвонили те паразиты), не сговариваясь, безошибочно направились к несчастным пострадавшим людям. Конфискованную водку, колбасные изделия и что-то еще они пересчитывали, ссылались на постановление Света министров республики, не слушая просьбы и объяснения.

Честно говоря, я немного злорадствовал, что обыскивали не меня. В личных вещах я тщательно рассовал лишнее количество той же «Беловежской настойки». При желании небеса могли легко указать перстом в мой немецкий чемодан. К счастью, я вез полные баулы личного одиночества и, как принято у людей духовного звания, принял его всей душой, со всеми вытекающими последствиями. Поэтому я находился под мощной защитой того, кто правит всеми нами.

Супруги не запоминающейся внешности расположились передо мной, пряча в другие углы какие-то нежелательные для проверки продукты. Симпатичная студентка подселась к нам в Жлобине – в регионе непроданных игрушек и красивых девушек. Моя жена, кстати, родом из того же городка, демонстративно провела меня в купе, блеснула своей поэтической привлекательностью. В народе пронесся шепоток, все поняли, что у меня красивая половина. Дамы автоматически потеряли ко мне всякий интерес, а я понял смысл выражения: «моя любовь тебя хранит». Поезд медленно тронулся по равнине Малороссии.

Горечь разнотравья жаркого августа обильно насыщала вагон, щекотала обоняние, раздражала носоглотку. Станции врывались оживленной перронной торговлей. Горячая картошка с укропчиком, вареники с фруктами, пирожки с капустой, яблоки, груши, абрикосы, завлекали доступностью цен. Я засмотрелся на столовый сервиз и тут же был атакован его хозяйкой: «Мужчина, если будете покупать, уступлю...» Я пребывал в молчаливости. Женщина злилась: «Вот люди пошли, ответить по-человечески не могут...» – кричала она громко, вызывая внутреннее раздражение.

Я думал о судьбе грядущего стиха, о том, что же будет со словом исповедальным в этом мире. Продавцы напитков (научились работать) обеспечивали полный сервис, размахивали холодным пивом, намекали на кое-что покрепче. Безучастные милиционеры лениво топтали жаркий асфальт.

Носительницы конфет застили очи. Я, было, потянулся за кошельком, да припомнил заповедь отца, когда я кланчил у него деньги на пирожное, ирис и мармелад. «Иди, ешь яблоки...» Я проклинал яблоки, заполонившие огород, наполнившие все емкости во дворе. Я ненавидел разрезанные яблочные дольки, разложенные мамой на деревянных лежках для превращения в сухофрукты. Они вызывали одно раздражение и напрасную слюну. Спустя полвека я отмечаю во рту все тридцать два зуба. Они сохранились благодаря почти полному отсутствию конфет и обилию яблок.

Постепенно лесополосы вдоль железнодорожной колеи сменились искусственными посадками с преобладанием акации, клена, липы, орешника, паслена. Украин-

ские заборы из подсолнухов истекли в степные балки и овраги, в унылые черноземы с пыльной пробелью полыни и ковыля, лопуха и бурьяна.

Перед российской таможней супруга моего соседа тщательно подвязала сумочку на третьей полке, пряча нехитрую контрабанду. Я же, одинокий, как бирюк, уставший от рифм и новых образов, полный свежими красками и суетой, мельтешил между туалетом и расписанием движения. Одиночество продолжало дирижировать моими действиями, обиды на жизнь не унимались.

Состав загромыхал на стыках и стрелках, темнота рассеялась, замерцали огни, точно звезды, позвали вдаль. Послышалось тягучее: «Таганрог...» Весело засновали те, кто уже приехал. Меняхватило на сутки, я утомился пустыми разговорами, заскучал по себе. Все странности и недостатки окружающих меня людей я принял, возжелав запрыгнуть в самое себя. Пришло время – оставаться одному. Напряженность от шумных братьев по разуму отошла в предчувствие встречи с родней.

Сосредоточенный спуск пассажиров, едва видимые лица встречающих. Тишина, переходящая в бурные излияния эмоций, объятья, пронзительные восклицания. Память моя дырявая! За минуту до прибытия в пункт назначения я забыл о просьбе проводницы выходить через соседний вагон, я, пассивно и лениво выздоравливающий трезвый алкоголик. Но дальше, больше! Пошли играть эмоции. Притихшие распространители сухой вяленой рыбы привнесли доброе успокоение.

Перепутав направление, я принялся искать встречающего меня брата, двинулся, оборачиваясь назад, пришел в себя. От сердца отвалился камень. Глядя в мою сторону, ко мне приближался Володя. Я обрадовался духовной радостью человека, который ощутил потребность совер-

шить подвиг, почувствовал желание что-то делать, куда-то идти. Мне показалось, что я дома и, что Бог рядом. А главное, что я не ленюсь активно выздоравливать.

Вездесущие продавцы соленых даров моря юркнули в свете фонаря. Блеснули связки вяленой рыбы, обдав духом владений Нептуна. В суверенном сознании родился образ, будоража вкусовые рецепторы, наполняя слюной полость рта. Брат смотрел на меня, на мое лицо, ослепленное фонарным оком. Я же захлебываясь от чувства благодарности, что меня встретили, набросился на темы о погоде. Я объяснялся: почему я оказался не у того вагона, почему проводник сделал так, а не эдак. Вторым планом я думал, отдавать брату водку сейчас или же вручить подарочную бутылку в другой раз.

Космы каштанов огранивали привокзальную площадь тяжелой зеленью. Они скрадывали темное южное небо, делали темноту гнетущей. История нашего рода по линии Новиковых предваряется предельно краткой, но и содержательной аннотацией. Она высвечивает в себе самой парадокс появления тети Нади в очаровательном городке. Но объяснение слов противостоит их же ничтожности. За словами все равно таится тайна бытия, его случайность или закономерность.

Надежда Никитична, пройдя все, что выпало на долю военного поколения, смотрела на свет божий благодатью. Смертельное заболевание под названием «алкоголизм» гарантирует надежную основу для любого другого недуга, к которому предрасположен человек. Пойдем, шептала ей судьба, дергала за рукав и тащила сквозь принудительные работы в фашистской Германии, первую любовь,

смерть мужа, тяжелую травму глаза на льнокомбинате в Орше Витебской области. Она двигалась молча во мраке пьяной торговли, в счастливом браке с высокопоставленным мужем, через потери судьбы к вечному алкогольному одиночеству. К образу человеческого падения, не ведая, что с ней происходит. Конечно же, рак горла являлся следствием, но кому это объяснишь в алкогольной республике?

Я запомнил ее грозный голос в детстве, ее тон, не принимающий никаких возражений, ее неудержимую гостеприимность и ее алкогольную зависимость, способную сравниться разве что с моей исторической тягой к вину. На фоне запуганной отцом мамы, тетя из Таганрога смотрелась образцом своеволия. В шестидесятых годах двадцатого столетия Надежда Никитична заглянула в Донецк погостить на недельку. Папино поведение не приглянулось Новиковой. Она высказала правду отцу, который на миг потерял дар речи. Через минуту очевидцы наблюдали за бегущей полной женщиной, испросившей убежища у соседей. Назавтра она укатила в свой Таганрог.

Полвека назад в тихий городок нагрязнул мой дядя Женя. Родичи из далекой Белоруссии не ясно понимали, что необъяснимая грусть увязала их дороги плотной скруткой, какой они давным-давно скручивали снопы на золотых полях у деревни Семеновка, что в Могилевском регионе. Парадокс судьбы был задан свыше, наполнил силою, но и тцетою. Кто знает, верным ли был изначально выбор пути, предложенного небом. Этично ли так спрашивать, безнадежно оглядывая арендованное у судьбы поле, густо засоренное пустыми бутылками из-под самогонки. Из-под водки разорительницы в исподнем своем непотребстве. Словно покорился Евгений Никитович опутавшей его участи. Ничего не сбросил под ноги с пологих

плеч. И залез бы почтеннейший Евгений Никитич намного ранее срока туда, куда легендарный Харон лодчку гоняет. И свесил бы голову в преисподней как честный человек на легком труде, но бог милостив. Как единственную и последнюю тайну в сторону сего нерадивого мужа прислал тетю Ларису. И не стало у жизни окончания, не смотря ни на что.

Но для чего все-таки человек это говорит? Неужели для того, чтобы учить. Поучительные истории многому обязаны божественным провидением. Поле семейной жизни заколосилось полным, тяжелым колосом. Тетя Лариса, милая, добрая, интеллигентная, взяла назубренный серп и, заломив головной убор, принялась жать за двоих. Вместе с дядей она ждала меня, гостя из Минска, а ее необыкновенно талантливый сын Володя лихо выкруливал синусоиды, минуя недисциплинированных российских любителей езды без правил. Он легко качал головой, внимательно смотрел во все стороны, иногда трогал ремень безопасности и вводил меня в курс погодных условий.

Я выкладывал на стол остатки продуктов, вторым планом сражаясь с приступом недовольства самим собой. Я не к месту занялся самоанализом своей части диалога с Новиковым младшим. Мне не нравилось и моя угодливость не по существу, и желание произвести впечатление без какой бы то ни было мотивации, и уже негодная душе лесть, текущая по инерции старого поведения и мышления. Взрослые люди так себя не ведут. Я вспоминал события давно минувших дней и намеренно подчеркивал строительные достоинства брата – давным-давно прожитые, проговоренные и забытые.

Так как Володя не был инфантильным, он не смущался, не краснел внутренним пурпуром самодовольства, а спокойно довез меня и повернул «Жигули» в содержательную форму девятнадцатого квартального проезда. Из немоты безмолвной молитвы бесплотной тенью материализовался Евгений Никитович, тихий и кроткий, словно прихожанин у подножья храма.

Мы обнялись, я ловко подставил щеку для поцелуя, помня о традиционной родственной привычке Новиковых целовать родственников в губы. Дядя медленно шаркал в тапочках сбоку, ступая враскоряку, исподволь рассматривая меня. Его мягкая плоть тонула в темноте грядущей ночи. «Хороший урожай...» – ни к месту произнес бывший старшина сверхсрочной службы, трогая рукой стебли заморского огуречника. Плоды пенились и мерцали, отражая яркий дворовый свет. Палисадник тонул в мягком сумраке, оживленном полыханием окон.

Я вынимал из пакета сыр, думая, как поднести подарки. Тетя Лариса, улыбаясь, что-то спрашивала, оживленно жестикуюлировала, весело восклицала, сетуя, что я опять не привез свою красавицу жену. Синий халат выбирала супруга. И рукавичку для кухни, и кремы. Я же, помня о слабости тети к зефиру в шоколаде, радостно водрузил на стол увесистую коробку. Пока мы с дядей вскрывали его подарок – бритвенный станок, тетя быстро исчезла и скоро возвратилась, но уже в новом облачении, преобразенная, мягкая и женственная. К своему стыду, хоть ты возьми и вырви глаза и сердце, я сразу не среагировал, но спохватился и начал вспоминать василек, сошедший с межи, укутанный золотом ржи.

Один Бог знает, чего стоило мне, служителю древних алкогольных традиций, принять решение и явиться в дом без бутылки водки. Благоразумие зажимало мне рот ла-

донью, духовный поводырь давал добро, тетя по телефону объяснила открытым текстом «Об этом не может быть и речи». А я накручивал, я додумывал, я силился вообразить и предварить – смоделировать ситуацию. Снова и снова оказывался я в эмоциональном проигрыше, преодолевая муки моральных изменений. В конце концов, я бросил поводья без привязи, потерял фуражку, вбежал в приемную к Богу и положился на его волю. Я включился в поле тяготения воли небесной, действия которой, как известно, не обсуждаемы. Впрочем, не иметь собственного мнения среди нашего брата почитается заслугой.

Еще в предварительном телефонном разговоре, а звонил я с работы, нарушая все правила производственной этики, мы с тетей Ларисой условились не доводить до сведения весьма и весьма большого дяди информацию о смерти моей мамы. Его последняя – старшая сестра для Евгения как бы продолжала влачить свое брненное существование. Так я неожиданно попал в драматическое напряжение возможной невозможности. Перепутья, живые и мертвые, драматически сошлись в единый путь личного бытия для многих людей одновременно.

Я печально рассматривал непослушные пальцы Евгения Никитовича, когда-то ладные и ловкие, а теперь неспособные распеленать обычную упаковку. Он сидел на диване, смотрел молодо и весело. Глаза его, точно вода в лужицах, дрожали легким колебанием. Его священно-мирская действительность уже начинала сходиться с вечностью, и временами в нем прозревало посмертное воздаяние. Хаос его сознания вдруг обретал лад и гармонию, и он преодолевал смерть обычной христианской жизни, припадая к единственному истинно небесному источнику благодати.

Хорошенькое дельце мне предстояло повернуть – устроить дядюшке одно сплошное настоящее без прошло-

го и будущего, конечно же, предвосхищая любые вопросы о маме. Поэтому мы не плакали, а шутили и шалили в воспоминаниях. Желтая свечка маминого духа легко дрожала за оконным стеклом. Легкокрылый мотылек, возникший из полумрака, бился у света, подтверждая языческие легенды о превращении. В каждом мгновении собственного бытия, я ощущал подвох темных сил и ожидал вопросов. Но дядя молчал как замороженный. Как обычно, я на время стал заложником вечности и пленником того же времени. Все, что божественно звучало из уст тети, я воспринимал с большим трудом. Я пребывал в полной растерянности, какая угнетала меня в дни жесточайшей алкогольной зависимости.

Один остался дядя Женя, о чем он даже и не подозревал. Его поведенческое ребячество ясно проглядывалось за утренним окном, исполненным солнечного света. Я плохо выспался, потому что мой прошлогодний комар всю ночь ел меня до утра, потому, что адаптация на новом месте всегда не скоро, потому, что мы непроизвольно вторглись в несуществующую точку смерти. Прошлое, стянутое как память, и будущее как надежда – только они и есть – переплелись, словно уверяя, что смерти нет. Удивительно живой глава рода (о чем он, разумеется, не ведал), Новиков Евгений исторгал в мир истинные слова. Он нетерпеливо ожидал, подсматривая, как племянник забавлялся невиданными упражнениями.

Его личный индивидуальный опыт в эпоху сверхсрочной службы помнил примитивную физическую зарядку Красной армии. Его исповедальное слово всходило, как и солнце – с востока, предупреждая жаркий день. А неиз-

менные плюс двадцать два градуса в восемь часов утра заставили меня сбросить всю хламиду, опереться на подоконник и задуматься. Было слышно, как тетя делает замечания взрослому «мальчику». Туда не ходи, это не делай, Женя, куда пошел, сейчас будем завтракать, ну, чего тебе у ставен нужно? Слышались поселковые собаки, местные петухи и невидные за высоким забором соседи. Не то, что у моей младшей сестрицы, ни в трусах не выйти, ни в шубе.

По дороге в ванну мы обменялись приветствиями, переглянулись с тетей, имея в виду нашу тайну о смерти мамы. В наших глазах читалось взаимное понимание. Думы мои вихрились, как вихри враждебные, не давали установиться плавному течению покоя. Дяде волнения ни к чему, говорить о том, что сестра умерла, ему не следует. В его душе царило тихое смирение. Глава семейства трудно (после четырех микро инсультов) перебирался со двора через невысокий порожек. Поглядывая на меня, бреющего свое совсем еще молодое личико, он, не спуская с глаз ироническое настроение, как обычно с присутствующим ему блестящим юмором спросил: «Ну что, долго еще будем ждать минских гостей, мы уже проголодались?»

Я все утро напряженно вздрагивал от каждой дядиной фразы, ожидая вопрос: «Как там мать?» Мой ответ, много раз прокрученный и гладкий, как окатыш, просился наружу. Но старый плотник будто знал, что боль пройдет, то, что беспокоит сердце, потечет по новому руслу. Он ощущал это на некоем чувственном уровне. Эдакий великовозрастный громоотвод нашего тайного сговора, некий ретранслятор слаженных логических фигур.

Его ясно видимое бытие столь ясно и просто вспоминало и отражало голод 1939 года, количество картошки в корзинке, температуру грязи, покрытой мокрым ранним

снегом. Словно поэт простак, он задним числом озвучивал плач души, перечислял подарки старшего брата Афанасия, точно дело происходило вчера. «Женя, ешь, – нежно и вместе с тем грозно требовала жена, подвигала блюдо ближе к мужу, – потом расскажешь...» Чисто дитя малое, думалось мне. А дитяти сыпал бескровный плач о том, как брат Афанасий большие деньги присылал. Никто в деревне и не мог предположить, что Никита получал такие крупные купюры. Сам начальник почты лично привозил все до копейки. Потом они пили самогонку и клялись в дружбе.

Дядя Афанасий деньги тратил легко, расставался с ними по-гусарски. «Раз на базаре есть, значит и у нас будет...» – широко разводил руки, в одной их них, держа полную наволочку рублей. Неделями Афанасий не уходил из-за стола. Так что в употреблении водки мне было на кого равняться. Однажды в Климовичах на Афанасия напали местные хулиганы. Лежать бы ему в земле сырой, да финка спасла. Вытащил он короткий клинок (офицером служил в специальных войсках), заиграл острым предметом, перекладывая из руки в руку, крепко напугал бандитов. Жаль, что за две зимы всего три класса закончил: «Эх, отец, хоть бы дал мне классов пять закончить...» Горестно как-то произнес, вытащил из пиджака денежную пачку и рассовал младшим братьям по карманам.

За чаем, несмотря на протесты супруги, дядя успел поделиться историей о том, как он, будучи старшиной, генерала обхитрил, поставив в наряд лучших стрелков накануне проверки. Умный генерал всех от стрельбы отстранил и приказал привести наряд, полагая, что его дурачат. Когда личный состав отстрелялся, и генерал собственными глазами увидел результат, он сдался. Еще дядя успел вспомнить, как у него ручка на чемодане оборвалась во

время побывки, как он привез всем по подарку, отцу же костюм в клеточку. Это в голодные послевоенные годы. Еще, что в шахте в день трагедии, случившейся с отцом, не было буро держателей, что мой отец попросился на другой участок после смерти дяди Семена: «Не могу я здесь работать...» Решение оказалось роковым.

К окну подходил жаркий летний день. Дядя наконец-то выговорился, произнес обычное речение: «Так, давай быстрее на море, уже десять часов...» Улица пахла мягкой духовностью земли приазовской. Тетя постаралась, грустно улыбаясь, наготовила в дорогу бутерброды с сыром, полкилограмма мясистых – настоящих помидоров, каких в тепличных условиях не вырастишь. Я же непозволительно заглядывал за горизонт еще не состоявшегося дня и примеривал сорокаградусную жару на свою чувствительную кожу. Тетя грустно улыбалась, поясняя мне тонкости при нанесении крема для загара. Я запомнил то чувство вины, которое устойчиво преследовало меня весь отпуск в Таганроге год назад. День за днем я с виноватым видом просил у тети средство против – всюду проникающих ультрафиолетовых лучей. На этот раз красивый оранжевый тюбик белорусского производства приятно грел мне душевный покой.

Я, быстро шагая из переулка, исчезал из поля зрения дяди. Он задумчиво провожал меня взглядом, со скрипом проверчивая вязкий пыльный чернозем. Тетя приглашала его домой – томиться без дела в тереме высоком, во дворе затворном. Его зоренька, Лариса Ивановна, ласково ожидала мужа на подворье. Представляю, что будет твориться в душе неприкаянного дядюшки, когда бог по-

ставит его лицом к лицу перед самим собой? Веселенький же спор зачнется в сердце о себе самом против себя самого. Просветление души есть, а чего-то не достает. Но все это в данную минуту мало меня трогало.

Я вырвался на оперативный абрикосовый простор. Бесхозные дикие плоды изобиловали и преобладали в уличной растительности. Просто рай для психологических романистов и академических психологов нового времени. Я позабыл прошлогодние промахи и душевные терзания и, словно ребенок, набросился на позолоченные божьи дерева. Как тут не припомнить блестящие строчки поэтессы Новеллы Матвеевой:

*Все сказано на свете,
Несказанного нет.
Но вечно людям светит,
Несказанного свет.*

Несказанное, невысказанное и недосказанное лакомство свисало с веток, золотело в пыли, солнечно сияло в темно-зеленой траве. Лишь на миг я вновь затревожился, я искренне боялся сокровенного разговора с дядей о его сестре Вере Никитичне, но азарт охотника быстро взял свое начало. Исподлобья я оглядел столетнего деда на лавке. Как старый квас, он кис в редкой тени акации. У хозяйки, что проживала в неухоженном домике напротив, явно взыграли дрожжи, будоража возрастную кровь. Судя по энергии подметания, женщина ночью не кричала от страсти.

Мое немолодое натренированное тело крепко жег абрикосовый зуд, переулок медленно узнавал меня и щедро сыпал под ноги желто-красную мякоть. Не снимая шапки, не ломая поясницы, я ринулся на фрукты. Точно

сойдя с ума, я спешил насытиться питательной клетчаткой, ослепнув от жадности. Я не стал более взрослым за минувший год, как мне казалось, я воровал более осторожно, я бы сказал, изощренно. Красные прожилки у меня на икроножных мышцах прояснились от напряжения. Четырехглавые мышцы, привычные к ежедневному приседанию, налились усталостью, а глаза исполнились желтой абрикосовой кровью. Важно, что я не был голоден, но, лишенный разума, я хватал тяжеленькие кругляши и вместе с грязью отправлял их в рот. Одновременно я молился воровскому истукану, прося помощи, по крокодильи кружа глазами на все триста шестьдесят градусов. «Да, видит-то Бог мою душу, хочет, наверное, помочь...» – пронеслось в воспаленном сознании и погасло при виде огромного пса, который ошалело глядел из-за забора, верно, опешив от моей безнаказанности.

Глупо, конечно, в почтенном возрасте дергаться при виде взрослых людей, которые уже в подавляющем числе случаев младше тебя, но воровство, извините, это вам не плач христороливой радости, высвобождающейся из потемок телесных языческих лет. Насытился я плодами, поблагодарил бога за поздний абрикосовый сезон (я уж и не надеялся застать такое изобилие), и по зрелости возраста пошел спасаться омовением. На всякий случай (я пока еще не до конца доверяю богу) я запомнил расположение деревьев плодоносящих, отметив в сознании хитро сплетенные улочки, коих здесь водилось великое множество. Одинокая женщина, если я не ошибся, активно выметала из себя сексуальную энергию. Земля, прилегающая к ее ветхому домику, зеркально и причесано блестела, так и хотелось оросить одеколоном редкие выемки у скособоченной калитки – для полного счастья. Отбросив сомнения, отогнав похотливые тайны, я поспешил

к ожидающему меня морю, унося в пакете существенную абрикосовую прибавку к обеденным бутербродам.

Море полыхнуло огнем небесным, вспыхнуло цветом холодным, засеребрилось переливчато и загадочно. Как ожидание радости неожиданной, к которой готовил себя в воображении весь год. И вот она осуществилась, материализовалась, обозримая морская стихия, видная, как на ладони, с крутой многоступенчатой лестницы. Поначалу я полагал, будто одному только мне приходит на ум, не бежать сломя голову к шепчущим волнам, а присесть на парапет спуска и смотреть, смотреть. Когда я внимательно огляделся, то увидел, что моя позиция не оригинальна, и что практически каждый человек делает то же самое. Несколько раздосадованный таким большим количеством поэтов, путь даже в душе, я ревниво понаблюдал за многообразием человеческих медитаций, и успокоил себя тем, что и прозаики имеют внутреннее право наслаждаться прекрасным пейзажем.

Все равно мои слова в стихах обретут видимую плотность взбудораженной живой плоти морского разума. Все равно моя форма будет сколь угодно изощренной, равно как и схватка с самим собой. С тем я уравновесился и медленно начал спускаться к романтическим искателям истины, минуя начало волевого проявления себя. Мелодия звонка мобильного телефона у бредущей сбоку женщины звучала так же, как и у шефа. Создавалось ощущение, что дух моей фирмы незримо присутствовал и шествовал рядышком. Я отбрасывал предрассудки на клейкие цветы под акациями, надевая на голову старенькую дядину кепку от солнца. Благородный порыв купить себе новый

головной убор опять же споткнулся о неумение тратить деньги на себя, больно ударяясь об острые рифы низкой самооценки.

Старое мышление под аккуратной стрижкой мучительно преодолевало вновь возникающее понимание: в мире самый главный для меня – это я сам. Случись событие в прошлом, я бы, не задумываясь, накупил дорогих коньяков и угощал бы женщин. Сейчас же, глядя и осмысливая относительно невысокие цены на женские бусы из природного камня, я намеренно не вспоминал бога милосердного, не молился, не просил силы и крепости. Стало быть, цели мои не исполнены высшего смысла и даже не имели его в виду. Беда заключалась вот в чем, я старался заслужить похвалу неба лишь постыдным умением обманывать себя, а не проявлять глубинную праведность.

Страшно навязчивая распространительница изящных поделок для женщин упрямо сверлила меня психологическим взглядом. Я же, любя благодарное человечество, похристиански отсылал ее к богомолкам, но выглядело мое нарочитое человеколюбие, но слушалось мое внутреннее моление как ругательство. Житье мое доброе вместе с покоем души затряслось от переживаний. Притягательность мерцающих водных оттенков померкла. Чувство вины перед торговкой, самим собой и супругой свились в троекратное вервие и быстро опустили меня к самому берегу – к живописным сувенирным лоткам. Я затрещал подошвами по обильно снующим муравьям, страдая от размышлений о перевоплощении. Я старался не наступать на живые существа, но те, кто согласно восточному учению, возможно, были людьми, точно бросались под ноги, не выдерживая смысла бытия.

Я не слишком тщательно (что дешевле) выбрал подарок для внука. Циничную лягушку с выпяченными

внутренностями и погремушку сравнимую с Иерихонскими трубами я отверг. Для самого дорогого человека на земле у меня в душе еще оставалось достаточно чувство любви, оно-то и помогало одолеть неодолимую алчность эмоционально незрелой души. Я с благодарностью чмокал в мыслях жилистую руку Господа, горюя о невысоких доходах, плохо распоряжаясь тем, что имею. Я светло смотрел на людей, с легкостью выбрасывал камни из-за пазухи, наполняя свободное место игрушками. Мальчик девяти-десяти лет рядом испытывал терпение родителей, ища неизвестно что. Ветвистые олени рога явно поразили его воображение, но странно отшутилась его мама: «Успеешь еще рога поносить...», – и с укором поглядела в сторону папы, делающего вид, что это его не касается.

Я толкнул ногой медленную отпускную лошадь, перекрестил перстами чело и, тронув вожжи свободного времени, побрел по набережной. Служение суете отошло на задний план. Солнечное марево парило, варило и жарило, проникая во внутренности и глубже в душе бередило духовность, остро вялило чувства, колебля неумолимое течение духа. Пустая слава, которую я снискал себе праздными делами и размышлениями, блистала рядышком пестрыми женскими купальниками, красноречивыми женскими ягодицами. На вербном кустике, бросающем на тела вялую тень, белела записка с просьбой возвратить документы за вознаграждение. В глубине души я позаиводвал счастливому обладателю будущей премии и принял высматривать свободный уголок.

В три часа по полудни третьего дня сам собою стал риторический вопрос, купаться или не купаться? Я безо всякого стыда переворачивал порядок, установленный

богом, любить, прежде всего, себя, Внимательно относиться к себе, думать и заботиться сначала только о себе. Для своей же пользы.

Чтобы мирно жить с другими и с небом. Но моя преступная шалость не в пользу здоровья отличалась тупостью людей никчемных. Я поглощал ультрафиолетовые лучи с жадностью скупого человека, допущенного в казну. Море – место буерачное, непокойное и щедрое, а хватаешь его наудалую и без разбору, жди локальной беды, чувства неприглядного, страсти отвратительной. Так и получилось. Отдых мой негаданно раздробился на бездумное купание, пожирание солнечного света, остывание на сквозняке и глупое обострение (это в плюс тридцать пять в тени) хронического бронхита.

На четвертый день, дико кашляя, я трясся в вагоне, электропоезд уносил меня к бабушке Ростову на Дону. На пролетающих раскидистых поймах паслись какие-то животные, возле них шевелились плохо различаемые фигуры людей. Я спешно фиксировал высшим промыслом найденное сочетание слов. Их суть и ладовое звучание вызывали в моей душе крайние чувства, но я не могу их назвать запредельными. Горний полет вдруг обрывался требовательной просьбой контролера, обрушивая в бездну мои дерзкие словеса. Стихия и Творец противостояли, сотрудничая и враждуя, образуя стихийность творения, полную солнечного тепла. Порыв, привнесенный сквозным южным ветерком, лепил неизвестно что. Откуда-то явленные артисты как бы восстали из поэтической очевидности, восстали или сотворились со своей вполне разумной и мелодичной песней о России.

Стороннему зрителю логично показалось бы, все свершалось не по разумным канонам сего бытия, но как-то все существовало в логической цепи во благо людям. Нет ни-

чего полезнее поэзии для человеческого организма. Стихи – главный витамин. Пусть такая точка зрения вас не отпускает, пусть искомая строка живет и процветает сама по себе, раз и навсегда. Изменить череду словес, если в их основе доброта, невозможно, равно как и переупрямить противника Музы.

В прохладном помещении редакции журнала «Дон» я вновь встретился с главным редактором, поэтом Виктором Петровым. Я подарил ему новую книгу стихов (издание – пальчики оближешь), оценил его реакцию и оценку (простите за каламбур). Я сделал спокойное лицо, читая подборку белорусской поэзии и прозы, организованной мной и подготовленной редакцией журнала «Немига литературная». По мере того, как я все внимательнее всматривался в содержание, ища свое имя, мое настроение катастрофически падало, а неприязнь к лауреату Всероссийской литературной премии имени М.А. Шолохова Петрову и ненависть к тому, кто составлял подборку росла. Я чувствовал себя малоросским женихом, которому во время сватанья поднесли тыкву. Смятение и обида, зависть и уязвленное самолюбие застилали разум, душа взрослого ребенка рыдала тихо и безутешно. Острое желание отомстить бередило гусарское сердце.

Позже, когда я впервые познакомился со стихами редактора «Дона», я немного успокоился в тенетах мстительной обидчивости. Стихи у Петрова не получались ни в редакторском смысле, ни в поэтическом понимании мастера. У него отсутствовало чувство меры, позволяющее отличать поэзию от не поэзии. Странно, но его вступительные характеристики, его увертюры к творению поглощали душевные краски. Не берусь объяснять почему, но цвели они только в прозе. Я ощутил чувство удовлетворения, зная, что Петрову плохо. На подсознательном уровне

он это ощущал, но выразить словами не мог. Подсознание – дело тёмное, а тьма – моя стихия.

Более того, когда я нашел у редактора «Немиги литературной» метафору «шершавый» примененную в трех стихотворениях в избранном, я простил ему убогие амбиции поэта, прожившего жизнь без единого романа. А его старческая попытка походить на Пушкина, путем отращивания бакенбард, превратила хорошо отредактированного сочинителя в насмешку. Потом, проговорив чувства, я успокоился. А пока я топтал центральную часть папы российских городов, тянул медленное время до отхода электрички и придумывал мстительные сцены всем обидчикам. Хорошо бы получить Нобелевскую премию и встретиться с президентом, другого выхода не было.

Я слонялся по пляжу, пресыщенный жарой, изображая из себя утомленного Дон-Жуана и еще неизвестно кого. Небрежное рассматривание дорогих безделушек давалось с трудом и с немислимым напряжением. Страх разоблачения тощего кошелька растекался по физиономии, искрился в глазах. Я злился на всех, кому следовало бы привести подарки и, прежде всего, на жену. Я досадовал на невысокую зарплату и косо смотрел на богачей, имеющих, на мой взгляд, незаслуженные доходы. Я выкладывал деньги в кафе, якобы не замечая правосторонней колонки головокружительных цен.

Купюра, брошенная с окликом «Сдачи не надо», маячила перед глазами. Кафе, где мне не смогли наскрести пять российских рублей сдачи, привлекало отрицательной энергией. Я день за днем пил кофе у моей должницы, намеренно останавливался возле открытой террасы,

вежливо кивая головой особе за стойкой. Внутренний ребенок обиженно дулся, надеясь услышать: «Мужчина, деньги...» Чтобы с равнодушным выражением лица процедить: «Бросьте, какие пустяки...» И, словно забытьясь, закатывая очи в сентиментальную отрешенность морской стихии.

Водный мотоцикл или скутер просто втянул меня в черную дыру безысходности, после того, как я тщетно пытался решиться на партию в пляжный волейбол. Мысль о том, что я сделаю что-то не так, ужасала и приковывала к плохо просеянному песку. Необходимость выкладывать деньги на общий кон превращала момент истины в помрачение, в слепоту, вместо просветленного голубого взора тревожной пучины. Но прежде я стоял у боксерской атрибутики, зовущей потренироваться за небольшую плату. Сумма была столь мала, что я почти решился, но бред отношений, зависимость от чужого мнения, отбросили меня в суету нечистых цветов.

Я спустился к морю и увидел, что за прокат скутеров просят четыреста российских рублей за пять минут. Я долго любовался их блестящими поверхностями, наблюдая за реакцией хозяина техники на мое поведение. Сердито махнув рукой, я завернул к прогулочному катеру, холодея от важности его профиля. В море на скутерах газовали молодые люди. Хозяин отчего-то поморщился, внимательно посмотрел на часы и стер со лба нависающий пот. Он не обращал на меня внимания, а мой вопрос о расценках прозвучал для него эхом пустого ведра, ничемным словом, за которым ничего не стоит.

От чувства неудовлетворения собственными решениями, от нерешительности, я остро ощущал тяжелые стопы греховного тела. Недовольство собой превратило жаркий отпускной день в ветреную осеннюю скуку. Тучи,

как пакля, трепались на куски, подхватывались ветром, не мешая солнцу обозревать ничтожных людей. Таганрогский залив вполне походил на мой долгий, но обозримый отпуск. Все-таки человечество вышло не из воды, подумалось мне. Верно, мне так показалось, что я не люблю долго и много купаться. Я даже не научился без боли и сострадания наблюдать за посторонними людьми на воде. Мне бы отпустить повод напряжения, завязать его за оглоблю волнореза, отвести лошадь своеволия на траву. Так нет же, летняя истома парила и кружила голову. Супружеская пара лениво следила за четырьмя малолетними детьми, точно зная о моем болезненном бдении и навязчивом желании решать не свои проблемы.

Я вяло плескался на мелкой глубине грязно серой зыби и поминутно пересчитывал совершенно незнакомых для меня ребятишек. Их родители игриво хохотали друг другу в лицо, полностью доверяя богу. Мелодичный звонок напомнил о далекой работе, тучи закрубились шерстью. Редкие дождинки падали оборванными нитями, пляж быстро пустел. Наиболее опытные отдыхающие отсиживались на террасах прибрежной череды открытых летних кафе, уставившись в небо, как герои кинофильма «Парад планет». Туча необъяснимо кружила подобно блуждающему форварду команды. Непогода вызревала, не раскрывая тайны неба, но гляделась пособием для совершения чуда самопросветления. Неисповедимые пути заоблачных высот подтверждали могущество запредельности.

Я наслаждался отдыхом, не наслаждаясь, отдыхал, не отдыхая. После дождика пляж напоминал кисель, песок обдавал отдыхающих в спины. Грядущие крестовые волны душевного покоя на время затихли. Дети окатывали елеем радости и вином целомудрия. Море взыграло до полуметровых волн, как бы проверяя, заслужена ли сла-

ва о его красноречии Полуметровые волны здесь, в мелком заливе, почти предельная высота, пропорциональная серьезному шторму в беспокойном море. Я на миг предался ложному заблуждению о собственном значении, окрыленный ниспосланной поэтической метафорой. Но больно ударился о мелкий камень, указующий путь к смирению. Мгновенный драматический не покой на пути к чуду. Горизонт дымил задавленным пожаром, щеки секли блуждающие дождинки, веяло прелью, сыростью, предчувствием чего-то значительного. Я переступил нерешительность, стал взбираться наверх, но тут меня окликнул собрат по трезвому образу жизни.

Собрат по трезвому алкоголизму увидел меня в самом конце набережной. Затаив дыхание, я рассматривал крысиное гнездо на каменистом побережье. Несмотря на почтительное расстояние, мелкий грызун осторожно удалялся от человека, держа в поле зрения его присутствие. Ужас перед серыми представителями животного мира вселился в меня с молоком матери, вместе с разрывом пуповины и остался в зияющей кромешно черной бездне ничем не наполненного сознания. В отчем доме в период раннего детства мне доводилось встречаться с юркой тенью, с неуловимым комочком, с неизменным спутником погребя. Сама мысль о близости крысы вносила мою плоть на кровать, поднимала на ноги, ерошила волосы незримыми перстами беспокойства.

Я мысленно бросал в крысу острую палку, понимая всю тщетность мирской суеты. Легкую матерчатую кепку едва не снес порыв морского ветра. Нетрезвые отдыхающие, отринув предостережения прохожих, пробирались к

мелководью по острым камням, сбросив одежду у щита с надписью: «Купание запрещено. Опасно для жизни». Со смехом вспоминалась вчерашняя история в платном туалете. Дойдя до мостика молодоженов, на его перилах новобрачные замыкают замки на счастье, я удивлялся богатству фантазии иных молодых людей. Немного подсмотрев за свадебными фото делами, я повернул в отхожее место, сияющее чистотой и современностью. Сверхосторожность, свойственная людям эмоционально незрелым, заставила меня запереться на все запоры. Они-то, родимые, и подвели.

У меня нет страха в замкнутом пространстве, но духота стояла невыносимая, увеличиваясь и уплотняясь. Поначалу мутно-голубая дымка кабинки забавляла меня, равно как и сама ситуация.

Спокойствие не покидало меня, но замок не поддавался. Нарастающая тревога передалась дежурной женщине с той стороны. Слыша мою тихую возню, она сообразила, что не все в порядке. Вначале она осторожно окликнула меня. Скоро толпами запричитали ее словесные сочувствия, следом, поникнув, полетели возгласы удивления вперемежку с растерянностью. «У нас никогда ничего подобного не случилось...», – монотонно, с небольшими промежутками, повторяла пожилая тетя. Не скажу, что вся жизнь пронеслась у меня перед глазами, но дышалось крайне тяжело. Хозяйка уединения кого-то звала, топала по крыльцу, приближалась к неподвижной дверце. «Православные, спасите...», – не весело шутил я. Руки мои завозились, шипящий ропот сник, свет в глазах померк, и дверное полотно распахнулось. Страх, злости и возбуждения у меня не наблюдалось.

«Анатолий!» – послышалось, будто обратились не ко мне. Кто может знать меня на многолюдной набережной

далекого российского городка? Однако, божья милость дело серьезное. Учитывая мое одиночество, ангелы, разумеется, разузнали о присутствии страдающей души. И голос возвестил начало благодати. Собрат, не менее одинокий, чем я, также обрадовался, хотя я не мог вспомнить его имя. Это не имело никакого значения. Главное, встретились два трезвых алкоголика и между ними Бог. Мы проговорили несколько часов, забрели в церковь, поставили богу по свечке за спасение. Я намучился сомнениями, купив недорогую свечку за десять рублей. Но очень огорчился, увидев, что брат попросил дешевое изделие за три рубля.

Ничто так не укрепляет трезвость, как встреча с новичком общества Анонимных Алкоголиков. Брат не был начинающим мастером трезвого образа жизни, но, по сравнению с моими двенадцатью годами неупотребления, вполне считался таковым. Мы медленно передвигались мимо просителей милостыни. Острое чувство вины вспыхнуло в зыбкой духовности. Брат делился опытом переживания первых дней в новой жизни. «Я полгода просидел возле подъезда на лавочке с соседками. Я не понимал, что делать, куда двигаться, что вообще происходит со мной. Слава Богу, сегодня опять трезвый...», — он перекрестился на православный манер, слегка покосившись на мое католическое моление слева направо. Уровень его смирения явно превосходил мое умеренное согласие. Ему следовало бы подражать, но все знают, что смирению научиться нельзя. Особенно мне, атеисту, в сорок два года милостью божьей вырванному из лап пресловутого заболевания и брошенному в тихую гавань общества Анонимных Алкоголиков.

Я пытался включить его сознание тихими исповедями. Я делился вспышками естественных желаний, пре-

обладающих в абрикосовых зарослях. Я рассказывал, как, возвращаясь после занятий группы, превращенный в действенного человека, я уже без страха и чувства вины собирал абрикосы. Я с недоумением вспоминал, как лихо мои братья группы Анонимных Алкоголиков Таганрога давали мне советы, в отповедь на откровения, полагая, что у меня есть проблемы.

Мы радовались неслышным внутренним счастьем, невидным для непосвященных, осторожно размахивая словесами. И вновь, и снова мы возвращались к старой и вечной теме – к истокам трезвости.

В день отъезда я бросился к дальнему морю с решимостью купить рукотворное кольцо из драгоценного камня, пошептаться с морской прохладцей, да и выполнить ритуал традиционного прощания с прибрежной аурой. Тетя Лариса накрывала стол и ждала меня вместе с дядей Женей. Прислонясь к окошку маршрутного такси, я засверкал пальчиками по стеклу, стуча мелкой дробью.

В переполненный микроавтобус втиснулась пожилая женщина, застыла напротив меня. Мои чувства скрипели, как зыбка, как сухие лапти. Живое чувство вины, вынесенное из путешествия в пассажирском вагоне, бешено лихорадило общее настроение. Кажется, в Бобруйске в купе со свободной верхней полкой вслед за баулами и чемоданами вошел парень со старушкой Молодой человек бесцеремонно попросил: «Вы не могли бы уступить бабушке нижнее место?», – водрузив меня на грань выбора, пригвоздив между нравственностью и самодовольством. Тут вспомнились все духовные наработки и «что такое хорошо, а что такое плохо» Тут взыграла гордость, нежела-

ние идти на поводу у внешних обстоятельств. Тут вмешалось вечное смятение мятущейся славянской души, ищущей нравственный идеал. А все плохое в душе не желало уступать тепленький насест.

Но как бы поступили вы? С одной стороны, с какой стати мне трястись на верхней полке? Пусть бы благодарный внук подумал о предках не задним умом, а загодя. Почему я должен страдать, вагон большой, пожалуйста, обращайтесь к пассажирам, поклонитесь проводнику, доберитесь до бригадира поезда. Я многое мог бы подсказать недалевидному парнишке, но какое это имело значение? Словом, я отказался путешествовать наверху. Едва ли чувство вины, раздирающее меня на части, стоило того, чтобы я отстаивал свою сомнительную точку зрения. А что вы хотите? Я достаточно много настрадался, глядя, как далеко неспортивная преклонных лет особа возвышается надо мной, взгромоздясь на зыбкий стол, с которого на моих глазах в прошлой жизни свалилась в пропасть беспомощности ее соотечественница с чудовищными последствиями и ужасными переломами.

Я прижал колени к груди, боясь обрушения мясистой плоти на меня. Халат снизу широко распахнул крылья, высветлив пуговичные изъяны и расплывшееся тело не первой свежести. Женская масса тучно и неловко пихала себя самое в недосыгаемые выси, медленно переползая в небесное измерение, как бы подтверждая, небо-то для птиц. Не женственная и не сексуальная соседка напротив, не глядя в мой угол, помогала ей как могла. Я же с волнением содрогался, представляя спуск курицы с орлиной вершины поутру, и ни за что не хотел становиться жертвой нелепого падения.

Утром я выказал тете, что нужно заниматься собой, что она все еще молода и привлекательна и, даже кра-

сива. И что, если уже ей довелось дожить до правнуков в пятьдесят восемь лет, то жизнь у нее состоялась на сто десять процентов. Пахло от нее, прямо скажу, не одеколоном «Свежесть». Но чувство вины, но проклятое неистребимое ощущение. Всю оставшуюся дорогу я только и думал о том, что думают мои попутчики, истерзав тем самым душевный покой.

Вот почему в городском транспорте я вскочил со своего сиденья, как ужаленный, к великому удовлетворению пожилой женщины и всей пассажирской братии. У моря я скользнул взором с высоты лестницы, спустился к воде, начертал на песке после отлива любовные слова жене.

Тетя что-то задумчиво ладила на кухне, дядя не заметил моего явления. Ворота прогремели громом, собачка с писком щенка катилась под ноги. Тетя разволнованная, выставляла свои красивые глаза и не знала, насколько они лучезарны. Дядя просил о чем-то невыполнимом, что-то на словах передавал племяннику Василию. Ему было не очень хорошо. Или же он что-то чувствовал? А может быть, сам бог хранил меня весь отпуск в Таганроге от главного вопроса, на который не было ответа. Признаться, я и сам терзался любопытством и страхом, почему же он ничего не спрашивает о своей старшей и последней сестре, о моей маме? Он как бы оставил вопрос внутри себя, похоронив во мне ответ, которого не было и не могло быть никогда.

Такси подхватило нас на развороте и унесло в кутерму вокзальной суеты. Проводы как всегда тянулись медленно. Те же разносчики сушеной рыбы сгрудились в отдаленье, ожидая поезд на Донецк. Я слушал тетю Ларису, вспоминая выражение лица последнего своего дяди по всем родственным линиям и на всем белом свете. Ев-

гений Никитович очень сдал и неизвестно как аукнется ему четыре микро инсульта. Впрочем, вполне известно, ничего хорошего ждать не приходится, разве что уповать на Бога...

Судьба моя славянская

Пятьдесят пятый дом на улице космонавтов встретил старыми добрыми выбоинами на асфальте, неунывающими доминошниками, озорной детворой. Зять Леня появился у лифта вслед за мной, и мы дружно удивлялись, как это нам удалось разминуться. От избытка эмоций я вспоминал недавний, еще свежий в памяти приезд на похороны мамы и конфуз при встрече с новой металлической дверью, хоть танки встречай. Мы успели переговорить о том, о сем, и врата гостеприимно распахнулись.

Я перемещался по двухкомнатной квартире, движимый волнением, кричал: «Подарочную бутылку я привез...» Валя с присущим ей утонченным юмором переадресовала шутку в сторону мужа: «Леня, поставь поллитра в бар...» – шутливо обернулась, заглядывая ему в глаза. В доме стало весело. «Ну, ты и пошутила...» – возмущенно отпарировал удивленный супруг, впрочем, не отвлекаясь от курения на кухне и одновременно кормя горлицу

«Это он птицу приручил, и все время с ней разговаривает, – вводила Валентина меня в курс дела, не отрываясь от швейного дела, – сейчас сезон трусов, летом у мужиков яйца преют...» Было и смешно, и легко, и весело как в отчем доме, и по-домашнему – по-умному оживленно, метафорично, тепло. «Сижу, строчу и слышу, муж с кем-то разговаривает, а в квартире вроде бы посторонних нет. Я бегом на кухню, думаю, с глузду съехал, а он с голубем забавляется, кормит его, поит и по душам беседует...» Птица цвета серого гранита со светлым ободком на шее ноготки обмороженные, хвост длинный, глазки карие. Дикарь семейства голуби – горлица обыкновенная, извест-

ная как бриллиантовая, полосатая (австралийская) и смеющаяся (в диком виде не встречается). Красавица лихо взмахнула опереньем, мягко опустилась на водоотлив за окном, живо склевала зерна гречневой каши. Верная подруга перекуров Лени между тем внимательно следила за малейшим – опасным приближением руки человеческой, мгновенно выставляя и защищаясь крылом

В кухне пахло сигаретным дымом, разогретыми фаршированными перцами, жареной печенью, синенькими и многими другими блюдами, приготовленными в мою честь. Было видно, как с клюва горлицы скатилась бусинка воды, как, покружив, к месту кормления приземлилась вторая особь, прибавив толику поэтичности в нашу метафору восторга. В свежесть вечернего Донбасса Леня выдыхал змеистую струйку никотина. Валентина делилась новостями политическими, семейными и по существу текущего момента. «Торгую и все время оглядываюсь, оборачиваюсь на сахарные цены. Его продают у меня за спиной. Раз осмотрелась, шесть гривен, второй раз подглядела и вдруг – семь гривен. Девки, кричу, пора покупать сахар!»

Над самым окном пронесся птичий клич неизвестного назначения. Похоже, завистники или конкуренты наших пернатых друзей не желали смиряться с таким положением дел своих сородичей, и что-то явно затевали. Естественный отбор совершался безо всякого промежутка. Леня обыденно, почти школярски пугнул птиц, а я в данную минуту почувствовал брэнность бытия, на миг прикоснувшись к вечности.

Валентина Никифоровна периодически перемещалась в наше кухонное пространство, выкладывая в канву разговора ту или иную новость. «Вот зараза, – старшая представительница по роду нашего семейства сердито щелкнула какое-то насекомое, – откуда только берутся,

искоса оглядела сторону мужа, опустила глаза на подстилку, быстро согнулась, поправила складочку, – это я вспомнила, как мы с Галкой недавно общались. Позволила наша красавица и говорит, давай простим друг друга. Давай, отвечаю. Посудачили о разном, в завершение на – ее жалобы – на тяжелую жизнь, на большой дом, на трудности ведения хозяйства, я отрезала: все так живут, ты ж теперь там хозяйка, сама и справляйся, кто же тебе поможет. Бабу (мать) голодом не замори. Надо работать, а не на пенсию матери жить, на что она буркнула, так нам же на двоих. Ну, смотри, завершила я разговор. Через минуту младшая сестрица снова звонит. На что ты наметала, когда сказала, ну, смотри? А я и правда ничего не имела в виду. Так и ответила. Но ты же знаешь ее? Нет, ты что-то имела в виду. Я ей прямым текстом: твой дом, сама и справляйся, и бросила трубку. Вот так мы простили друг друга».

Легкие облака скользили над вершинами каштанов и акаций, и светло-синие просветы вечернего горизонта мерцали в ускользящей лазури, угаснув вслед за темнеющим солнцем. На травах обильно серебрилась влага, предвещающая завтра жаркий день.

Поклон и печальное стояние у могилы мамы прошли без высоких слезных чувств и в умеренной жалости к себе. Крайние приступы грусти сменили осознанные взрослые полутона ощущений, свидетельствующие о безусловном личностном росте. Крайне развитая образная память и мышление порождали чувствительное зрение, способность провидеть, воссоздавать целое из ассоциаций, т. е. видеть мистически нереальные лики, мифические су-

щества, что присуще людям с большим воображением. Я всегда боялся этого полубормочного состояния, по наивности принимая его по началу за божественный дар. То, что блаженный Августин называл одновременно живущим и умирающим, бодрствующим и спящим. Так что я виделся средостением живого и неживого в контурах ясно видимого предмета, т. е. меня самое.

Оживленная автострада, а за нею террикон, густо поросший искусственными насаждениями акации, прямо кадили уже не сероводородной примесью воздуха, но смолисто черной пылью чернозема. Темная кора кроны дерева, скорбно склоненного над могильным холмиком, издавала трудно уловимые вздохи, как бы идущие из-под земли. На месте обдира висли паутинки или нити вечности, безвольно колыхались на слабом ветру. Нужно было преодолеть страх и пройти безлюдное и густо поросшее порослью кладбищенское место, посмотреть в глаза надуманной тревоге, врезаться в заросли сирени. И самое время вспомнить библейские сюжеты и не искушать Господа Бога твоего.

По раскаленному гудрону (тридцать пять градусов в тени), по играющему как пластилин асфальту, мимо грушевого изобилия, так и зазывающего протянуть руку к сочному желто-зеленому плоду, я важно вышагивал тридцатидневный отпуск, впрочем, чувствуя себя превосходно в жаре и скуке августа, в самом центре Донбасса. Впереди меня ожидали абрикосовые обочины. Они делились, осязались, приманивали доступностью и рождали глубинное беспокойство, что я давно уже не молод. Что мне не к лицу в почтенном возрасте выхватывать из грязно пыльного месива под абрикосовой сенью золотые фруктовые перлы с въевшимися в тонкую кожу частицами грунта.

Друг Саша тоже хорош. Я думал пересидеть у него самое пекло и настроился на полуторачасовую беседу ни о чем. Я вжал кнопку в кнопочный обод и давил, и давил, слыша пронзительный зуммер даже здесь у темно красных створок. Теряя терпение, я возбужденно всматривался в щель между верхней перемычкой и калиткой, осознавая, что мне сегодня – от ворот поворот.

Как раз наискосок прогремела железная дверь, ласковая и солнечная тетя Надя Яхно, не отрывая руку от забора, крикнула, сказала, прошептала, в общем, произнесла: «С приездом...», – и принялась рассматривать меня лучезарно и светло. «У-у-у...», – прокатилось по двору собачья отработка. «Иди на место...», – моя собеседница сопроводила домашнее животное в конуру.

Я с чувством неловкости, наприсившись на чай, грыз вкусное сало и слушал историю жизни, ее красноречивый фрагмент, удивляясь феномену памяти, ее способности воссоздавать точные образы давно забытого прошлого. «Сама я из Могилевской области, работала инструктором райкома в западной Белоруссии. «Западники» нас убили бы, такое у них было настроение против нас. Однажды так прижали, что я сбежала домой. Родные мне сказали, не ходи в райком, опять свяжешься с коммунистами. Я и отправилась в Донбасс. На шахте, в ламповой, Ваня, мой будущий муж, мне дорогу перекрыл. Я ему кричу, отстань, а он настырный, не пустим, рыжая. А я ему в ответ, хам! Так он обиделся, еще и хамом обозвала. Иди, повторила я ему, а то аккумулятор в мозги дам. А Ваня все спрашивал, когда ж ты меня отметишь? Заработаешь – получишь! А после, когда мы решили сходить в кино «Пароход идет...», сваты явились, не запылились. Был у меня жених по фамилии Дикий, летчик, так он не забрал меня. Я просила его оставить опасную военную профессию, он же

ни в какую. Я один раз делаю, раз люблю и раз ненавижу. Как мы с Ваней прожили, дай бог каждому: и хорошему, и плохому. Время сейчас какое-то не правильное. Землю раньше обогащали под паром, а сейчас американский подсолнух растет, пчела на него не садится. Донецк, если посмотреть с возвышенности, весь в дыму. Родственница как приехала погостить, так и отметила: «Ваши горобцы, як наши шпаки, черные...». Ох, в добрый час скажи, в лихой смолчи. А дочке так говорил отец, выходи замуж хоть за пионера, хоть за пенсионера, тебе жить. Внук Тарас пошел по военной части, сейчас военные – бомжи. Родители что, детям хорошо и родителям хорошо. Как семь бабок отшептало...»

Я задумчиво смотрел в окно ветер, разбежавшись, встряхивал деревья. Я отрыгивал привкусом сала, не успевая записывать повесть жизни. Ее волосы светились сединой, на лбу дрожали мелкие бисеринки пота. Позвонила дочь Вера, и мы немного поговорили. Тетя Надя, улыбаясь, задумчиво смотрела в неподвижную светлую синь летнего неба.

Расставаясь с тетей Надей, я коротко и резко бросил: «Увидимся...», – и повернул к отчему перекрестку. Именно родимый абрикосовый свет освещал солнечную и гравевую дорогу подслеповатой душе, делая ее подлинно зрячей – ясновидящей. Переулок как свет и поводырь. В следующем – смежном дворе возились хозяева, и я постеснялся приостановиться у обочины, обильно усеянной заветными ягодами с косточками. Родной и уже чужой дом под шифером червонным приосанился, замер в ожидании того, кто любил его больше всех на белом свете.

Взволнованное сердце торопило к шелковице, груше, свешивающим тяжелые ветви, полные любви и гостеприимства. Я быстро собирал желтые плоды и глотал их мякоть, почти не прожевывая.

«Вы не ешьте немые фрукты...», – неожиданно сбоку раздался женский голос. Приятная дама с красивым лицом и хорошими интеллигентными манерами приняла участие в моей судьбе. Я испугался и скоро напомнил себе, что это мой дом, хотя это было не так. Не совсем так, а если быть точным, то благодатный уголок, с заброшенным забором, с неухоженным помещением, юридически считался чужим, так же, как и строение, расположенное напротив. Но мне хотелось ощутить собственное значение, повысить самооценку. Душа моя задыхалась от важности политического момента. Краем глаза я наблюдал за обстановкой во дворе, втайне боясь агрессивной младшей сестры. Ни один посторонний звук не смущал тишину под сенью винограда. Ни единый там листочек не лихорадил покой некогда шумных покоев и суетливого подворья. Тихо-радость в одном смысле и в едином словосочетании напоминала в реальности о течении благодати, исполненной любви.

Бедовая и непутевая Галина Никифоровна, похоже, отлучилась, о чем говорило безмолвие, неподвижность звуков, благостное течение времени. А редкая в этом регионе улицы безмятежность царила опять же по причине отсутствия «королевы» тщеты и суетсловия – моей единокровной сестрицы. Поэтому на стыке улицы и переулка суетилась Наташа, рубая штыковой лопатой корни какого-то полезного растения для Тамары Ивановны.

Мимо плелся не трезвый Вова из параллельного класса, до поры до времени приятель по детству, почему-то герой надуманных сплетней и насмешек. Вова, помнится,

в далеком 1970 году выиграл по лотерейному билету автомобиль «Москвич». Вообразите нищенское советское время, классную руководительницу, раздающую по разряду лотереи по тридцать копеек. Отказаться было невозможно, каждому надлежало купить билет в обязательном порядке. Никаких лазеек, никаких обходных путей не существовало, государственные вопросы решались на идеологической основе. Вскоре по школе разнесся слух о сказочном выигрыше, выпавшем на долю двоечника, последнего парня на «деревне». Что поделаешь, имидж Жиленковых находился невысоко.

Сейчас Володя явно с большими ногами от постоянных злоупотреблений спиртным, не совсем свежий, прямотаки с очень неопрятным лицом, необыкновенно добрый и неагрессивный, как все великие алкоголики, ласково обращался к соседке «Наташенька». Сама земная доброта струилась в голосе, в интонации, само небесное бесилие перед жизнью личности, прошедшей искушения и смирившейся перед ложным духом. Володька плакался на козни сестры, он грозился пешком отправиться в районный отдел милиции, и все там рассказать, чтобы восстановить справедливость. И если бы у него не болели ноги, он уже давно сходил бы туда. Он ссылался на фантастическую занятость неизвестно чем, перечисляя причины и препятствия, которые никого не интересовали.

Я замер от страха, что Вова меня узнает и примется пытаться насчет «одолжи пару рублей на хлеб...». К дому на противоположной стороне подъехал великомученик высоких начальственных должностей Петр Владимирович. Служебная «Волга» слегка напылила, отвлекла честной народ от спора насущного и спасла меня от общения с больным человеком. Мы с Тамарой Ивановной мягко отпочковались и, косясь на утихающий люд, двинулись по

накатанной стезе поселка. Я щупал в пакете очертание книги стихов и томик прозы, все еще сомневаясь, дарить свои сочинения доброй женщине или нет. Еще я опасался, что из огорода выглянет сестрица. Я втянул голову пониже и со страхом скашивал глаза влево, охватывая пространство от грушевого дерева до персика. Успокоительная тишина да всхлипы развешивающихся старых маминых пододеяльников доносились сквозь пролеты забора, склоненного ветхостью, возрастом, запустеньем. Мамино постельное белье сестра не снимала второй месяц после смерти мамы по суеверным страхам, да и за ненужностью. Да и ширма удобная от любопытных глаз, а к осени можно, не жалея, выбросить.

Несмотря на большую разницу в возрасте, я общался с Тamarой Ивановной и чувствовал себя превосходно. Мы присели на скамеечку. Бесхозная сень яблони белого налива щедрой ветвью протягивала мне сладкий плод. Как известно, дерево не отнимает своей тени даже у того, кто пришел его срубить. Мне не терпелось произвести общее благоприятное впечатление на образованную умную женщину своим причастием к писательскому ремеслу. Мы делились проблемами личного характера и конфликтами местного масштаба, пожалуй, полностью доверяя, друг другу. Я с удовольствием вдавался в подробности некоторых поселковых течений, с любопытством разглядывал людей. Пожилая женщина пронизывала наши просторы с завидной легкостью и упорством. Она легко справлялась с интеллигентной Тamarой Ивановной в локальных войнах, отвечая на претензии: «Ты ж знаешь, шо я долдунья, мени треба, так я пид двир пидилью...» И бесстрастно и

честно смотрела на следы от помоев, демонстрируя вечное пролетарское превосходство беспардонности перед поэзией.

Я расспрашивал старожилы о местных нравах, пустых участках, об отдельных личностях, больше и больше узнавая об их судьбах, о перипетиях судеб тех или иных приятелей детства, туманных знакомцев, далеких прохожих. Ивановых уже нет. Стрелковых нет и дом кем-то куплен. Дети у всех выросли, внуки у моих ровесников давно взрослые, не знаешь, кто есть кто. Много интересного я услышал о жизни дяди Вани и тети Поли, маминой подруги, землячки из Могилевской области. Их сын, брат Тамары и мой кумир футбольной уличной молодости Володя осел где-то в Алтайском крае в России. И нет от него ни слуху, ни духу.

Я познакомился с некоторыми тайнами народной мудрости, суетясь, записывал необыкновенные наблюдения и выкладки моей собеседницы. Моя мысль о подарочном издании собственных творений созрела и гулко упала под ноги. Я в который раз упирался перстами в пакет, да что-то меня сдерживало. Верно, я подсознательно помнил высокую себестоимость каждого отдельного экземпляра уникального издания. Я горстью просеивал все за и против, мякина сыпалась точно на новые белые брюки, слепила глаза, щекотала горло и ноздри. Толкнув ногой насекомое, я отодвинул жучка из поля зрения, и начал разворачивать заветный сверток.

Что ни говори, приятно, когда тебе щекочут честолюбие, когда получаешь полное удовлетворение, стараясь произвести впечатление на отдельную личность и делаешь это. Я перестал ходить туда-сюда, присел на низкую лавку, важно и многозначительно произнес «Ладно...», и поставил Тамару Ивановну перед фактом. Кому не нра-

вится эффект разорвавшейся бомбы, перестройка устоявшегося общественного сознания, встряска идеологии, колебание веры, подмена ценностей, так сказать, в локальном смысле. Помимо собственного авторитета, я укреплял еще и понимание – кто есть кто. А томик стихов пока придержал для прочности и общей убедительности, рассчитывая совместить авторитет человеческий и авторитет высший.

У соседки сузились глаза, затем они расширились, ее представление обо мне, ее диалектическое мастерство и риторический пыл на миг направились на проблемы, заведомо выходящие из компетенции разума. Все основание знаний обо мне подлежало мгновенному пересмотру как гостю с пира поэтов и мыслителей. Удовлетворение мое оказалось таким полным, что я в довершение, перед тем как хлопнуть дверью, еще медленнее решился материализовать стихотворный томик. Мы оба стали моложе, светлее, мы оба хорошо представляли, что такое совершенный образ поэтических творений в таком великолепном издании. Я не собирался прощаться, но насмешливо прикусил губы и мысленно хлестал лошадь нетерпения, тыча ее шпорами.

Тамара Ивановна бросилась во двор, через минуту она в знак благодарности за подарок, образованный человек понимает, что такое писатель, принесла восхитительную шоколадку. Я подумал, сэкономлю на презенте для двоюродной внучки, впрочем, едва удержался, чтобы не съесть ароматное изделие Донецкой шоколадной фабрики.

Стояла обычная августовская жара. В воздухе немного пахло кухонной стряпней, чем-то жареным, вроде свинины и сухим сеном. В смежном дворе скрипела несмазанная телега, брэнчало что-то металлическое, часто опускаясь на железо. Гуськом к перекрестку протянулись

под гору несколько юных велосипедистов, едва напылившись на безлюдной улице. На бугорке, на земле от вырытой ямы, как можно плотней уселись вороны и жадно клевали невидимую добычу. У двора наискосок валялись грабли, вилы, остатки дров, прочая рухлядь. Мы тепло попрощались, условились встретиться в один из дней. И я решительно пошагал к родному порогу.

Отчий дом. Дорогой, любимый, по воле неба отписанный мамой младшей сестре. Хриплый, усталый, но еще крепкий старик в пурпурном головном уборе, с ореховым плюмажем, с большими кривыми коленями фундамента. Одним словом, участок, ожидающий крепкой державной руки и мудрости.

Верхний потайной гвоздик, известный узкому кругу близких людей, вытаскился легко и свободно. Вся хозяйская утварь, которая раньше загромождала дворцовые углы, явно запрятана вовнутрь неказистого угольного сарайчика, затаилась в стенах осиротелой кухни. Внушительным станом согнулись в поклоне желтеющие малиновые прутья. Малинник притыкался в новой ограде, мягко заворачивая вдоль старой части ограждения. Несколько рядов хаотично расположенных фруктовых деревьев разрослись, разбрасывая пышные листовые зеленя, еще в детстве исследованные ветви.

Где-то в том дальнем углу мама закопала папину руку. Вскоре после трагедии, случившейся в шахте, маме принесли тряпичный сверток. Развернув ветошь, несчастная женщина нашла там окровавленную рабочую рукавицу с изуродованной кистью. Едва не упав в обморок, Вера Никитична взяла себя в руки, медленно удалилась вглубь

садового участка. В самом углу огорода, под стволом дикой абрикосы, покоится десница, сотворившая на поселке не одно плотницкое чудо.

Еще одно чудо в виде небольшой собачки дворовой породы твякнуло из будки, посеменило в глубь двора. Я потопал ногами по разбитому асфальту, давая знать о себе. Сестрица наверняка торговала на базаре фруктами или крепко уснула. Меня не покидало ощущение, что я забрался в чужое поместье. Я весело поднял голову, улавливая недоделки в хозяйстве, и почувствовал себя хозяином.

Глубоко в душе пряталась кровная обида. Нет, не на маму, не на то, что дом по дарственной переписан на Галю. Я досадовал на то, что в этой жизни мне так и не привелось постоять у калитки, как по вечерам это делают владельцы участков, солидно покивать друзьям и знакомым, важно пройти туда и обратно, подбирая ненужный хлам. Я отыскивал в крыжовнике редкие ягоды, тыкал пальцами в паутину на смородине. Сотрясая осыпанные плодами ветви шелковицы, я отмечал налипающий чернозем, перемешанный с ягодами и листьями, зная, что его не счистить с подошв.

Помня о том, что я в гостях, что сестрица непредсказуема, я собирал груши, набивая ими пакет. Явлюсь к Вале не с пустыми руками, да и покупать не нужно. Под яблоней, на удивление, не лежало ни одного яблока, что подтверждало трудное материальное положение не работающей Гали. Другого источника дохода у нее не предвиделось. Всегда пропадающая в прошлые годы ягода сейчас была чисто выбрана, аккуратно собрана, упакована в банки и преподнесена покупателю.

Небо наморщилось неизвестно откуда взявшимися облаками. Сквозь облачный прищур все равно виделось

солнечное око. Ветер чуть-чуть усиливался, как бы под-сказывая, что Галина возвращается. Общение сестрицей разумно перенести на завтра. Беседа с агрессивным человеком всегда не во благо.

С участка соседей лилась веселая музыка, ухабистые куплеты грязнили чистые помыслы. По сухому грунту лениво ползли жуки. Я обмыл руки теплой водой, нагретой в длинном садовом поливочном шланге. Пели неведомые птицы, слышался стук дятла. У остатков вчерашнего костра дремала старая свитка. Сидя на удобной домашней лавочке, пропитанной отрицательной энергией нетрезвости, я согнул над головой кольцом руки, замурлыкал носом нехитрую мелодию. На голову мне сыпалась первая весть раннего листопада.

Сейчас, именно в эту минуту я понял, что больше не смогу общаться с Галиной так, как делал это раньше. Мой личностный рост и ее прогрессирующий алкоголизм развели нас в разные стороны, возведя неодолимую пропасть непонимания. Виноградный листик возник из воображения и ускользнул в траву. Дышалось хорошо, думалось свежо, мыслилось свободно. Я встрепенулся, быстро вскочил, потянулся. Во рту чувствовалась оскомины каждого зуба. Желудок, пресыщенный фруктами, тяготился без движения.

Я еще раз отогнал от ноги бедного и больного песика. Его шерсть на боках яростно грыз собачий лишай. Нездоровые наросты на скулах и накипь под глазами говорили о каком-то заболевании. Что-то звякнуло, я испугался, предполагая явление Галины. Перебирая доски на заборе, как в детстве, я двинулся на выход. Боковины моих тифель будто вымазались в деготь, на окомое налип слет земли и шелковицы. Следовало выйти незамеченным и нарочно повернуть в сторону от остановки. Потайной

гвоздик поверху калитки, словно не отпуская меня, долго не находил под пальцами отверстие.

На второй день шаг мой у родных берегов не расслабился. Черт знает, что получалось, если сестрица меня заметит, сделаю вид, что спешу к ней, не обратит внимания на мое хождение во мраке, навещу, Тамару Ивановну. Двигаться у стен родимых в полной немоте, с известной долей страха, дело неблагодарное. Точно – в Галину вселился дух покойного отца, в противном случае, зачем мне бояться ее, зачем рядиться в бессловесность? Но как же тогда самовыявление вида?

Короче, я существовал, как бы сообразуясь с неизреченным бытием, выбрав самый длинный из всех неудобных сообщений путь. Через колею, мимо местной свалки, наблюдая медленное угасание рассудочной активности. Вдоль дома своего позора – в шестнадцать лет я расколотил окно бедным поселянам. Поминая бездействие мысли, точно я не есть тело, образ, лик, сотрясая толщу неподалеку от могилы иных предков, я растягивал время, лишь бы позже увидеться с сестрой. Я вспомнил о собственном достоинстве, одновременно, как бы не пребывая в пространстве. Незримо и неосязуемо я шелестел по окраине, наблюдая искоса за сестрицей, срывающей плоды с какого-то дерева.

У крыши Тамары Ивановны ярким гужом летали птицы, тянулись светлые облака, где-то весело пели и хохотали девицы. Я возник на пороге дома в период текущего и, конечно же, бесконечного ремонта. Именно здесь, чуть-чуть левой, у кухни, меня укусил вечный пес тети Поли Шарик. По-моему, он жил у соседей сто лет. Белоснеж-

ный комок занимал лидирующее положение в собачьей табели о рангах поселка. Тогда я, еще малыш, попавшись на собачью уловку, помчался у стены в крыльцо. Укус оказался легким уколом, испуг плавно перекатился в ужас, разливаясь несимпатичным ревом

И Шарика мы помянули за чаем, и те далекие времена, запечатленные в каждом из нас совершенно непохожим образом. «И здесь дыра, и здесь, – показывала хозяйка временные неудобства, – еханий бабай, им бы Сталина, сволочам, – звучало гласом народным. Никто не возразил, ни кобзарь, ни косарь, угрожая кому-то косой. Вера народная тихо падала, коса вжикала, звон ее несся по свободной, да и не свободной республике. – Я это дело полюбляю, красиво играла словами образованная женщина, предлагая свежий сочок грушевый, а я тут ишаком работаю».

У Тамары Ивановны я узнал, для жизни есть несчастные – гиблые места. Что, если дом построен на обгоревшем месте, жди беды. Нет удачи и тому, кто воздвигает остов будущего жилья на бывшей свалке. Узнал я и о горе горьком и о счастье сладком, но коротком. Где пуп зарыт, там и нужно приспособливаться, где родился, там и пригодился. Все мои вещи – хомут да клещи. Сыпала и сыпала Тамара Ивановна перлы. Загадочная женщина, оказывается, та, что прожила с двумя гадами.

Я чувствовал, что пора и честь знать, но чувства меры у меня никогда не наблюдалось: Соком напоили, грушами свежими накормили, медом потчевали, чаем с печеньем угостили. Душа моя, не возмущаема, не тревожима, не волнуема, вдруг начала возмущаться, тревожиться и волноваться. Мы расстались, но условились о встрече. По течению улицы медленно двигались insultники и сердечники. Невдалеке молодые люди устроили поцелуйчики на

лавочке. Их запотелые спины облипали мокрые майки, обтяжно выделяли плечи и позвоночники.

И вновь шаги мои у берега родного, даже при виде слюнявых шелковиц, притягательно зовущих мои руки, не отдавали эхом свободы. Едва ли я подумал о невыносимой жаре, проникающей не только в поры, но и в душу и даже в духовность, т.е. в чувство страха, любви, справедливости. Я словно витал неким аморфным веществом со всеми присущими ему состояниями. Ни ум, не представление, ни мнение, ни разумение, ни мысль не поколебали нечто, бредущее в пыли, занятое лишь одним – сторонним наблюдением за дивом, себе подобным.

Диво жило неизреченно, не мыслимо – ни число, ни устройство, ни величина, ни равенство чему-нибудь. На фоне маминых – светлых пододеяльников, играющих на ветру, Галина находилась в двух состояниях одновременно. До нее невозможно было коснуться мыслью, ее не следовало утверждать или отрицать. Я терпел ее за муки действующего алкоголика, которые есть единственные переживания человека, максимально приближенные к страдающим грешникам преисподней. В противоречивости ситуации – я осторожно оглянулся, я бы сказал, полу обернулся, кроликом двинулся к неказистому, поросшему травой заборчику. Чисто механически я протянул десницу к черной шелковичной яголке, хоронившейся от чужаков в гуще листвы, осторожно оторвал от дерева жизни и стал ополаскивать рот. Галя пристально смотрела в меня из-за сливы. Я сделал радостное лицо, приветливо взмахнул рукой, прислонил к губам ладонь, послал сестре воздушный поцелуй. Галя бросилась отпирать мне калитку.

«На могилке был?», – первое, что спросила сестра, после того, как мы обнялись по-родственному, впрочем, делая сразу много дел. Она выплеснула устоявшуюся воду вместе с букашками, прикурила, налила рюмку водки. Ее присутствие рядом тяготило. Суший ад – задымленная комната, водка, разглядывание обуви и желание уйти. Галя иногда касалась главной боли – мамы. «Бедная мамочка, что ж ты мне снишься...» – наливала новую порцию пьянящего напитка, распечатывала новую пачку сигарет, не спрашивая меня, разогревала для меня украинский борщ.

А мне-то и спросить не о чем, мне и диалог не по сердцу, и дышать нечем. Такое состояние я не ощущал со времен эпохи правления в стенах самого отца. Мир и история движутся в основном действием свободной воли Творца, но и человека – в известных пределах, конечно. Летописание данной обители ориентировалось на абсолютную власть родителя. Чувство не свободы, вечное беспокойства по причине страха перед кем-то, превращали обстановку в родных пенатах в эдакую высоковольтную комнату, бьющую током, треплющую нервы. Дух отца, частично переселенный в младшую чадушку рода нашего, витийствовал и глаголил, отбросив любые другие мнения, точки зрения и жалкие потуги выказать оные. «Давай, давай, поешь горяченького борщика, – наставляла хозяйка, не думая спрашивать мое согласие, – я тебе сказала, садись и ешь, а я сейчас плов разогрею».

«Садись и ешь» у сестры звучало по-особому, жалкие диктаторские тона блекли рядом с ее амбициями. Как бы там ни было, огни задымили, чайник засвистел, в воздухе запахло жареным. «Братик, давай вместе сходим на

могилку к мамке...», – заплясали эмоции, закужили нездоровое воображение, выдавив слезливое настроение. Налила еще одну рюмку водки. Я отнекивался, как только мог. Я невразумительно врал, ссылаясь за занятость, хрустя сладким домашним луком, заедая украинским борщом. Еда размягчила мою черствость, я начал хвалить вкусное блюдо.

Сестренка бегала туда и сюда по узкому залу, пуская клубы дыма. Я от раздражения бросил ложку на стол, подбежал к старику окну. Неудали, размахивая фуражкой, плелся мальчуган. Жизнь улицы удивительно целесообразна. Траектория движения внутренней истории дома, моего родного угла, самой Галины Никифоровны оптимистически определена, в основном – водкой. От жизни к смерти и, наоборот, от бедственного бытия – к бытию радостному. Отставший друг того мальчика распевал знакомую мелодию. К моему приезду в саду разрослись деревья, а женщины, шагающие домой из магазина с полными сумками продуктов, практически не проглядывались сквозь лиственную гущину.

Внутренняя интеллигентность, присущая взрослому ребенку и только ему данная небесами, цепко держала мое кроткое внимание в державных тенетах царствующей особы живописной улицы. Вот из каких глав складывался имидж Гали. Против нее настроились все, я лично с людьми побеседовал. Каждый из моих земляков имел устойчивое отрицательное мнение об отпрыске нашего рода. Люди тактичные отмалчивались, выдерживали паузу, если речь заходила о Галине. Эмоциональные приятели, переходя на шепот, выражались не двусмысленно, а те, кому сестрица изрядно насолила, выдавали по полной программе. Едва ли не на десять последующих столетий быть Никифоровне притчей во языцех.

Проклятие вообще штука прилипчивая, как и обреченность. Галина подседа поближе ко мне и продолжала выплескивать внутренний плач, крепко перченный агрессией. Я так устал от ее навязчивых попыток подлить мне еще два-три черпачка ароматного первого блюда, что принял решение бежать, придумав физиологическую потребность. Галина, продолжала носиться взад-вперед, уговаривала меня пробежаться по поселку к магазину за сигаретами, но я подумал – за водкой. Я встрепенулся, я почуял, что плохо мне в такой обстановке, мне, адепту трезвого алкоголизма, королю рифмы, существу сугубо духовному, и я сказал, что иду в туалет. Галя несла мне прямо под нос яблоки и груши, совала в руки тазик: «Иди, собери абрикос...»

Узнав, что я вчера хозяйничал в ее отсутствие на участке, сестра заметно осунулась, потемнела от злости на мое своеволие, но сдержанно ответила? «Так это ты был?» Разумеется, она отметила следы моего пребывания, я ведь собрал практически все груши и яблоки. Злость поглотила все ее мысли, но в переулочок мы вышли вдвоем. В лицо пахло добрым запахом родины. Солнечное небо слепило глаза, пеленая дремой. К магазину дорога направо. Я буркнул, что загляну завтра, и повернул влево.

Гора свалилась с моих плеч, камней за пазухою не осталось, я почувствовал, что разрываю отношения с младшенькой сестрицей нашей фамилии. По мере движения по переулочкам ее действие ослабевало, а голос, шумливый и истеричный, вскоре затих. Я, словно парил над гаревым покрытием местного чернозема, засыпанного, пропитанного остатками перегоревшего угля, про

себя называя-перечисляя дефекты соседских хозяйств, оторванные доски, перекошенные ворота, покосившиеся крыши. В угоду греху осуждения длилось мое беглое и скользкое движение по предметам, а душа выбирала кого-нибудь на завтра в качестве жертвы – для собеседования. Движение моей суверенной воли, заключенное в границы материальной ограниченности, умозрительно встраивалось в данную систему поселкового порядка. Любая на вид случайность, скажем, копающаяся у изгороди Наталья, оправдана и назначена быть. И мое оценивающее приветствие с точки зрения сексуальности, и ее притягательное на выдохе вымолвленное: «Тяжело без мужика...», – точно я подошел сзади и ухватил ее руками за обе груди.

Не унимаясь от смеха, мы продолжили никчемную беседу, но у каждого в глазах читалась твердая позиция. Она выглядела, что называется, одной ногой в гробу стоишь, а второй в сметану тычешь. Но молоток у ограды держала криво и неумело, привлекая свободные мужские руки. Из моего кармана выпала мелкая купюра украинской денежной единицы. Я не очень-то слушал ту, которую мне прочили в жены в далеком юном возрасте. Я представил рядом с собой как спутницу жизни эту примечательную когда-то женщину и вспомнил фильм «Москва слезам не верит». Там молодежавый и бодрый генерал с блеклой и невыразительной супругой пребывал в химчистке, а героиня отвечала на вопрос сотрудницы: «Замуж-то они за генералов выходят, когда те еще лейтенанты...» Так вот я чуть-чуть не угодил в лейтенантском чине в это болото. На миг представив себя, генерала, с такой половиной, я еще раз содрогнулся, принял решение сегодня не заглядывать к приятелю Игорю. Мелкая денежная единица, гонимая легким летним ветерком, прокатилась между нами.

Моя простуда, усугубленная во время купания на море, громким кашлем разлеталась по окрестностям. Некто напугал меня явлением – я тайно рвал сливы с дерева – выбрался на середину дороги, отметил мое не здоровье. С беканьем проходили чьи-то козы, с меканьем тащились тяжелые коровы, на перекрестке дымился еще свежий костерок. Валерка, одноклассник, в огороде не наблюдался. Молодой муж, напугавший меня неожиданным возникновением, иронически прикидывая мои сто одежек в летние плюс двадцать восемь, спросил: «Не жарко?», – то ли сочувствуя, то ли поддевая. Он предложил мне по умеренной цене свиной жир, добавив: «Наверное, шахтер?» Я соврал, ответив утвердительно, испытал неприятные ощущения нечестности. Крадучись, я отодвигался от мужчины, как всегда, ожидая нападения. Житель тихого переуллка просто стоял и навинчивал гайку на какое-то приспособление. Опять ничего не произошло, мерка внешнего события подвела, внутренняя мера собственной воли оказалось не объективной, а человек, как эталон миропорядка, остался человеком. О такой личности я как раз и говорю.

Виктор, друг школы, прекрасный футболист, занялся на горизонте, воскликнул, принялся объяснять свою небритую физиономию. Перетряхивая обильные события, жизнь, промелькнувшую как один день, мы настроились на философскую волну, скажем, пока в самом общем виде грустили о быстротекущем времени. У старого запущенного футбольного поля, у входа в добрый магазин моего первого воровства, у навеса над столиком для выпивки по-домашнему. Мы перемалывали все, что приходило на ум и не могли наговориться. Убогая территория автобазы уже некрасиво прилегала к дороге, ветшая и разрушающаяся независимо от нашей словесной мишуры. Пусто и тем-

но гляделось ее чудовище, потому что существовало без Бога. Развитие иного свойства предстояло родному краю, застывшему на краю пропасти. Аллегорические приемы политического и экономического обмана не годились.

Народ, распивающий утреннюю водку, вызвался громко верещать. Сквозь дырки в покосившейся бетонной ограде, поросшей бурьяном, смотрели собачьи мордочки, точно чудища из произведения Николая Васильевича Гоголя. Впрочем, здесь не находилось места сплетням, здесь речь не шла о чувственной усладе слуха. Да и разговор сейчас не о том. Витя провел рукой по небритым щекам, как бы оправдываясь. В нос ударило грязным запахом плохой водки. Я как обычно бросил дежурную фразу «Увидимся...», и мы расстались, надеясь увидеться через год. Почему-то душа моя не лежала к долгому общению с Виктором. Я подумал: «Надо бы в следующем году нагряться к нему в гости. Кстати, и в магазин следовало бы заглянуть к директору, попросить прощения за воровство пива, происшедшее ровно сорок пять лет назад. Заодно произвести впечатление на директора торговой точки». Мысль меня вдохновила и привела в восторг, дорога мягко покатила под ноги.

Племянник Саша умер от сердечной недостаточности. Уже достаточно давно, хотя это относительно. Время бежит быстрее спринтера. Слухи и предположения утихли и забылись. Поучающая и поучительная мудрость намекала на нечто большее, нежели туманная память о детях племянника. Словно слова-знаки, вырванные из текста нашей родословной, они замерцали именами в истории рода. С малой свободой вымысла я сказал то, что знал.

Наша сторона придерживалась одной точки зрения, сваты думали по-своему. Правде надлежало занять достойное место.

Любое озвучивание святыня святынь взаимоотношений третьим лицом, призванное указать на смысл, не более чем рассказ о телесном страдании. Я решил не перекладывать, не учить, не морализировать.

Безнадежное дело, проигрышный вариант и т.д. Я бросился к маршрутному такси с намерением найти ту семью, познакомиться с девочками, посмотреть в глаза подозреваемым. Интуиция подсказывала то же. Я потоптался у подъезда, пообщался с жильцами. Повернув голову, я узнал в стоящем мужчине, Сашиного тестя. Мысли мои бросились врассыпную, его имя я не помнил.

Честный и чистый, как все шахтеры, поигравшие в рулетку со смертью, он слушал мои вопросы и не узнавал меня. Он просто был и не более того. Он выглядел слабой плотью, тем, чем он сейчас предстал. Ряды его извилин зашевелились, его сознание проявилось, как только он разобрался, в чем суть вопроса, обронив: «Иди, там открыто...».

Для себя я решил, они не виноваты. Они явно не способны на убийство с помощью подсыпания чего-нибудь, крамольные мысли рассеялись. Мать невестки, исхитрившись уйти от страстей, все же вызывала подозрение, но косвенно. Жена Саши заговорила приветливо со мной, точно мы вчера расстались. Поскольку я по сути своей всегда жаждал маленькой славы, туманного признания, эфемерных аплодисментов, Татьяна вполне устраивала мое честолюбие. Со мной нянчились как с маленьким ребенком. Сам дом напоминал полную чашу, перегляндрованная кухня вмещала всех желающих. Сашин тестя прозрачно маячил в длинной полутемной прихожей, не

находя себе места. При виде его крайне лица, на котором едва брезжили тусклые жизненные огни, в душе возникали тревожные ощущения и страшные ассоциации. Он как бы присутствовал в образе бесплотной тени, силуэтом, надзирающим за благополучием рода, бесшумно шествуя вдаль.

Он смотрелся истинным аксакалом, не произносящим всуе ни единого слова. В его присутствии чувствовалась и родовая сила духа, и стержень, и остов мира. Сватья тускнела достойным его придатком, блистающим спутником, надежным попутчиком. Еще более молчалива, она вслушивалась в то, что, непрерывно снуя, выкладывала мне Татьяна. Она, не оглядываясь, что-то жарила, что-то парила, переворачивая кастрюли, двигая сковороды. Внук капризничал, сидя на диване, видно, облаканный как главный наследник престола.

Таня позвонила дочкам и бросилась помогать матери. Через минуту в пространство по очереди впорхнули сначала старшая, очень похожая на Сашу, а следом и младшенькая (имена я все время путал) – точнейшая копия незабвенного папы. Получился праздник, формальная организация которого затемняла главный смысл их осторожного взглядывания и взвешивания меня, и моего трудно объяснимого и неожиданного визита, именуемого в народе «как снег на голову». В открытое окно первого этажа свободно врывалась словесная шелуха разговоров, колоритных браней и текущей житейской тщеты.

Сашино блестящее отражение в девичьем образе свободно протянуло мне руку, легко перебежало в соседнюю комнату. Дивное существо перетекло обратно, присев на стул, принялось наливать в тарелку украинский борщ, раздражая вкусовые рецепторы и щекоча обоняние. Я понял, что пока я совершал трудные шаги, которые требо-

вали мучительной перестройки всей внутренней жизни, я окончательно забыл облик любимого племянника. Мне думалось, что я помнил его другим, но не таким.

Я не показал, что поражен внешним сходством дочери и отца, но исподволь наблюдал, как сверкали ее черные глаза, как выглядела ее изящная фигура. Как, разгораясь, запылывал огонь внутренней силы, пока не видный ей самой, силы неукротимого духа и духовной мощи. А я тайком осматривал ее в профиль, механически соглашаясь с предложением Тани отведать первое блюдо. Я ловко подхватил ложкой свекольную гущину и понес ко рту. И вдруг содрогнулся от мысли, что временные измерения на миг сместились, перемешав в борще прошлое, настоящее и будущее. Я снова узнал Сашу. А главное я понял, семья его жены – не убийцы, они ни в чем не виноваты.

Улица вела меня к главной магистрали. Пьяный мужчина потрясающе шатался, отрицая законы равновесия. Я не решился обогнать его придуманную агрессию. Я раздвоился, теряя самое себя. Улица пыльно обдавала гостеприимством с головы. Всего этого я не замечал, голова моя перемалывала свежие диалоги, сомневаясь, передавать некоторые подробности сестре Вале о ней же или умолчать. Сердце мое забилось сильнее, когда неожиданно внучка Валентины высказалась о ней плохо, как бы отбиваясь от упоминания о бабушке. Противоречия сжимали мне сердце и раздирали его жалостью. Голова шла кругом и медленно останавливалась, словно взбешенная пеной внутреннего огня эмоций.

В общем-то, думал я вслух, семья как семья. Саша точно донял всех употреблением наркотиков, пьяным по-

ведением, и невозможностью строить с ним семейные отношения. Как отец, я хорошо понимал старого шахтера. Любой родитель отдаст полцарства за счастье дочери. Я медленно топал по земле и разглядывал переулки, грязного пацана, кусающего тонкие усики на веточке акации, поражался обилию пьяных. Люди спивались, а рядом стрекотали кузнечики, трещали птицы, сновали красивые девушки. Солнце кропило их горячими точками, светлило лучами, делая еще привлекательней.

Татьяна, продолжал размышлять я, нормальная супруга для семейной жизни. Но Саша поэтически шествовал по земле, по его лицу всегда прыгали ангельские лучики. От его присутствия окружающие люди слепли, а он выглядел ненормальным мужем, как чудак, бегущий из переулка и подгоняющий хворостиной коня. Дальнейшая история улыбалась, подразумевая совсем другую судьбу. Чудесный подросток помчался по жизни наперерез общему движению, пыля и смущая прохожих.

Обстоятельства семьи племянника долго смущали меня. Это ведь не пять минут пребывания в гостях, это человеческая жизнь, сразу и вдруг, с женой, с детьми, со всем нажитым скарбом. Сноровка кочевника, привнесенная извне, склонность к бродяжничеству, присущая зависимой личности, довершили формирование. Его душе снились стога, на них с криком садились галки. Его челн плыл по таинственному озеру, покрытому легкой рябью, мальчик искал новые земли и невиданные краски.

Я думаю, он всегда выглядывал праздник, столь нужный незрелой личности. Равно как и этот мальчуган, бредущий в лозу со свистом, разыскивая то, что не могли дать родители – здоровое осознание того, что происходит. Цветные стекляшки на экране калейдоскопа влекли его так же, как и меня, делаясь фетишем. Племянник покорял

племена веществ, изменяющих сознание, не учтя одного, что ему придется жить с ними всю жизнь. Мальчик, пленивший иллюзию, стал ее пленником.

Дикие голуби, кем-то потревоженные, шумно взлетели из пыльных кустов, упали за дома. Чудаковатый паренек громко кричал на бурьян и рубил чьи-то головы. Он нукал на свою палку, толкал тонкие деревья, яростно бросался на врага. Отряхивая с лица паутину, он поминутно ловил падающую фуражку, ярко сверкал безумными глазами. Я вспомнил раннее детство Саши, огненное личико, раздробленную палку, секущую траву. Губы мои подернулись сухостью, а левая щека задергалась как не своя. Тому способствовали глубинные последствия в мышлении, переживания души, настроенной не на тот лад. Некому было обратить Сашу в истинную веру, а его языческие культы выглядели немощными. Ему ни за что не удержаться внутри себя, а это уже катастрофа.

Я порадовался собственной целеустремленности и обретенному качеству все доводить до завершения – камень с души, гора с плеч, полное чувство удовлетворения. Отсутствие такого чувства разрушает личность, но зависимого человека в особенности. «Молодец!», – крикнул я сам себе, точно превратившись в того эмоционального мальчугана, испугав пожилую женщину сбоку. Наверное, я не крикнул, а взорвался, ибо эмоции, копившиеся годами, выбросились очень бурно. При всем этом, я успел вытащить заткнутую палку, едва не подставившую мне подножку. И озорно подумал, может, поскакать, точно как тот паренек, махнув на все условности.

Золотистой шалью лежали недвижимые облака и тихо – медленно таяли, чуть-чуть продвигаясь к горизонту. Чей-то напевающий приятный голосок говорил о печали и грусти, о любви и ненависти. С горки накатывали

автомшины, на бежевом микроавтобусе высвечивался номер моего такси.

Что же влекло меня в неухоженный, страдающий запустением поселок около шахты, каких в донецком угольном бассейне много? Что такого в двух старых терриконах, густо засаженных акациями, в старом шахтном оборудовании, в мрачном колесе копра, торчащем на приличной высоте, вроде пародии на колесо обозрения? Что за поэзия в угольно-пыльной смеси, налипающей слоями на подошвы напротив распределительного бункера? То, что переливалось из пустого меха поселкового бытия в порожнее горло умершей идеологии, вовсе не казалось живым. Другое образовательное оснащение еще не придумали. Иные термины, иные манеры, иные тропы занялись в умирающем естестве, уводя меня от могилы мамы в обход искусственного породного холма через страшные кусты.

Молодые ребята выкатились с низины, неся бредень в сторону ставка. Самый маленький из них, спотыкаясь, тащил ведро, наполненное рыбачьей утварью. Эмалированная посуда часто цеплялась за камни, глухо звеня. Юный рыбак напоминал меня в детстве, держа в левой руке надкусанную краюху черного хлеба. На скошенной луговине, у небольшой высыхающей лужицы, топали гуси. В свое время мы гурьбой шли туда, огибали поселок с магическим названием «Лидиевка», срезали угол через восьмидесятую школу, перебирались на производственный двор шахты «Южная».

За ее действующим терриконом (породу сбрасывали на противоположный склон), ютился небольшой водоем, образованный водами, бегущими с искусственного обра-

зования. Вода, как правило, день и ночь стекала в горящие очаги самовоспламеняющихся глубин, омывая угольно-каменные глыбы, глинистые и черноземные массы. С таким «богатством» жидкость мутно струилась в наше озерцо, которое, как вы понимаете, считалось мертвым в смысле рыбалки. Но, тем не менее, некоторые особи подводного мира проявляли чудеса приспособляемости, попадая в наши душевные глубины по мановению высшей силы. Терпеливые рыбаки героически высидивали длинные – жаркие часы на крутой стороне непригодного для плавания водоема. Мы же осторожно ступали по остро-каменному берегу, ругались за право покататься на камере. Диковинное громадное колесо мы по очереди катили длинными переулками, ничуть не уставая, до драки бранясь за него.

После купания мы, покрытые светловатым оттенком (никому и в голову не приходило, что здесь купание запрещено), мостились на невозможно острых вездесущих камнях породного происхождения. Наградой нам приходился сказочно вкусный на свежем воздухе хлеб, заботливо завернутый мамой в старую газету «Социалистический Донбасс» или «Правда Украины». Хлеб мы носили в сетках, пакеты считались большой редкостью. Сетки изготавливались довольно большой длины и хорошо смотрелись в руках у взрослых, нас же делали несколько комичными.

Хорошо запомнился мужчина с диковинной прической, напоминающий негра. Он сидел неподалеку в окружении нескольких женщин, окатывающих его да и весь горепляж громким смехом. Я не понимал смысла их беседы, но некоторые фразы навсегда врезались в сознание. Красивая особа выразительно выводила: «Есть муж, занимаюсь сексом, нет мужа, иду в театр, она кротко и покорно опускала голову, чтобы народ немного выразил эмоции,

затем вновь запрокидывала лицо вверх и добавляла, — хороший «лёвак» укрепляет брак...» Я находился ближе всех к большим дядям и тетям. Они поощрительно посмащивали на меня, укрепляя самооценку, и мне думалось, что я взрослою.

Вторая с виду очень усталая дама слова произносила важно и со значением. Она завела речь о какой-то книге, обещая вскоре сочинить ее и назвать «Так жить нельзя». Она делилась новостью о том, как на могиле мужа она плохо поговорила с духом покойного и вскоре неудачно упала, получив тяжелый ушиб. Кого-то называла странным и неведомым мне словом «прошмандовки», говоря, что те сидят в райисполкоме, шептала о неизвестном мне Боге, уверяя, что до него невозможно добраться. И рассказывала о посещении церкви, о том, какой холеный в приходе батюшка.

По дороге к дому мы едва тащили ноги. Колесо никто не хотел брать. Как обычно катящееся чудовище поручили мне, самому младшему и самому слабому в честной компании. Друг Станислав хватал палку, гонял галок и ворон, радуясь, что колесо, «потяжелевшее» к вечеру, выпало сопровождать мне. В небе парили редкие облака и жаворонки. Желто-зеленая осока, растущая невдали, шумливо следовала в другом направлении. Прилегающая к ней глиняная площадка светлила и золотила зеленую гущину, колесо вязло в ее рыхлости. За ней виднелся старый приземистый домик. На разбросанном дворе лениво шевелились утки, а дальше путь нам преграждали несколько рядов подъездных шахтных путей.

Теперь рельсы выглядели как магистраль после землетрясения. Прилегающие околочные дома, словно

юродивые на паперти, просили помощи на серые шиферные крыши, на ветхие ограды, просто на пропитание. Время равнодушно скользило мимо, щедро осыпая порывами ветра, угольной пылью, гаревым запахом дымоходов. Некогда составленные правила благочиния, вилами начертанные моральные поучения и стилизованные для мирских нужд молитвы, толкование мест Писания, горели ярким пламенем в местной котельной. Риторическая образованность ослабила интеллигенцию до худосочного состояния, до немощи, до полного бессилия.

«Какой кошмар творится на родной стороне...» – вполголоса изрек я в базарную пустоту, в грязевые колыбели, в купели луж. Я широко расстегнул рубаху, точно собираясь раздеться, ужаснулся внешнему виду самой площади, когда-то блистающей именно сиятельной чистотой аккуратности и ухоженности. Парк больше не проглядывался из-за разросшихся полудиких деревьев, из-за вездесущей поросли и разнотравья. Я обошел запущенный Дом культуры, скорее напоминающий провинциальное общежитие, уткнулся в тупичок. Девушки среднего достатка (в наши дни молодости так себя не вели) игриво и агрессивно бранились за бутылкой водки. Ни дать, ни взять, неотесанные мужики. В ответ на мое глазастое любопытство, одна из красавиц дерзко выкрикнула: «Что уставился, иди сюда...», понизив положительный душевный настрой.

Я не двинулся к ним из соображений осторожности, но с горьким чувством уязвленного самолюбия отправился в воображаемую борьбу пить горькое лекарство духовного роста в зрелом возрасте. Слева и справа жили мои друзья-приятели, но ни с одним из них не хотелось видеться. За исключением Шуры Шолохова, однофамильца известного писателя. «Иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал...», – выплеснулась из подсознания

строка выученного наизусть и почти забытого «Евгения Онегина. Только у Пушкина персидский поэт значился с одной буквой «а», уточнил я для себя, натываясь у стадиона на грозные и неприступные, как татарское воинство, чертополохи. Ничего себе пейзажи, мелькнуло в голове. Мне помнились остриженные обочины, цветастые клумбы, прометенные и переметанные. Особенно запечатлелись в памяти звездные ночи, вьющиеся кострами, как в той песне, как тот костер, что неподалёку вился сильнее и сильнее под дуновением жаркого ветра.

Медленно тлеющие головешки старых абрикосовых ветвей, обгоревшие полена неизвестного роду-племени, примечал я, держали тепло, длили огонь, хотя смотрелись совсем сгоревшими. Вот тебе и вся мудрость. Чем старше человек, тем больше он отдает тепла людям, медленно и разумно, хотя из организма слышится кашель и сдавленный болезнями голос. Хотя бы мне найти брата по поэтическому искусству Артема, встрепенул я, вспомнив о главной цели «лидиевского» путешествия.

После оздоровительного футбола на родном поле малой родины мы с Артемом преодолевали жаркое марево под гвалт пьющей братии, пристроившейся на скамье так называемой аллеи. Мы на удивление всем циникам, нало всему, творили поэзию. Пахло гарью недалекого огня. Я с чувством вины подбирал опавшие абрикосы, опаленные солнцем, овеванные огненным ветром Донбасса.

На завтра мы с зятем Леней медленно пробирались к трамвайной остановке мощеной тропой, лежащей среди не кошенного старого стадиона. Трамвайная тряска ненадолго отвлекла нас от бранных мыслей и завершилась у старого моста. У перрона, словно став в очередь, мы покурили на лавочке, посудачили о жизни, подвинулись ближе ко второй платформе. Я мучился одной единственной

мыслью, отдавать или не отдавать Лене оставшуюся бутылку водки. Совесть меня терзала, таскала за шиворот, рвала за волосы. Но я не мог преодолеть алчность экономии на спичках. К тому же Леня явно отравился именно водкой и неважно себя чувствовал. Такая позиция позволила легко обмануть себя, отвлекаясь созерцанием мужиков, толпящихся на корточках в разговорах и ожидании того же поезда. Из репродуктора пронзительно взорвался голос дежурного по вокзалу.

Пассажиры опрометью бросились перебираться на второй путь, лихорадочно спрашивая о расположении первого вагона. «Увидимся, – бросил я Лене, с трудом процедив, – спасибо...» За окном поплыли бурьяны, в них виднелись барахтающиеся головы мальчиков. Сбоку как-то не по-козьи кружились козы. На лавке сидели молодые люди и целовались. Пожилой мужчина бросал лопатой уголь в окошко сарая и чадил дешевой сигаретой. В дальнем огороде хозяйка, устав от жары, стягивала с себя одежду. Ее фигура хорошо просматривалась с высоты поезда. Состав, стуча по стыкам, медленно пробирался к магистрали, минув отчий дом, мамину могилу, медленно исчезая в посадках. А я с болью осознавал, что мой чудовищный комплекс неполноценности – это подарок мне от родителей по замыслу свыше, чтобы я развивался и прожил еще одну жизнь. «Мудрый Бог...», – вспомнил я слова, услышанные в А.А., и по моей щеке скользнул нервный тик.

А ну, мое трезвление!

Кто же он такой – Анатолий? Ну, хотя бы и, прежде всего, на взгляд самого Анатолия – поэта, автора-воспоминателя, исповедника, а скорее историка самого себя. В истории собственных бедствий (между второй половиной двадцатого столетия и первой декадой двадцать первого) он поведал миру, как человеческие чувства часто сильнее возбуждаются или смягчаются примерами, чем словами. Поэтому после утешения в личной беседе с Господом, он пишет себе, отсутствующему, утешительное послание с изложением пережитых им бедствий, видя их ничтожными, но, возможно, поучительными.

Так начинает этот мученик алкоголизма свой исповедальный плач (скорее исторический, чем истерический) по самому себе, не скрывая учительского назначения своего сочинения. Наипервейший инструмент его научения – не слово, а собственный пример, то есть момент прожитой и пережитой заново жизни. Самоценной и причастной самой себе. Здесь нет первопричины бед и несчастий, отсутствует изысканное или простодушное объяснение причинно-следственных связей. Здесь ясно вырисовывается поставленная задача, освободиться от преследования смертных грехов, определить возрастание авторитета высшей силы, обратить взор в сторону сверхзадач, помня слова поэта: «Высшее – зависти цель...»

Как известно авторитетно свидетельствует раскаявшийся человек, ощутивший дар пророка, апостола, посредника между людьми и богом. При условии, что исповедь – цель излечения и осознанное обращение к благодати небесной. Велик соблазн – сейчас ответить словами

Аякса, чтобы выразиться скромнее, полагаясь на язычника Овидия, говорящего устами гомеровского героя:

...Спросите ль вы об исходе

Битвы меня, то отвечу вам: побеждаем я не был...

И что же? Пусть его речь, вполне удобоваримая, не будет бедна содержанием и лишена мысли. Пусть нечему будет завидовать его душе. Пусть, зажигая огонь повествования, его повесть наполняет не дымом, но озаряется светом. И пусть же его кропотливый труд, опирающийся на чувства и только на них, не соревнуется в значимости с беспечным разумом, с надменной правильностью рутинного академизма, с утомительными поучениями превосходных общих рассуждений. Но, спохватившись, он представил на общий суд свои беды как прямые следствия черной зависти. Свое благополучие, сделавшее его надменным. Беззаботное мирное житье, ослабившее силу духа, направив его к плотским соблазнам.

Жизнь его не была вычитана из авторитетных текстов, но превратилась в поэтическую, литературную, художественную историю живой жизни без ветрил собственных моральных запретов, сыздетства не впитанных с молоком матери и не начертанных на скрижалях собственной христианской души. Его смиренная душа, которая гордо подпитывалась ученостью, после раскаянья стала более чем убедительна. По слову апостола: «Знание преисполняет надменностью». Между прочим, своею собственной рукой добился он освобожденья, лично выставив перед всем миром всю свою потаенную мерзость, лично сжегши свое прошлое, прежде вывернув его наизнанку, давая всем пощупать каждый кантик, распоров швы. Такое

действие санкционирует его вхождение в иную жизнь в поучение всем и всяческим мирянам и всяческих времен. Иногда литература становится проповедью.

Анатолий почуял что-то неладное, бросился запрягать страсти и эмоции впереди разума. Там он пропадал неделями, но возвращался пока целым и невредимым. Кто-то явно пытался оттуда выпроводить человека, приделывая ему на спину крылья.

Если бы кто-нибудь попытался догадаться о том, что сейчас делает Анатолий, он, верно, очень удивился бы, пытаясь проследить за ходом мыслей этого ученого иллюзиониста. А тот направлялся в те придуманные места, где, по его мнению, могли бы уронить кошелек богатые клиенты, посещающие фирму по своим делам. Давно протопали последние работники офиса, совершенно ненужные в культуре европейского бизнеса. Покинул территорию, дважды возвращаясь и дергая механика-диспетчера, строитель новой жизни. Вдохновенно упорхнула блистательная финансовая волшебница, пожелав на прощанье пришествия Музы. Основательно и авторитетно прошел мимо генеральный директор, бросив веское наречие «пока...»

Анатолий обнаружил внутри души психологически обусловленный страх перед явлением руководителей любого ранга. Какой-то сладостный комфорт возникал в сердце – в полном одиночестве при закрытых дверях. Впрочем, одиночество царствовало в несчастном человечке и в разгар рабочего дня, и в обеденное безвременье, и в противоречивые выяснения производственных истин. Подобная неадекватность поборника Бахуса, тчущего лишь

вседозволенность, была представлена художественным самообманом. За ним таилось истинное «Я», запрятанное навсегда. Горе писателям-психологам. Уж лучше б им не знать об этом.

Если бы кто-то спросил о цели пребывания Анатолия в бухгалтерии в лунную майскую ночь в суточное дежурства, то в ответ прозвучало бы что-нибудь ироническое типа: «Ищу изменчивую Музу...» Но сейчас легко, как тень, он шмыгнул за стол главного бухгалтера, притаился.

Сердце колотило колоколом. Соловей пускал трели в неплотно запертое окно. Но напрасно старалась птица увлечь своего поэтического собрата неземным пением. Толя завозился с тумбочками, задергался с неудобными выдвигающимися ящиками, шаря в них, ища неизвестно что, опуская голову под кресло, на всякий случай, заглядывая даже за шкаф.

Посторонний шум, напоминающий скрежет в замочной скважине отвлек внимание, насторожил. С черного хода мог зайти один генеральный директор. На такой случай запирались изнутри и оставляли ключ в замке. В тишине ясно слышался мелкий топот, крадущиеся шаги, негромкие восклицания, умеренные вскрики. Толя быстро откинул распахнутую дверцу шкафа, поставил кресло в первоначальное положение, затаил дыхание, начал слушать.

В смежных комнатах без света, в лунное сияние, свободно виделось все. Мелкий предмет, напоминающий детскую скамеечку, врезался в голень на шаге. От вскрика вскинулась голова, рука потянулась к ушибу. Краткое эхо темного кабинета перетекло в боль души и мучение ума напоминанием о чем-то – в этом денно и нощно преследующем искушении клеptomании.

Страх, хохоча, зашевелил жирные и непричесанные к вечеру волосы, ополчаясь и материализуясь, и даже спрашивая: «Если пришел, то зачем? Если скажешь зачем, то подходи ближе, не бойся...» Слева резко зазвонил телефон, справа дернулись тени, падающие в узкие щели жалюзи. За окном шумели деревья. Мальчишки мелкой стайкой возникли на законной площадке, освещенной луной. К окну, сутулясь, подкрался приземистый подросток, приложил руку козырьком, устался в темные стекла прямо в лицо Анатолию.

Словно полуторагодовалый младенец бродил Толя вокруг кабинета генерального директора и не решался в него заглянуть. На помещение главного начальника имелось негласное табу. Возможно, кто-нибудь из ребят и нарушал неписанное правило, но только не Анатолий. Он мелко сплюнул на пол, подумал: «До утра подсохнет...», рассмеялся цинично, протяжно и глухо, ощущая приступ ненависти. Он обернулся на дверь туалета, грустно оглядел проем бегающими глазками, покачал головою, с чем-то не соглашаясь, принялся караулить офис.

Как только Анатолий установил отношение к руководителю высочайшей авторитетности, он принялся устраиваться на ночлег. Вечная бытовая неустроенность расшатывала личностную авторитетность, мешала развиваться самоуважению. Толя упал на мягкий кожаный диван, начал жалеть себя, запечалился по поводу ускользающей частной собственности. Он показался сам себе – перекасти полем без корней, без роду-племени. Слезы навернулись на глаза души. Дома не существовало. Всюду он считался гостем, это крайне огорчало. Он рано и уехал из родительского угла, из личных вещей захватил тени, воздух и воображаемые страхи.

В провинции жилось тоскливо, думалось туманно, мечталось нетрезво. Пытаясь выделиться в толпе лично-неповторимым способом, Анатолий пытался найти свое лицо с отсветами всезначущего лика. Авторитетом не стал, неповторимость постепенно утратил, высыхая после тренировок в библиотечном страдании. Друг Николай, заглянув в его убогую холостяцкую берлогу, нашел в комнате твердокаменность неуютя, неустойчивость личного бытия, а главное, очевидную неустроенность. «Я думал ты лучше живешь», – только и обронил товарищ.

Настоящее чувство вины Толя почувал с приездом друзей детства. Люди из отрочества, напарники по уличному безобразию ухмыльнулись, качая головами. Они свалились, как снег на голову, возникнув на пороге в семь часов утра. Толя, право же, не знал, как поступить, денег ни копейки, до открытия сберкассы добрых два часа. Он улыбался, рассматривал лица, ведя разговоры о жизни. Вторым планом он мучительно соображал, как их правильно угостить, кто должен платить в ресторане, и за чей счет следует покупать билеты обратно.

В столицу молодой человек укатил с сумкой имущества, с небольшой суммой денег и с чувством увлеченности Тamarой, страсть которой уже давно не полыхала первой любовью. Его ждало общежитие, распахнув двери шире обычного, все-таки футболист заселился. Ребята по этажам водились большей частью пьющие, сферу чтения не колеблющие. При полной развернутости текста брошенная бутылка из окна в девчонку проглядывалась комплексом неполноценности отдельной личности и всей державы. Обнаруживалась психологическая неуравнове-

шенность страны. Все становилось истинно-подобным, но ничего истинным.

Выхватив тетку с квартирой, Толя приженился, а потом сдался на милость победителя. Он увозил в новое жилище одежду, книги, письма девушек, разбивших сердца о его лицо. Письма любимой он выложил горкой угасшей страсти, не любя в приступе ненависти прошлое. Он чиркнул спичкой, дым потянулся к глазам, изгибаясь полотенцем в безветренный день.

После развода с первой женой, Анатолий оставил дочери библиотеку, легко подхватил две сумки тряпья, матрац, загородил глаза от жалости к себе. Облокотясь на дверной косяк, бывшая супруга тянула сигаретный дым, напоминая непутевого прокуренного мужика. Жуя табачную крошку, она улыбнулась, а Толя пожалел, что не он первый подал на развод. Хотя эта тетья, будучи до конца прочитанной в первый день творения, его мало интересовала. Эта бабушка, лишенная какой бы то ни было святости, присущей любой женщине в определенной степени, имела лишь ничтожный и немощный смысл не более пятнадцати минут.

В новой обители Анатолия временно жили тараканы, в углу ютился тюфяк, а место стола занимали строительные козлы. Он торжествовал в своем доме. Он стоял на кухне, плакал внутрь, говоря вслух: «Ладно, хватит себя жалеть, другим меньше повезло...» На коричневой электрической плите в кастрюле мерно рокотала кипящая вода, брызгая на глянец. Толя тосковал по дочери, хлебал вино из горла, закусывал семечками.

На новое место обитания он переезжал уже в новом качестве трезвого алкоголика. Уже давно с ним жила дочь, а дом справедливо назывался полной чашей. Те, с кем он пил водку, ушли в небытие, новые друзья в трез-

вой жизни помогали при переезде. Как-то все изменилось в лучшую сторону с неожиданной стороны. Он повернулся и оглядел пустые стены, помолился на свою церковь и начал спускаться с дочерью с девятого этажа. Пашке, тот пропадал в алкоголизме, купил на прощанье бутылку вина, соврал, что каждый день будет заезжать в гости. Несчастный сосед болезненно кашлянул, присватался к вину, как благодарный пес замахал рукой вслед дымящему автомобилю, доверху забитому имуществом.

Каждый, кто перебирал свое прошлое, включал свет в темной комнате прожитых лет, неожиданно находил его забавным, интересным и не таким страшным. В целом моральная инвентаризация давно минувших дней всегда требовала определенного мужества, специальной подготовки, исповедальных навыков. И хотя бы приблизительного представления о том, как же выглядит один из вариантов откровенного взгляда на себя, глубокого и бесстрашного. Точной схемы обращения к теням и призракам промелькнувших событий, разумеется, никто не ведал.

От нахлынувших воспоминаний пропал сон. Да, шефу он сказал, что на рабочем месте он всю ночь бодрствует, когда генеральный директор спросил в лоб: «Ты что, спать собираешься, если так рано зубы чистишь?» Толя все так и спланировал, как только все уйдут, он пораньше ляжет отдыхать. На том дело и завершилось бы, да шеф свалился на голову высшей совестью и, как бы уличая, пригвоздил. Толя соврал, не моргнув глазом, оправдался и объяснился, выложив все слагаемые лжи на лицо. Он всегда так делал, пока не изучил подоплеку кривды.

Тот случай уютно расположился на мягком диване подсознания, таком же благополучном и притягательном, как производственное ложе для бдения, грустно вздыхающее под изнуренной плотью механика-диспетчера.

Толя поднялся и опустил ноги на пол, по голеням остро резанул незаметный днем сквозняк. Стопы сами нашли тапочки саможалости, сетуя на свою нелегкую долю, удивляясь тому бесчисленному количеству переездов с места на место, незаметному в пьяном бытии. Включив свет, он заметил, как высоко под потолком мельтешит моль. Древний инстинкт славянского языческого охотника подал сигнал мышцам, тренированное тело взлетело на стол. Раздался резкий хлопок ладонями, как дальней эхо чужих аплодисментов, едва шевельнув своды искусственного потолка. Долгожданный адреналин наркотически забродил в крови.

Не доставало многообразнейших высказываний хотя бы горстки зрителей, чтобы тень жалкой славы обратилась делом санкционированным. И все-таки почти взрыв, маленький бунт на глазах у изумленной публики, коей душе не доставало. Настроение пришло к нему, как после шутовского беганья по партам в классе на глазах у Городничей и Макаровой.

Но главное, что рядом смеялась Зойка Ярмоленко. Ради нее-то, ради светловолосой, голубоглазой отроковицы пружинил пострел по новым, еще не исписанным партам, цегляя сандалиями ручки с перьями, наступая на чужие учебники, пачкая тетради отличников. Ради хорошего состояния плясал ловкач перед чертовками, да все зря, потому что нагрязнула вездесущая Анна Тимофеевна. Она потихонечку стала у порога, изготовясь речи кроткие сыпать, своим бардовым платком плечи укрывая. А тайная зазноба Толи вся разомлела, хохоча и пальцем на

него показывая, и тем еще более распалила. Перст ее направлялся мимо – в дверной проем, сахарные губы полуоткрывались, волосы каштановые щекотали щеки кудрявыми завитушками, вот-вот прилипнут к груди, шее обвивая.

Дальше Толя, свободный от любых примет внешней жизни, резанул носком по неосторожной поставленной на краю парты чернильнице, размазывая и темнеющие прописи, и фиолетовую жидкость, и подставляя себя для растирания по стенке. В результате – глаза в глаза – они сошлись две исключаящие друг друга точки зрения. Они наблюдали взаимно как выявленные и обнаженные противоположности, как гордыня и смирение, как дух борьбы и червь сомнения.

Преподавательница прошла у доски, направилась к столу, звеня ключами, воркуя, как голубица с девушками, точно и не замечая героя. Начала разговор затевать, про житие свое рассказывать, отчего Толю покорило от нахлынувшего страха, от мучительного ожидания грома. Девчонки гуртом скользнули мимо на свои места. Учительница на них-то крикнула, от Толи отвернулась, и он тихонечко из класса убежал. Постоял во дворе, жаркого воздуха нахватался. Шумел ветерок, а может быть, кровь в голове бушевала от переживаний.

Ночная раздумчивость отрывисто звучала в беспокойной голове, в неприкаянной душе, в тревожном сердце ночного дежурного. Порывистый бред двоящегося воображения, не цельной личности и воспаленного сознания с трудом сосредотачивался на конкретных вещах, сигнала об исчерпании самого себя. Неслышно охал паралон

в диване, громче обычного хрустели коленные суставы. Свобода суждений, не способная раствориться в конкретике, как жизненная установка рассыпалась под давлением темноты. После продолжительного алкоголизма Толя восстановился до степени детских воспоминаний.

Движение вперед тормозилось страхом перед грядущими событиями, возвращаться назад ему нравилось (не признак ли старения?). Там люди ничего не заметят, куда захотел, туда повернул. Набрел на темную комнату, твоя забота, ворвался в чужой сад, тоже твои проблемы. Повернулся мальчик на правый бочок, положил под голову кулачок и пошел степью, с дороги сбился, едва не заблудился. Упал в курслеп, едва не ослеп, ударился о пенек, соснул часок. Ничего не заметил, ничего, кроме тиканья часов, не слышал. Порывался за сны заглянуть, да о беспамятство оцарапался, да чистыми звуками наполнился, думая неизвестно о чем.

Наполняться было нечем. Думы требовали подпитки «превосходства канонического авторитета», и ложь, даже малейшая, здесь недопустима, ибо источит весь мыслительный процесс, полнясь безумием убогого воображения. Толя суетился во дворе, ковыряя палкой домослимое ничто. Он пытался думать, но ничто ничего не давало, первотекст в основе не проглядывался. Толя сосредотачивался на примитивных звуках лающих собак, ревущих гудков, гудящих электродвигателей. Первое, в некотором роде методологическое введение в мыслительный процесс завершилось беспамятством, рассеянностью, несобранностью.

Толя придумывал что-нибудь, и это «что-нибудь», лишённое логики, разума и веры, получалось скомканным блином, звучало жалким лепетом. Толя искал знания по снятию противоречий мышления – в газетах красного

толка, в книжках о партизанах. Ему следовало начать с «Что такое хорошо...». Помимо чувства защищенности, у Толи не образовалось интеллектуальное покрывало. «Быстрое передвижение ног называется бегом...», – пытался вставить он в текущей беседе текущие сквозь пальцы словообразования.

«Да, да, это как у английских «Тред-юнионов»...», – продолжал юноша словесную шелуху собеседника, усиливая концовку скромным присутствием. И ковылял за околицу, пряча хромоту душевную, пустоту немислимую, страдания личности необыкновенной. На выкате переулка он гляделся вполне загадочным женихом. Размалеванные подсолнухи снимали перед ним картузы и кланялись. Тамошние гуляки раннего поколения приглашали за стол в шалаше с непутевыми девчатами. Люба и Тамара, сидя напротив, интересно разбрасывали ноги, зазывая в лоно. Ленька лукаво подмигивал, уводил посторонних из халабуды. Начиналось неумелое сексуальное приключение с подглядыванием в щели, с хихиканьями, с подколками.

Через много лет Толя встречал девушку, хотел пригласить ее на свидание, да не решился преодолеть страх действия. «Какими судьбами?», – восторженно обращался он к Любе. Они присели на лавку, немного пошушукались. Дама держала дистанцию, смеялась, показывала гнилые зубы. Парень выбрался из такси, щеголь в наглаженной рубашке, в отутюженных брюках. Он подморгнул ей карими глазами, и они пошли на ставок в сторону стогов.

Все недоработки в виде тривиальных промашек, с учетом живых особенностей инфантильности, лавиной сыпались, валялись на голову, заполоняли сновидения. Обрывки событий, лишённые следов жизнеподобия, отцеживались памятью, перегонялись в священное воображаемое действо. Святая правда лжи, должная задер-

жаться в пригоршне, в ней и умещалась без малейших признаков жизни и смерти.

Пролетело несколько столетий пьянства. Осторожно выбрался Анатолий из забытья, зашлепал по полу офиса. Левый тапочек ерзал, слышалась его кончина. Ночь и впрямь выдалась претемная. Не спали мятежные духи, тени и некие темные силы. Из темноты взвизгнула удавка аркана, остановилась в миллиметре от шеи. По щеке скользнула рука, хватая за кадык, сдавила персты. Выкручивая десницу, Толя проснулся.

Толя перевернулся вокруг своей оси, не издав ни звука. «Умеют же делать, сволочи...», – разноречиво и по-русски непереводаемо подумалось в адрес фирмы, выпускающей комфортные, но неприспособленные к отдыху диваны. В мебели присутствовал некий мистический элемент Прокрустова ложа. Обман удобства смазывался несоразмерностью длины пространства. Растянуться на нем, лежа в рост, не удавалось, мешали подлокотники. Немецкие мастера явно не рассчитывали габариты мебели для сна на дежурстве, даже если оно и круглосуточное.

Толю, читающего священные письма, мучила мысль о преобладании воровского инстинкта. Он прилег на край, на кого-то размахнулся, пугая темноту. Рука проползла между демонами. Служители тьмы обежали вокруг, затягивая вервие сомнений и беспокойства. Кровь прилиwała к жилам. Толя вспомнил, что у дочери украли кошелек и начал злиться на любимое чадо. Говорят, разноречие при единомыслии – вещь необходимая. Он слушал грустное повествование крайне честного ребенка: «Я же с ребенком, все равно полезли и вытащили

деньги...», – наивно рассуждала молодая женщина. Но что полезного в чистоте речи, которая не приводит к пониманию слушателя?

Толя до сих пор не простил тех трех додиков, мнящих из себя интеллигентов криминального мира. Эта шушера с глазами головастика, пользующаяся беспомощностью, рассеянностью, усталостью трудящихся, вырывала у них частную собственность, представляя самую дерьмовую тюремную касту. Милая доченька, до чего же ты наивна, если веришь в их честь и справедливость. В тот день они как поленья обложили Толю в переполненном автобусе, вынули свои приемы, взялись за дело. А дальше-то – Толя полез за платком и украдкой ухватил воришку за руку. «Пусти...», – зашептал, ускользая в толпу, готовясь грызть зубами цепкую руку. И к сему приложился совершенно неотразимый аргумент от учительной грамматики возмездия в придачу. Топыря пальцы рогами, кисть метнулась в глаза. Вор вскрикнул, согнулся, затих.

Ненависть ко всему воровскому миру подбросила маханика-диспетчера, повела бродить по офису. Покуда, конечно, «не придет тот, кто осветит путь во мраке...» Еще раз ссылка на Писание. Вместе с тем волна справедливого раздражения на рассеянность человечества, подставляющего карманы, сумки и кошельки этим хитрым задницам. Голословнейшее утверждение – без критической проверки не выдерживало критики. Живые человеческие промашки всегда считались нормальным течением бытия.

Щелкнув выключателем, дежурный по офису озарил светом ночную скуку, погасив пассаж с ночным лицезрением неба и луны. Развернутое письмо от старшей сестры сиротело на столешнице. Валя горестно вестила о

том и о сем, что маме, живущей у младшей Галины, вызывали врача, что врач спросил, откуда у вас синяки, а сестра нервно одернула медперсонал резкостью: «Пришла делать укол, так коли, остальное не твоя забота...» Работница скорой помощи пыталась отстаивать свои права, да Галя в шизофрении своей не позволила и слова молвить. Таковы сыновние страдания – глотать обиды и досады, щемя сердце от бессилия, перепоручая всемогущему Господу течение обстоятельств.

Толя поблагодарил небеса за путь, приведший его в благословенные белорусские края. Иначе бы семейную ситуацию социально-психологического свойства, не подвластную анализу и логике, пришлось бы решать военными средствами. Увещевание и послабление, строгий запрет – для виду на самом деле – не возымели бы должного воздействия. Любой набор вполне конструктивных, скажем, технологических решений, применяя которые Толя тцился бы усостить вначале отца, а потом и его дух, перешедший в младшую дочь таинственным образом. И что делать тогда? В помощь небесная канцелярия выслала идею, людей и путь. И Толя, помыслы которого были чисты, а намерения праведны, принял нравственную направленность высшего намерения.

В темноте различалась диалектически обоснованная правда, отличаясь от мертвого софизма путем осознания через боль развития. «Кто ее знает, эту сестрицу...» – риторически вопрошал Анатолий, опять-таки со ссылкой на чувственный опыт, опираясь на историю своих бедствий. Точно его случайно ударили коленкой в общественном транспорте накануне дежурства.

Толя серьезно переживал ситуацию. Он подскочил с дивана, задвигался взад-вперед по фойе. Он обращался в мстителя через праведный гнев. Свет мудрости сделался невидимым, святой дух не сошел на него. Над головой не брезжил огненный язык. Он подкладывал поленья под дерзкого мужика. Он отмахнул от неизвестно откуда взявшегося комара, обидчиво косясь на труженика. Энергии, затраченной на козни, хватило бы на добрую половину месяца.

Он разволновался как в автобусе, слушая пискливое насекомое. Помысел захватил его сознание, злоречие – уста. Толя грыз ногти, разглядывая, то пассажиров, то кустарники обочины. Нога при тряске норвила толкнуть человека напротив. «Буду выходить, – размышлял Толя, – зацеплю ногой, отомщу...» Глубинные страхи страшились отпора.

Толя пропадал в тенетах смертного греха, демонстрируя самому себе пример отрицательного жизнеповедения. Миру представлялся тот случай, когда божье чудо путалось чудом дьявола. Ибо творилось оно дьявольским наваждением. Толя вострепнулся до остановки, опережая обидчика, ступил правой ногой на тряский пол, поволок левое сочленение, вгоняя колено в мякоть мышцы. «Ой, извините!» – Толя сконфузился, фальшиво засмутился и быстро поспешил, опережая идущего следом мужа, ожидая агрессии.

Пошумев по ночному офису, Толя замер у окна, механически сорвал крючковатую тычинку на декоративном цветке, повернулся спиной к затемненным стеклам. Все естество его, взволнованное борьбой с помыслами, требовало пищи. Забытые у компьютера сушки он бросал в рот инстинктивно, запихивая в рот вторую, третью. Пытался одернуть руку, рассмотрел в ладони мучные

круглячки. Пока приходил в себя, съел полпакета чужого лакомства.

Взбалмошные мысли вели его по комнатам. Текст их не читался и не нуждался в толковании. Эмоции гнали Толю в края осуждения. Там витали тени обидчиков, еврейского поэта, который затормозил развитие Анатолия как сочинителя. Толя унизил писателя – «сделал обрезание» – пошутил сам себе, рассмеялся и успокоился. Затем принялся за его невзрастеничку жену, источенную комплексами, верно, неудовлетворенную, разящую всех запахами изо рта.

Толя размахнулся и сунул в монитор две фиги, представляя лица несимпатичной супружеской пары, отметил время на светящемся циферблате, качнул голову в сторону подушки. Глаза заволочло сном, сознание наполнилось туманом безразличия и предутренней усталости. Дрема цепко держала голову, клоня в забытье. Сердце, утомленное избытком кофе, явно громыхало. Во сне звенели травы, щелкали соловьи, ухали совы.

Сон о 7 отдельной танковой бригаде, сформированной под Москвой 13.08.1941 г. и разбитой под Харьковом 25.05.1942 г. привиделся неспроста. Один замечательный Дмитрий разыскал в мировом аукционе по интернету сохранившееся знамя части, всплывшее в Румынии, после Отечественной войны с гитлеровской Германией. Дмитрий, умница, взялся собирать деньги (не благодарное дело), пытался разыскать хоть кого-нибудь из 1300 человек личного состава. Те, кого страна вырастила, на просьбу об участии отвечали: «Нет такой страны...», «Зачем это тебе нужно», «Тебе что, делать нечего...» и т. д. Когда собралась сумма, неизвестного румына попросили выслать знамя, зашив его в куртку, что тот, разумеется, не мог взять в толк. Сонный Толя долго пояснял далекому

жителю Бухареста цель своей покупки, причины, путаясь в сонной мотивации, размахивая знаменем над Рейхстагом и пряча его от властей.

Казалось бы, жизнь Анатолия настолько прозрачна, что не нуждается в каком бы то ни было толковании. Он был тем, кто лишен разума от рождения и тем, кому могли помочь лишь свидетельства священного Писания, обезопасив его от влияния тамошних туземцев. Как называл их шеф, мелких жуликов. Короче, нужно было то, против чего не возражишь. Все это говорил куда более авторитетный человек, чем иные праздные мастера говорения, склоняя, впрочем, к блестящей диалектике, к науке наук, которая «учит учить» и «учит учиться».

С этого места жизненного текста, собственно, и должно начаться формирование способа творить самое себя у Анатолия, лишённого здравого смысла и логики. Вначале, как рассуждал он, лежа на мягком диване, он встретил со стороны собственного суеверия сильное сопротивление, присущее всем переселенцам в области духа. Не доставало так сказать методологического обоснования возможностей рассуждения как софистического, так и диалектического. Но парадокс заключался в том, что следовало еще хорошо знать и софистику, но не для обмана, а для различия по контрасту. Т.е. выучиться отличать, чтобы потом – в ходе чтения – отсеять. И нужна еще благая весть и молитва как живой жест живого жизнеповедения.

Вот и молился Толя истово и самозабвенно, как мог, как знал и как получалось. Позднее водворение пусть даже инородного христианства было залогом успеха об-

щего развития. Так и трудился преподобный Анатолий, уроженец и постриженник алкоголизма, пришедший из тьмы могилы, основал обитель свою – подробной исповедальности в религии трезвости. Примером своей жизни он озарял светлыми наставлениями дикую страну Бахуса. Но прежде он взялся очищать места греховные, осознавая их, выписывая, исповедывая. Прежде он погостил у очаровательной вдовы, проживающей в Донецке неподалеку от шахты имени Абакумова.

Толя познакомился с дамой накануне отъезда и сразу закусил удила. Взаимопонимание получилось ладное. Вечером молодые люди успешно потели в жаркой постели августа, орошая свежие простыни трудовой влагой интимности. Далеко за полночь хмель оставил сознание, Толя вспомнил об отъезде, о маме, ожидающей его у калитки, всколыхнул крупницы юношеского стыда. В расслабленном состоянии любовники откровенно шептались о жизни. На неожиданный вопрос безымянной женщины, не привнес ли он чего-нибудь из области венерического, Толя как всегда честно признался, что не так давно он переболел гонореей.

По лицу романтической особы поплыли караси. Одежда, снятая в порыве страсти, надулась комом, отбрасывая тени на стену. Под женские глаза вдруг навесили темные мешки, а лицо охватили тушью. У нее наверняка был любовник, отметил про себя Толя и позлорадствовал. Ее тревожные ноги дергались как выюны, как щуки в мешке, цекоча и раздражая голени.

Толя, как мог, успокаивал огорченную женщину, он и в самом деле давно вылечился (дернул же черт его за язык). Теперь отчетливо слышались шаги за стеной возле дома барачного типа, каких тысячи в Донбассе. Толя бросился к окну, ощущая страх вторжения. Чувство вины

за откровенность отошло на второй план. Он потянулся за джинсами, щелкнув выключателем.

Домой Толя добирался как по черной балке, в полной темноте. Такси в то время считалось роскошью. Редкие ночные прохожие, верно, испытывали те же чувства и осторожно чихали, обходя уверенно шагающего молодца. Мама нервничала под осыпающимся кустом черемухи, дрожала от сырости и переживаний. Увидев знакомую фигуру, она нервно рванулась навстречу, окликнув: «Толя, ты?»

Медленно приближалось окончание дежурства. Мечта написать пьесу диалогов «Анонимные Алкоголики» не сбывалась. Обрывки честных высказываний во время занятий плясали в памяти, рассеянные по разным тетрадкам, гасли и забывались в провинциальных переулках подсознания. Толя забыл, что он находится не дома, и едва не помочился в раковину. А если бы кто-то вдруг зашел и заглянул в эту минуту в туалет? От мысли на душе стало плохо. Так же нехорошо ему было, когда его поздравляли с днем рождения. Подарок он получил загодя и стоял, как истукан, ожидая еще чего-нибудь в конверте. Мысль о том, что нужно проставлять коллективу и вовсе вывела Толю из себя. Деньги-то дал шеф, а эти ждут угощенья.

Под предлогом утреннего размышления Толя всецело предался усердному безделью, какое доставляло уединение тайное. Раздробление личностной целостности на множество уделов препятствовало развитию личного значения Анатолия. Он тратил много сил на мелкие княжества, ожидая чего-то более обширного, увязал в воображаемом богатом уделе. Всякое дело виделось не важ-

ным, мыслилось скоротечным и не главным. А поскольку жизнь состоит из мелких событий, то получалось, что он не жил, не существовал, не был.

Гибельные последствия удельной системы мышления маячили собственным укором. Ничего не доводилось до логического завершения как в истории Руси во времена, скажем, самодержца или самовластца Ярослава I. Междоусобия сделались непрерывными, сказывалось отсутствие централизованного мышления. То же творилось с будущей драмой о великих – трезвых алкоголиках, об их мытарствах на пути духовного развития. О людях, ищущих свою правду и в церкви, и в интеллекте, и в трудовом. О том, как они увидели свет в кругу своих братьев, изувеченных тем же заболеванием.

Да, там Толя нашел спасение. Там объяснили, почему человек читая, к примеру, Л.Хей, испытывает чувство ненависти к автору. И если не вовремя позвонили и не так что-то сказали, то «Отче наш...» здесь не при чем, и его непонятное разуму содержание не виновно в твоих бедах. А сонливость, преобладающая в минуту исповедей, совсем не по причине нудности духовного развития. Непонятный оратор не приносит успокоение сердцу, ибо глаголы его не о чувствах, а ясный язык ощущений ложился на душу и заставлял думать, хотя бы о проблемах того человека, который сейчас терзался в откровении.

Толя намахнул на тело спортивную одежду, побежал навстречу времени. «Какой я сегодня легкий и взволнованный...» – подумал, с минуты на минуту ожидая утреннего стука уборщицы, приветствующей его сексуальные домогательства. Толя соблазнял неинтересную тетеньку чисто механически, следуя зову инстинкта. Лишь бы затащить в койку. С нею ловелас разговаривал на понятном языке, точно на собрании группы трезвых алкоголиков.

Сестра Тамара во время перерыва так и заметила: «Когда выступает Анатолий, мне все ясно...» За такие сладкие речи он полюбил сестру, простил ей непослушание и неуступчивость его воле, своевольно забыв о воле Бога.

Толя смотрел на свою жизнь и, брызгая ослепительно белыми зубами, как светом черемухи, фантазировал о том, как он даст почувствовать всему миру трагедию собственной жизни через исповедальную обнаженность. Вероятно, не многим известно, что такая работа исцеляет и приносит облегчение лишь на пять-десять минут. В стеклянной двери он увидел свое непричесанное отражение. Всколоченные волосы соответственно всколотили комплекс неполноценности, а что подумает уборщица? Грустная, всегда печальная улыбка немного успокоила, встрепенулось чувство заземленности сердца и вообще чувство ущемленности.

Толя нежно поздоровался с уборщицей, взял ее за грубую руку, повел показывать проблемы.

Он встретил техничку одетый не так, как надо и все смотрел и думал, что думает она, ища поддержки неизвестно чего. Он с печалью вспоминал те чудесные дни, когда он просыпался, и это давало ощущение счастья. Он был как ребенок, радовался горстке риса, с упоением рассказывал трезвой братии на собрании об увиденном распускающемся листке. Душа обретала зрение, полшага оставалось до духовности. С миром он общался шепотом, дочери побаивался. В минуты вдохновения Толя сочинял бредовые вирши и параллельно ненавидел дрель и перфоратор, грациозно роняющие божественные звуки на дребезжащие литеры. Лицо его делалось красным. Он выходил на лестничную площадку и видел, и слышал брань строителей. У тех что-то не сошлось, ребята почти дрались. Толя все понял, обрадовался и успокоился.

Он всегда веселился, если у внешних раздражителей (как правило, это был людской фактор) дела шли плохо. Спокойные лица людей самодостаточных его пугали, ужасали, доводили до иступления добрым покоем. Если, конечно, ему не предстояло предаться любви в тайном уединении, если не звучали слова любви между поцелуями, если руки не тянулись к груди уборщицы, глаза которой сейчас горели от похоти и томного предчувствия.

Женщина затрепетала всем телом, скатывая плащ, бросила на стул верхнюю одежду. Толя подхватил ее на руки, указал пальцем на дальний кабинет, не слушая женское лепетание, понес податливое тело к ступенькам. Женщина шептала: «Вышла рано, думала белье погладить, вспомнила – праздник. Плиту мыла – палец обожгла, это в выходной-то день. Там лист упал, тут плитка обвалилась...» Сейчас Толя чуял свободу, едва не заломился в кабинет шефа. Генерального директора он читил и уважал, и помнил его шутейную просьбу при шутейном диалоге: «Захочешь бабу соблазнить – можно, но только не в моем кабинете, – после небольшой паузы добавил, – в кабинете моего заместителя можно...»

Толя сознательно испытывал эмоции взрослого человека. Радость взросления и боль осознания смешались в клубок противоречий переходного возраста полувекового ребенка. Проблемы с младшей сестрой (с нею Толе не хотелось видиться) считались неразрешимыми. Он пытался держаться с родственницей с достоинством, но любви к ней не испытывал. Техничка чем-то напоминала младшую сестру, рождала чувство брезгливости, но не уважения. Толя механически совершал таинство и в воображении

боролся, проводил монологи, обязательно бросал прямо в глаза правду тем, кому не мог выразить гнев в реальности.

Через двенадцать лет осознанной трезвости он чувствовал себя двенадцатилетним ребенком. Попробуй кто-нибудь ему сказать о нелепости посещения занятий по трезвости, он, не сомневаясь, выбрал бы трезвость. Несмотря на полное преобладание в нем похоти, он занимался философией пути и уделял внимание школе новой жизни. Но сладострастие овладевало им полностью, и он снова удваивал усилия, не зная скуки, бодрствуя, не утомляясь.

Разгоряченная женщина вертела головой, пытаясь оглянуться, хватала воздух широко раскрытым ртом. Толя же, засучив рукава, разжигал огонь любви, польхая в полнакала, словно действие происходило со второй женой. Бисеринки пота чешуей сыпались с разгоряченных лиц, волосы липли в хаотическом беспорядке. Счастливые глаза смотрели в глаза и указывали на настенные часы с намеком. Толя словно глотнул воды с водкой, испытывал чувство вины по отношению к самому себе. Он прекрасно помнил то отчаянье, охватившее его, трезвого алкоголика, когда он по неосторожности выпил глоток минеральной воды, разбавленной водкой. Бедного мальчика рвало нескончаемо и долго. Он пил воду из-под крана. И его снова выворачивало, и так все время.

Это глобальное чувство накрыло его своим отрицательным жутким облаком. Ему снились сны живыми, но уже ушедшими в мир иной людьми. Он хорошо усвоил, что водка – это для него яд, но подсознание требовало ухода от реальности. Он учился не врать самому себе, чтобы не терять внутреннюю свободу, а это уже пахло духовностью. Он разбивал казенный стакан и трусливо

прятал осколки, а проводнице врал, что ничего не знает. Он не мог возразить сестре, заставляющей его одеваться вот так, он терялся перед младшей единоутробной сестрицей, требующей рвать клубнику по ее сценарию и только вот таким образом и сейчас же!

Он, отбиваясь от холестерина, не перечил двоюродной сестре Лиде, режущей топкое сало на сковородину, разбивающую годовую норму желтков вопреки всем рекомендациям по диете Европейского атеросклеротического общества.

Он занимался любовью с уборщицей в экстремальных условиях (прыгнуть в пропасть водопада проще), ожидая крушения поезда. Так и ехал всю дорогу, держась за поручни, удивляя попутчиков. Он страшился идти на кладбище в одиночество. Он сделал вид, что ему хочется войти через центральный вход, и отправился вкруговую, дребезжа от тревоги. Он первый выбежал из вагона по приезду, а за шесть часов до прибытия он уже сдавал постель, удивляясь спокойствию пассажиров. За спешку птицы небесные осенили его испражнением, обдав зеленовато-серым пометом. Это было к деньгам, это обрадовало и он взорвался семяизвержением.

Боже, как изнемогала честность Анатолия на этом скользком пути, как еле мерцала она в похотливом чаду. Но он не отказывался от прежнего легкомыслия, ища суету и неправду. В те времена имел он подругу, которую связывал с ним не брак законный, а страсть безрассудная и пылкая. Конечно, союз чувственной любви и законное супружество значительно отличаются друг от друга как два мироощущения. Поэтому тяжело жилось Анатолию,

живущему не только чадородия ради. Еще он имел детей нежеланных – от внебрачных связей. Плотская – греховная чувственность мешала самостановлению в бытие, дела его были исполнены хитростей во благо. А само благо являлось ни чем иным, как уловкой одержимого страстью.

Безымянная техничка после близости избегала его взгляда, невидимая. Толя и сам не жаждал встречи с женщиной, которой следовало кое-что высказать. Но чувства прятались, а по внутреннему состоянию хотелось плясать из чувства вины за мерзкий глоток похоти, если сказать прямо и честно. Раннее солнце плескалось в офисных просторах, как в заводи, и рассыпало яркие солнечные блики. В двери расстегнутым воротом положительного сальдо вкатывалась бухгалтерия. Толю обступили полукругом, стали упрашивать, чтобы он сочинил поздравительные стихи на какой-то праздник. Его губы играли плясовую мелодию.

Толя придумывал истории оправдания, пряча общую тревожность накануне изменений графика работы. Неумение следить за внешним видом, питанием, мышлением и чувствами, усиленное детскостью (мусор метнуть под стол, чтоб никто не заметил, остатки воды в кружке плеснуть на стенку) не приводило к улучшениям в принятии решений, опять же, привлекая новые страдания. Мальчишья позиция, пообещать и не сделать, договориться и не прийти, завершалась ложью, оправданием и прятаньем себя неизвестно от кого.

До явления сменщика оставалось добрых полчаса. Разрешалось покидать службу раньше. Но зачем все это? Дома право на княжение ему не дано как старшему по роду. Да где сейчас соблюдалось старшинство? Диалоги с дочерью вызывали напряжение. Даже когда она просто

стояла рядом и наблюдала, а, может, и не наблюдала, как Анатолий проводит беседы с полторагодовалым внуком. Толе было бы легче, если бы дочь на него кричала.

Толя вынул из ящика свою расческу, лишенную половины зубьев, он очень боялся, чтобы народ не заметил в его вещах такое чудище. Расчесываясь, он оставил прилипшие крошки на сальных волосах, просмотрел редкозубье на свет, резко дунул на щербатое чудовище, гоня перхоть. Словно камышовая дудка, пел он женщинам из бухгалтерии слезоточивые куплеты о службе ночной. Бабоньки слушали, раскрыв рот. Время тянулось раннее, не работное, божье. Толя томился беспомощный, как киевский Князь Игорь в монастырской церкви во время литургии. Так бы и схватили его неистовые бесы бухгалтерские, так бы и казнили на площади.

Толя протер пальцами уголки губ, помня о маленьких беленьких пролежнях, появляющихся с возрастным стиранием зубов. Душа его заиграла плясовую мелодию, уста источили куплеты медовые о любви, засеребрили очи девичьи смехом, пошли в пляс ощущения. Страсти кричали, чувства неиствовали, губы оживились, но страх, один глубинный страх продолжал царствовать глубоко в сердце, затемняя несвежую рубаху, густо запыляя нечищенные туфли.

Желание щелкнуть пальцами и с присядкой броситься в круг, пусть и без тальяночки, качнуло стать. Тут же он пришел в себя, смущенно засуетился и провалился бы, будь на то воля неба, опустил долу покрасневшие от бессонницы глаза, впился в красивые ноги. Летописцы по достоинству оценили бы его снисходительность, милосердие, щедрость, незлобие. Он творил дело, он делал добро и врагам своим. Он был привязан к шефу, которого он никогда и ни в чем не ослушался. Молясь в одиночестве, он

плакал, и точно родоначальник племени Мономаха Владимир Всеволодович, славился подвигами за душевный покой и благими нравами. Всю жизнь и это дежурство он употребил на примирение самое себя, на успокоение духа мятущегося во славу трезвости.

Наша Ксюша громко плачет

Телесно я скрывался там, где слава Анонимных Алкоголиков распространялась по всему свету анонимно и ненавязчиво. Я перерождался там, где дух живет, материальное одухотворено, уподобляясь тому, что поэтический гений называет эхом, а вымысел сказочной метафоры имеет множество голосов, но не прочит ничего материального.

Такова слабая реминисценция мифа о легендарном Нарциссе, так возвращается эхо знаменитых Овидиевых «Метаморфоз». Через недалекую тамошнюю отсылку к Писанию: «Или вы не знаете, что ваши тела – суть храм пребывающего в вас духа святого, коего вы имеете от Бога, и что вы уже не свои?» Не переставая оставаться в высшей степени живым для самого себя и потому живым, вызывающе живым, для всех других. Всего одно мгновение, всего несколько часов в пылающей вечности времен, в мире душевного покоя, мои враги преследовали меня с меньшим ожесточением, чем некогда демоны и еретики блаженного Афанасия.

Подсознательная ненависть к бытию божьему удалила меня под защитное покрывало этого блестящего Сообщества подобно тому, как ненависть римлян изгнала святого Иеронима на восток. Портьера самой трагической сцены, какая не снилась Шекспиру, участникам войн, узникам концлагерей, невинно осужденным, никогда не распахивала свои крыла людям нормальным и самодостаточным. Реальная драма, без какой бы то ни было ориентации на

уравновешенность, лишь задним числом привязывала какой-нибудь забавный фрагмент к уже прожитому отрезку собственной жизни.

Но это история бедствий значительно более грандиозных, нежели известные кораблекрушения в морях и океанах. Правдивый рассказ о людях, страшящихся занесенного над ними меча алкоголизма и, тем не менее, бросающихся в его же пропасть. Притча о человеке, сумевшем на секунду отсрочить собственную смерть в поиске тихой гавани. Неистовый бросок от смертельной опасности на иной берег бушующего океана, в надежде достигнуть границы земли и уже не имея возможности двигаться дальше. Перед вами траектория безнадежного падения в бездонную пропасть, чудесное обращение за помощью к небесам и неповторимое чудо трезвости.

Но хрупкая и неустроенная жизнь избывает сама себя, истаивая в спиртосодержащих веществах. Она стремительно катится под гору, крушащаяся, неосуществленная, мертвая жизнь. Все мои начинания и старания оказывались безуспешными. Ко мне вполне справедливо относили известный упрек: «Он начал строить, но не мог окончить».

«Что можно сделать в таких условиях?», – то ли спросила, то ли утвердила сестра Ксения на группе, работающей в школе Ангела. Буль-буль – забулькало за окном первого этажа. «Пошли вон, черти!», – доносился в форточку вопль пьющего аборигена. Все запальчиво покосились на пыльные стекла, испуганно озираясь, продолжили слушать, – я думала, что здесь все грязные, прическу делать не надо, а как зашла, как увидела – все такие красивые, такие трезвые и нарядные. Я думала, что вы здесь пьете анонимно. Вы меня удивили. Все у меня было, муж, первая любовь. Свекровь говорила, чтобы я сыну ее кар-

тошку специальными кружками нарезала. Что я не так жарю, что я не так подаю, что нужно квадратиками, прямоугольниками. Ненавижу свекровь и ее противного отпрыска. Вообще-то мне с вами хорошо. Вы меня только слушайте. Я могу долго рассказывать. Вчера беседовала по телефону со старым знакомым семь часов подряд. Он даже заснул. Я всю пьяную жизнь не могла понять, как можно с друзьями пить чай и просто так трезво общаться без алкоголя?»

Анатолий слушал монолог счастья и мысленно переносился в эпоху эйфории, которую в обязательном порядке так или иначе в начале трезвости переживает новичок Товарищества Анонимных Алкоголиков. Анатолий диву давался, как он наивно полагал, что такое взволнованное и безмятежное состояние «здесь и сейчас» и есть трезвая жизнь. Тогда, почти тринадцать лет назад, он, сорокадвухлетний эмоционально незрелый мужчина с манерами школьника, остановившегося в развитии, боящийся реальности, ответственности, не умеющий выбирать женщину, не отличающий бабушку от невесты, не ведающий о сотрудничестве человека с человеком, думал точно так же.

Анатолий усаживался в кресло Дворца шахмат, где проходила конференция, посвященная шестилетию движения Анонимных Алкоголиков. Его ровесник Виктор из далекого провинциального городка, устроившись на трибуне, проникновенно делился историей своей жизни. Отголоски откровений вихрились воздушными кругами, хватали за самое сердце, выносили на противоположную сторону странного состояния трезвой мысли.

Борис, похожий на рассохшуюся корягу, поправлял вихры, пронизывал душу правдой трезвого откровения о пьяной жизни. «Я просыпаюсь на мусорной куче, а по мне ползают помойные коты...» Как лось по кровяной бруснике пробегал по гулкому настилу Олег, высовывал на подмостки ствол остроумия, нацеливал прямо в лоб. «Я до трезвости работал переводчиком, переводил людей с одной обочины на другую...» Народ в зале смеялся, Анатолию стало весело, чувство причастности крылато трепало, подхваченное переполненным залом.

Худоцавая стройная женщина Люда кружила голову уместными шепотами и подсказками, едва ли не прикасаясь к мочке уха. «Это у тебя эйфория, она пройдет месяца через два-три...» Моральная оценка внутреннего состояния посторонним лицом не понравилась Анатолию. Еще больше раздражало самоуверенное предсказание о скорой встрече с трудностями будней. Мутные капельки пота застыли над женской губой. Новичок движения А.А. радостно дрожал, страшно волновался, склонял тревожные коленки. «Может быть, подняться на трибуну?», – мелькало в гудящей голове, путалось в шуме аплодисментов, терялось в нависшей нерешительности и страхе.

Тогда он впервые испугался странного и осознанного состояния. Жадность наотмашь ударила его по щеке. Он судорожно пытался угостить Людмилу мороженым, но вздрагивающие ноги становились непослушными, и он с силой, волевым актом глубинных ресурсов, предложил женщине грошовое лакомство. Что-то уже надломилось в их товарищеских отношениях. Возможно, Анатолий не принимал ее срок трезвости, превышающий его скромный безалкогольный период. Молодой начинающий мастер трезвого образа жизни не успел увернуться, как

Людина лисья физиономия уткнулась в его щеку, губы издали далеко не дружеское «чмок».

На второй день конференции в зале пахло винным перегаром, кто-то «сорвался» и взял первую рюмку, или же родственники уговорили пьяного мужа, сына, брата, свата, зайти и послушать нормальных людей. При мысли о возможном выступлении дух Анатолия легко вибрировал повыше сердца, окатывая туманом волнения и нерешительности. Угнетало полное отсутствие популярности, давило осознание того, с какой легкостью на трибуну взбежали опять тот же Борис или поручик. Анатолий начинал им завидовать и тайно их ненавидеть.

Анатолий очень долго не показывался в помещении. Он как бы ушел в себя, и до сих пор от него не было вестей. Где уж равняться с ним известным мастерам медицины. Элеонора думала, что Анатолий не в себе. Он так привык глубоко забираться в прошлое, что ходил туда во время собраний как на прогулку.

Когда он очнулся, Ксюша психологически точно воспроизводила душевное действие: «Иду туда, где висит стаканчик, где уединение и столик, двигаюсь туда, где пила водку. И вспоминаю, как мы с любимым мужчиной носились на машине по льду, искали острых ощущений. Как представляю, что могло бы произойти! А сейчас все силы отдаю бизнесу, на мужчин смотреть нет сил».

Анатолий и сам подсел на волну воспоминаний. Что поразительно, он испытывал точно такие же ощущения, занимаясь своим делом неестественно целеустремленно. Он хорошо помнил, как жена спрашивала, когда придешь, и как он, движимый какой-то неистребимой жадной на-

живы, дарил все свои силы, энергию и остатки потенции мелкому бизнесу. А по ночам Анатолий отдавал себе отчет, чувствуя, что женщины его не интересуют.

«Боже, не сошел ли я с ума?», – встрепенулся мужчина на пути самопознания, рассуждая категориями откровенно левого толка. Извне кто-то то и дело нападал на него, изнутри необъяснимым образом его точили страхи. Не какие-нибудь там внутри монастырские козни, а страхи в той мере, в какой душа его еще жила. Еще донимала, прямо добивала история его бедствий, вроде и не бедствий, которые начинаются ну, чтобы не соврать вам, прямо с колыбели.

«Я не люблю писать планы, а вдруг они поменяются, тогда листик придется вновь переписывать. Что касается страхов в моей прошлой судьбе, то я всегда думал, что ко мне ночью придут с наручниками, такая у меня тревожность в душе бурлила, – собрат, сидящий справа, проникновенно перекрестился и продолжил, – в тот день я выпил не много, но мне почему-то показалось, что я птица. Я стал на балкон третьего этажа и полетел...»

Николай поднял голову и с интересом оглядел левую часть его лица, отдающую синевой. Внутри он содрогнулся, узнавая свое пограничное состояние, зло и умышленно направляемое чьей-то злой волей, чьим-то недобрым умыслом. Как некий безличный рок, довлеющий повсеместно, так всякая напасть утешалась внутренним противоборством Анатолия между навязчивым желанием броситься вниз и жаждой жизни.

«Меня крути-верти, я Бог и никаких гвоздей! У меня в трезвости ни опыта, не искренности. Мне кажется, что я в прошлой жизни был пророком, что вы глупее меня. Ну ладно, останусь я пьяницей, а что дальше? Все играю, все хочу быть артистом, кого-то лечу, а сам лечу неизвестно

куда. Думаю, глядя на вас, что вы там твякаете, новички, стариков побаиваюсь. Не думайте, что я псих, я просто не похож на других, жру водку, потому что она мокрая и не горит. Я лучше того, каким я был в пьяной эпохе...» От искренности исповеди у Анатолия в глазах мелькали, как ночные огни, отрывки мыслей. Одна путала другую, хваталась за третью, связывалась в вервие, рождала определенный стержень.

Очнулся Анатолий, рванул свои лосиные рога упрямства и своеволия, задумался – не начать ли ему новую историю личного бытия? И засветился зеленоватым блеском фосфора в крови через нехороший, темный, как ночь, взгляд, агрессивный, как ортодоксальный ислам. Толя все крепче привязывался к откровенному Сообществу этих людей, возродившихся из пепла, побывавших в могиле. Сейчас он поверил, что они помогут ему измениться.

«Так, – думал Анатолий, откровенно рассматривая на красивую Элеонору, – буду терпеливо переносить несчастье, чем оно несправедливее. Буду верить, что оно полезно для меня. Как некое искупление. По крайней мере, божья благодать никогда и ничего не допускает вопреки своим предначертаниям. Истинно говорил брат, чтобы дурное не совершалось, все завершается наилучшим образом и приводит к наилучшему концу».

Элеонора вопросительно посмотрела на него, непонимающе отвернулась и принялась слушать. «Все-таки умные эти трезвые алкоголик, что ни высказывание, то шедевр, что ни поворот мысли, то почти гениальная идея», – рассуждал про себя ребенок перманентного алкоголизма, находя в себя в монологе брата Евгения.

«Я знаю, откуда растут руки, ноги и рога тоже, – чудил выздоравливающий мученик анестезии, – водка сидит у меня здесь, я ничего не могу с ней поделатъ. – Женя постучал рукой по печени, злясь неизвестно на кого. – Люди – это еще не алкоголики. – Видя и слыша смех, он вдохновлялся, словно мальчишка из неблагополучной семьи, косился взглядом на привлекательно красивые ноги сестры. – Извините, я говорю то, что думаю. Здесь можно найти себя. Быть трезвым не означает быть хорошим человеком. Да и нет того состояния, когда притащишься и поговорить не с кем, все вокруг пьяные. Фу, какая гадость, готов всех поубивать. Если бы они слышали, как я их поливаю грязью. А здесь у нас смиренно – это когда душа отдыхает».

В Николае проснулась любовь к человечеству. Конкретно каждого человека он ненавидел и ставил себя выше других. Но сейчас все его существо пронзила неведомая доселе боль перерождения, будоража в душе тоску по другу, по любви к женщине. Косой солнечный свет заходящего солнца своим сиянием слепил глаза и напоминал свет божий. Вот так же в далеком детстве маленький Толя худеньким тельцем припадал к зовущему рассвету, чувствуя благодать небесную без имени и отчества. На сакраментальной фразе активной Ксении: «Вот так бы молитва шла как страх...», – развивающегося мужчину покинуло чувство раздвоения. Он ясно отметил в себе желание жизни. Он понял, что ему хочется жить по-человечески.

В разных книжных источниках он читал о людях, построивших церковь. Скорбя об этом всей душой, Толя, конечно, не удостоился видения святого евангелиста – Иоанна Богослова, который вручил жезл для сокрушения идола другому трезвому брату. И там, где прежде стоял языческий бог Велес, трезвый алкоголик Авраамий по-

ставил церковь. Трезвыми бессонными ночами Анатолий, опутанный думами, страстями и словами апостолов, грезил прославиться, возведя храм божий имени безымянных анонимных алкоголиков.

А Ксюша аккуратно поучала духовное братство, как и подобает новичкам. «Во всех случаях к Богу обращаются со словами «Да будет воля твоя». И притом великое утешение содержится в словах апостола: «Знаем ведь, что для любящих Бога, все творится во благо». Это уразумел и мудрейший Соломон, произнеся в «Притчах»: «Праведника не опечалит ничего с ним случившееся». – Ксению посетило вдохновение. Она говорила о том, что люди, приходящие в гнев из-за случившегося с ними несчастья, удаляются от справедливости. Эти люди стремятся подчиниться не воле небесной, но своей. Грузила и грузила вдохновенная молодая женщина терпеливое собрание, утомляя христианскими принципами, проповедуя взгляды одной из конфессий. Но такой круг мыслей лишь обвязывал, как кушаком, будоражил амбиции, но не имел ничего общего с религией трезвого алкоголизма. Религии были бессильны перед ним.

Анонимные Алкоголики ожидали выступления Натальи. Женщина мышью таилась углу собрания, прибитая алкогольным срывом, уменьшенная в росте, отчего делалась и вовсе незаметной. История ее бедствия – замечательный опыт представления собственной жизни в живом слове о ней. Короче, лукавый завернул своевольную красавицу в религиозную секту, и она забыла, кто она!

Анатолий слушал речь сестры, которая от восторженных удивлений трезвостью постепенно перешла в пропо-

ведь каких-то декоративных принципов общего и обманчивого содержания. Она говорила так, что дрожали стены и потолок. Сила ее честности возжигала пыльные лампы в светлой комнате. Она глядела в одну точку, там проявлялось очертание иконного лика.

«Я думала все позади, больше не запью. Я перестала посещать занятия группы. Стала ходить как живой экспонат. Но крыша едет, дом стоит. То мяса не доберу, то хлеба переберу. Все меня начало раздражать. Деньги перестали меня радовать. Я начала обманывать себя. Вы казались мне ненормальными, мне стало казаться, будто я схожу с ума. Какие-то обиды из прошлого вылезли наружу. И я взяла рюмку. Я выпила все мамины натирания на спирту. Я продала мебель. Я перестала работать, меня уволили по статье. Любимый мужчина бросил меня. Мне очень плохо. Я снова обращаюсь к вам и прошу помощи».

Потрясенная публика затихла. Ксюша вытирала слезы. Только здесь эту страшную нетрезвую жизнь не только представляют в тексте, но и сохраняют вживе. Исповедь страдающего тела превращается в исповедь души, на самом деле в историю души прозревающей, обретающей свет небесный.

Анатолий зацепился на «прошлые обиды» и перевоплотился в человека давно минувших дней, когда он прятал деньги в носки, спал не раздеваясь. Потом быстро спускался с девятого этажа, мимоходом подбирал окурки, чтобы никто не видел из соседей. У входа в подъезд муж уборщицы поджидал Толю уже битый час. Сцена ревности сотрясала небесные своды. Вечно Анатолий уводил из-под носа одураченных мужиков красивых женщин.

Зимой Вовка – толстый электрик из метро, увлекся красавицей их группы, встречал ее на своей ржавой машине. Толя, как будто все вышло до последней картошки,

взволновался, забегал по болоту тревоги, рыл подержанной обувью рыхлый снег, разгребал стылými пальцами пронизывающий холод. И жевал мерзлый лимонный снегопад, подставляя ветру раскрытый от возмущения рот. Хорошо чувствовал себя Толя, видя рыдающего, отвергнутого красавицей Вовку. Помня, как этот полоумный рохля притащился к его красавице в шесть часов утра домой и позвонил в дверь замужней женщине.

Тот, кто сидел здесь одним из свидетельств мрачных дней прошлого, орошая воздух винной чумой, медленно просыпался, как вулкан. Страх перед пьяным собратом, однажды не преодоленный на занятиях, всплыл из глубин, рождая липкую тревогу. В тот грустный момент духовного развития Анатолий, обвешанный блестящими духовными принципами, закипал агрессией на пьяного болтуна, но как мальчик не знал, что ему делать.

С крыши стекали солнечные лучи. Вечерние голуби скреблись в оконную раму с той стороны, воркуя душевно и трезво. Входя за порог и крестясь, появилась опоздавшая сестра, известная как тихая богомолка. Лицо Ивана, сведенное морщинами, напоминало сборище швов. Луч солнца лез ему за пазуху.

Через расстегнутый ворот у Ивана проглядывался на шее золотой крестик.

Старый член Сообщества томился долгими выступлениями, помня о том, что он с утра ничего не ел. Он заслонил глаза рукой от глазастого светила и слушал медленное сипение закипающего электрочайника.

И решился заговорить тот, кто был источником своеволия со всеми вытекающими последствиями: «Для ва-

шей же пользы, – поучал он уму-разуму, выступая отнюдь не в качестве друга, – идите в церковь, есть только одна программа на все века – Библия. У меня тоже были моменты, когда я не хотел жить. Я не умею просить помощи, а вы здесь убеждаете меня, что я бессилён. Я поверил вам, посещал занятия, но все же напился. По-моему, вы занимаетесь ерундой. Я понял, вы алкоголики, которые хотят стать не алкоголиками...»

Тихий ропот внутреннего несогласия прокатился по кругу. «Тот, кто предложил самоубийство жизни во имя торжества пустейших процедур, едва ли согласится с регламентом нашего монастыря». Так рассуждал Анатолий, шепча про себя: «Сюда посылаются неучи – для обучения, распущенные – для исправления, упорствующие – для обуздания...» Некто с незначительным периодом трезвости перечислял разбитую по пьянке посуду. Натурализмом и он включил подсознание Толи. Заслоняя рукой глаза, наш герой почувствовал, как из темных глубин больно выскользнуло чувство вины в тревожном соусе.

В гостях у товарища по футбольной команде Леши. Толя не мог признаться, что с самого утра во рту ничего не было. К Алексею они зашли после весенней тренировки, измученные длинными рывками в гору по рыхлому суглинку склона. Толя ласковым взглядом обвел квартиру, шумно и сочно выдохнул. Футболисты пили чай, сидя у печки, шумящей березовыми дровами.

Алексей, помня о неустроенности мастера кожаного мяча, вызвался снабдить его угощением. Анатолий подхватил из рук друга трехлитровую банку варенья. На самом интересном месте, пока Леша выбирался из погреба, уронил емкость на красивый и чистый ковер. Ковры в то время ценились очень высоко. Толя очутился в шкапе несчастного человека, готового на испугательную

жертву. Хотелось убежать, спрятаться, отдать последние деньги, лишь бы отмахнуться от прилипчивости отрицательной эмоции. Поникнув головою, лучший полузащитник всех времен грустно поник, с удивлением поднимая веки на абсолютно спокойного Лешу, вынимающего веки и савок.

Алексей тщательно вычистил ковровый ворс. Половая тряпка основательно истрепалась, исчезла в горловине печи. За окном простиралась долина, где можно было бы поставить церковку. Кучка остатков стекла звонко скользнула в ведро. Дальний перелесок закурчавился, потемнел за нависшей тучей. В воздухе повисло ожидание дождя. Захлебываясь от угодничества, Толя травил байки. Леша осторожно доставал из сырой глубины новую банку компота.

Всегда желанный новичок группы, захлебываясь от эмоций, пересказывал пьяный сон. Оживленная публика, устами новичка глаголет истина, пожирала глазами наивного ребенка трезвости, переживая давно забытые переживания. Тот, само непокорство человеческого духа, переводил на обычный язык ужасы сонного приключения, выдавая чудесные по своей точности и неповторимости предположения. «Вы хорошо, классно выздоравливающие и продвинутые. До прихода к вам, я носился с тревогой как торбой. С Богом взаимоотношения складывались, как я считаю, не плохо. Он цитировал выражение Анатолия. «Если бы мне предложили новый алкоголизм, я, может быть, и выпил бы. А в старом питии уже все известно, как в детском саду, куда ни один взрослый человек не отправиться сознательным образом. Потому что все пройдено: в обед манная каша, горшок, сон, снова каша, горшок, сон». В плохом состоянии я шептал: «Господи, помоги воздержаться от водки, пить не буду, курить не буду,

а потом одна пустота, одно успокоение – сигареты, змей проклятый! И потом снова одна и та же мысль, может попробовать, может, не запью?»

Толя никогда не забывал свой первый алкогольный сон в трезвой жизни. Он пил во сне с сестрой Галиной и вторым планом думал о том, как он посмотрит в глаза своим новым братьям по духовному образу жизни. Его смущал тайный стыд, его волновало тщательно скрытое отчаянье и безысходность. Голова во сне шла кругом, горе казалось безмерным. Мужество и честность не принимали неведомые муки нового предательства самое себя. То, что некогда претерпела душа и тело в пьяном кошмаре тридцати двух лет, оказывалось просто обидой.

Гораздо более огорчения исходило оттого, что он сам вновь опорочил свое восстановленное имя. Употребление спиртных напитков во сне – феномен, сравнимый с насилием чистых намерений и любви нарождающейся личности, изувеченного тела и попранного духа. Имени было жальче, чем тела. Имя, сохраненное в бедствиях и мученических страданиях, очень хотелось оставить для потомков. Душевная горечь преследовала Анатолия с явной желчью на сердце, с официальной санкцией на горе и трагедию фрагмента человеческого существования. Вновь обретенная трезвость вдруг опять низринула его, пусть и во сне, в суетное небытие безумства.

Страшнее было во всем признаться на группе. Именно это более всего врезалось в память в отшельническом сне. Проживая в уединении от людей мифические картины сновидений, Анатолий не пел псалмы Господу. Но действительно, убежав, удалился в самообман и пребывал в пустыне. А утро проявилось осмысленно в реальном псалме реальной трезвости. Бренно существующее пространство звало скорее в отшельники, нежели в школяра.

Сонная крыша рушилась и крушила убеждения. Крик о помощи звучал с поразительно последовательным дутым самомнением. Гордость была его врожденным качеством и определила его особенность на все оставшиеся годы. Тихая речь внутреннего супостата старалась предать забвению тайный срыв, а на деле делала его лишь более громким для себя же самого. И слава о его срыве распространялась по миру.

Тема собрания звучала пространно: «Что я не могу забыть?» Если положить руку на романтическое сердце, то сегодня Анатолия беспокоило многое, но на ум пришло давнее событие, происшедшее в дни службы в Спортивном Клубе Армии Самары (тогда еще Куйбышев). После устройства зрительских мест во Дворце спорта накануне проведения праздничных концертов, Анатолий (совершенно не пьющий) оторвался от коллектива, ринулся на остановку к спешащему трамваю.

Громыхая колесами, скоростной трамвай нового типа медленно пополз, быстро взвинчивая скорость. Анатолий последним из пассажиров пристроился на подножке, вися на одной руке. Положение явно обдавало смертельной опасностью, витающей в свистящем ветре, в мелькающих и режущих глаза шпалах. С небес снизошло второе дыхание, наполняя дополнительной силой.

Соединительные дуги монотонно гудели, скользя по линии. Рука медленно зябла, глубоко промерзала. Ужас проникал в душу. Анатолий знал те длинные остановки на полчаса езды. Пассажиры безучастно смотрели слепыми затылками и спинами. Кадык молодого солдата бегал и прыгал от пазухи до подбородка. Мелькающие столбы еще больше усугубляли воображаемую перспективу сорваться и полететь под откос. Прижимаясь бессильной грудью к равнодушному народу, рядовой срочной служ-

бы надежно замыкал Поволжский военный округ своим слабеющим телом. Событие не столько взволновало и напугало, сколько заставило крепко подумать о жизни. Близость смертельной опасности тревожно звучала невысказанная доселе.

Отметим аудиторию, имеющую право на безличное – хором – сочувствие и нервный нескончаемый пассаж всех и каждого. Все, что называется, хороши. И это не пустое словопрение. И не обязательная видимость демократии. Это предусмотрено замыслом Создателя. Решение принято всем трезвым миром, на поверку однозначно и никогда, и никем не обсуждается.

Необходимо согласиться с высказанным мнением или наоборот, не принять его. Но никаких возражений. «Можно было прожить по-другому, сделать так. Что сейчас прошлое теревить. Чувство я определить могу, а справляться с эмоциями, сопровождающими чувства, у меня не получается. У меня нескончаемое чувство вины, что моя соседка так унижена недостойной работой, и мне хочется опуститься до ее уровня, чтобы не унижать ее своим высоким развитием». Анатолий сидел, закинув руки за голову, скрестив палец на затылке. Центр тяжести у него сдвинулся и он, кряхтя, едва не повалился вбок.

Рыжеволосый Петр раздражал товарищей мышинной возней с мобильным телефоном. Он вертелся, восклицал вполголоса, а в исповедальной тишине глухо щелкали неуместные звуки. По канализационным трубам периодически гулко стекала вода. В окне на уровне подоконника мелькал околыш старомодной фуражки. Милость божья грустно продолжала лучи гаснущего солнца,

завершая духовную фразу Элеоноры неизвестно в чей адрес: «Я б ее убила, у меня одна ненависть к ней и никакой любви...»

Пожилой мужчина с трясущейся бородкой и сонными глазами на третий день трезвости уверял, что у него ушли остатки чувства вины. А великолепный Константин, листая глубинные ощущения, убедил Анатолия в том, что жизнь состоялась, вспоминая и радуясь ползающим по нему внучкам. Упыхавшись от нахлынувших воспоминаний, он вдруг озвучил истину: «Находясь в постоянном пении, невозможно понять, что ты алкоголик...»

Честнейший Кирилл вышиб у народа слезу сочувствия, повествуя об алкоголизме отца, который запил из-за огульного пьянства сына. Старые члены Общества хорошо знали причину любого употребления. Они давно прожили и пережили события дней трезвых, где, как известно, год идет за столетие.

«Если я кого-то к кому-то ревную, значит мне плохо, значит, я хочу напиться. У меня недовольство и чувство вины на одном месте. Жаль, что я не могу слышать себя со стороны, – выплескивала себя Ксюша, – хожу на работе и думаю, когда же и я принесу вам торт на своей юбилей трезвости? Ни есть, ни пить не хочется, ничего не болит, а все не нравится, все раздражает. Один плохой человек мне не по сердцу, не хочу смиряться, не хочу его прощать и любить, – Ксюша как рычаг дернула воздух, брызнув потоком неизвестно откуда взявшихся искр, – я так радуюсь, когда у моей начальницы депрессия. Она меня раздражает тем, что все время включает обогреватель и портит свежий воздух. Я боюсь, что надышусь и заболēju раком...»

В безмолвии, как мельничный жернов, жужжал вибратор сотового телефона. Тот, кто считал, что он без греха

и что он лучше других, мысленно швырял принесенные за пазухой камни в самое сердце исповедей. Странно глупый (обычно алкоголики тонкие, интеллигентные люди) усатый братишка Вова, издеваясь, вполголоса, выспрашивал у психологически нагого Толи: «Ну, что ты там еще сегодня украл»: И, думая, будто у Толи проблемы, нашептывал советы, поучал за чаем, удивляя внутренней нетактичностью, безудержной невоспитанностью. Было слышно, как из его души с хрустом сыпались неудовлетворенные амбиции неблагополучного детства.

Анатолий хорошо знал одно, только личностный рост дает возможность оставаться трезвым, сохранять эмоциональное равновесие и жить целеустремленно при любых условиях. В противном случае наступает обычная человеческая усталость, чувство неудовлетворенности сменяется разочарованием, унынием, потерей цели, утратой смысла всего происходящего в капризах и лабиринтах необыкновенно трудного отрезвления.

Практический опыт позволил заново вылепить себя в назидание другим. Собственно, ничего необычного делать не пришлось. Непрерывное личное усилие, как и повсюду, как в любом мало-мальски проблематичном движении. Обычный прием таблеток при пожизненном выздоровлении, отличный от других терапий лишь одним крохотным условием. Заболевание потенциально смертельное, поэтому, именно поэтому, прежде всего по этой причине все уважительные объяснения своей неактивной позиции можно считать без исключения самообманом. Здесь точно нет исключений. Здесь все выше любых соображений этики – на кону твоя собственная жизнь, един-

ственная и неповторимая. Так что выбирай и не вздумай шутить со здоровьем.

Анатолий не собирался играть со смертью, он уже добаловался до бесконечной суицидной симфонии, звучащей днем и ночью. Короче говоря, он принял позицию фанатика, исходя из рекомендаций «Третьего Шага» программы Анонимных Алкоголиков, указанных на странице 46: «Зависимость от Высшей Силы оказалась не слабостью, а главным источником жизни». И, словно бедный ребенок, принялся менять в себе все, что можно, опираясь на мнение небесной канцелярии.

В первое время Анатолий долго мучился с «Первым Шагом», где нужно было признать бессилие перед алкоголем и прекратить с ним борьбу. А после еще одиннадцать лет он постигал бессилие перед жизнью, бессмысленно борясь и сражаясь с нею по пустякам. И соглашаясь, что только Сила более могучая, чем он сам, может возвратить ему здравомыслие. Плавно переходя к третьему этапу, к принятию самого главного решения жизни, перепоручая жизнь, волю, помыслы и усилия этому направлению, ведущему к выздоровлению.

Взглянув в свою прошлую жизнь, Толя выписал многое из того, что вызывало несогласие, казалось неверным, выглядело абсурдным с точки зрения здравого смысла. Из большого количества несоответствий и разногласий между тем, что сделано и как ты это понимаешь сегодня, прежде всего Анатолий выбрал недовольство своим чудовищно корявым почерком. Он решил использовать опыт средневековых монастырских переписчиков книг, имевших, как известно, каллиграфически правильный и красивый стиль, оставивших человечеству непревзойденные образцы правильно исполненных строчек.

Толя совершенно случайно натолкнулся на книгу «Исповедь книгочехя», долго настраивался, внутренне пугался пятисот страниц исключительно духовного текста, обманывал себя, брался за ручку, страшился реальной перспективы, но все же сделал первый шаг. Стиль его со временем изменился до неузнаваемости, почерк преобразился, сделался ровным, удобным для чтения, легким для понимания и приемлемым в общей культурной массе почерков, если можно так выразиться. Спустя пятьдесят страниц выяснилась связь почерка и внутреннего состояния души и психики. Глубинная тревога неизменно шатала литеры, страх перед будущим раздваивал личность, беспокойство странного происхождения гнало десницу неизвестно куда и неизвестно зачем, отчего Анатолий старался как можно скорее освободиться от любой поставленной задачи. Но все противоречия вдруг стали исчезать, являя чудо выздоровления.

Анатолий тайно наблюдал за Ксенией, ожидающей паузы в выступлениях. Полная женщина точно зацепляла в горсть что-то невидимое, высыпала на ладонь, нюхала пальцы (Толя тоже страдал этим изъязном), грызла ногти, играла языком. Она нетерпеливо и гневно слушала иные монологи, дергаясь всем телом. «Когда мне делают хорошо, то я хорошая, а когда мне грубят, то я готова всех убить, – откровенничало существо женского пола, напоминающее старую деревенскую бабу с красным лицом и согнутой спиной. Она вздыхала как травяной мешок за спиной, суетливо бегая глазами по сторонам, хватая то подлокотники кресла, то, сжимая колени, – я боялась начальника и чуяла вину перед собой. Теперь я не реа-

гирую на него, но появилось неприятное чувство вины перед ним. Мне кажется, я отделалась от своей последней пьянки».

Сотни, раз слышал Толя подобные заявления от новичков, думая о юных учениках новой жизни с нежной радостью, ожидая конца представления высшего откровения. Собрат, отвечающий за приготовления чая, кофе, ведающий покупкой печенья, терся возле окна, явно не слушая. Группа была тем местом, где царило полное единодушие, и не было места мирской скуке.

«Я думала, что молотком ее пристукну, эту приемщицу, заверну в ковер, который она отказалась принимать в чистку, и тихонько вывезу в лес. Сейчас я не спешу домой, приезжаю попозже, чтобы не видеть противную физиономию свекрови. У меня прошла страсть к мужу. Он не желает иметь ребенка, он говорит, если ты мечтаешь о малыше, ты и заводи его. Там кошмар, там ничего не поменяешь, надо все время куда-то уходить и попозже возвращаться...» Прокричала сестра с горестным смехом и застонала, точно кинулась под жернов. Громяющий поворот бытия приподнял закат, отбросил тучи, сыпанул раздавленной брусникой. Думы смешались. Близилось чаепитие.

Это выводилось не только на одной странице, в одной-другой фразе, нелепой и кривой от теснящих ее противоречий живой души. Здесь смешались и слепой случай, и божья кара, и торжество завистников, и высшая справедливость. Здесь свились воедино стенание и плач, а по воспаленным щекам катились слезы страдальцев. В каждом сердце начиналась эпоха новых неприятностей от встречи с новой реальностью, от бешеной травли самое себя и неизвестно за что. Все покаянное «Ату его» прокатилось по закрытым монастырям неверно прожитых

жизней. «Ату» с санкции бога. Но как это все будет выглядеть?

Здесь многие чувства сильно взъярились, поскольку резко и часто обличались давние – нехорошие поступки как с глазу на глаз, так и всенародно. Тут уж и в самом деле было от чего взбеситься тем, кто не решался заглянуть в себя. Говорили свободно и сердечно. Можно без стеснения цитировать все это в высшей степени откровенное действо-судилище. Но сколь внимательно мы ни просматривали, не перелистывали книгу исповедей, мы не находили в ней ничего предосудительного, кроме чистоты души, полнящейся светом.

Анатолий на миг застыл от боли, которую можно будет высказать. Его жгли думы, перебивая нарождающиеся чувства. С подобными ощущениями в раннем детстве он прятался в траве после оскорбительного действия сверстников, сдернувших с него трусики на глазах у девочек. Он затаился, обиделся до глубины души, жевал горький, колючий осот и ничего не осознавал. Негромко хихикали юные красавицы, тихо шелестела акация, лето переломилось напополам. Толя быстро поднялся, рубанул по траве палкой, играющей роль и ружья, и сабли, пошагал к дому. Лихорадочно придумывая мстительные сцены, он подергивал подошвы от острых дорожных камней, смешно подпрыгивая.

Из реальности всплыло фраза неуважаемого собрата. «Двенадцать Шагов – это программа действия...» Будучи знатоком теории программы, Анатолий сразу же зацепился за оплошность, не согласился из принципа, отметив: «Это программа возвращения здравомыслия, признания

и решения собственных проблем, чтобы жить в мире с собой, с другими людьми и с Богом».

Прошептал про себя, добавив, что у того не выстраданные слова, но горстка пепла. А слова выздоравливающего алкоголика – апостольские – начертанные, умиротворяющие, слова человека достойные святых. Ведь не только для формы этот покаянный печальный итог, эта самая живая из всех живых жизней.

Как же не терпелось Толе бросить ему в лицо и не только ему одному: «Черви презренные вы, а не алкоголики. Вам ли вгонять в быт священные литеры исповедальных текстов? Вас бы отослать на самое дно пьяной жизни. Тут вам не печальные вздохи и жалобы, не догадки о чем-либо, не помрачение души.

Как это и бывает с людьми раскаявшимися, следовали ошеломляющие пассажи о горестях и несчастьях. Но двинемся дальше и пропустим леденящую душу историю нечестности. Мы отметим лишь то место, где несчастный человек говорил о том, какой громкой славой он пользовался. Как легко слепой случай унизил его и даже совсем уничтожил. Имя ему алкоголизм.

Можно добавить, не переводя дыхания, сколь предательски отплатил тот, кому верил и кого любил он больше жизни своей. И, наконец, самое ужасное из всех последствий этого чудовищного заболевания – ложь себе и по всему свету распространенная весть о его позоре.

Примерно так бы отпирался Толя, гоня прилипчивый страх, подергивая раскованными ногами, ощеривая зубы, окажись под рукой желание подняться на трибуну. Он прыдал ушами, как настоящий жеребец. Он задыхался от осознания своей важности, перечисляя количество выпущенных сборников стихов только за последние двенадцать лет.

Число их равнялось двадцати, большинство из них служило литературному «фавизму» – этому бессодержательному форменному безобразию. Позже, забираясь на вершину поэтического мастерства, Толя не узнал друзей, ударил подошвами о базальтовое плато, спрыгнул вниз и ни с кем не поздоровался.

Он отворил форточку, выглянул на темнеющие кусты сирени, чувствуя прилив творческого воображения. Указывая глазами на самовар, Элеонора шепнула «Ставь на стол...» Толя расставил стаканы, разложил в них пакетики с заваркой, забулькал кипятком. С коробки на палас посыпались крошки. Расстегивая пиджак, Толя бросился их поднимать, а Элла помогала ему.

Толя думал о воображении. Он начал писать левой рукой, стимулируя другое полушарие, отвечающее за творчество. Он понял отца, превратившегося в левшу по решению судьбы. Правая рука отца осталась в глубоком забое шахты. Левостороннее развитие дало толчок и без того богатой фантазии. Чудесные образы буквально обрушили на него свои неуправляемые щупальца.

«Довольно», – сказал себе Толя, упираясь в поэтический тупик. От самовара веяло уютом. Запах чая расплывался, как дым сигары. Группа наблюдала, Элла салфеткой вытирала чашку. Под общее внимание, красавица вскинула брови, в глазах вспыхнули яркие знамена трезвости. Сама не зная почему, Элла не могла долго смотреть на Толю. Когда он овладевал вниманием собрания, сердце ее билось по-особому, а кровь бурлила, как взволнованное шампанское. Да и с Ксенией творилось что-то неладное, она вдруг разрыдалась, спрятав лицо в ладони. Кто-то пошутил: «Наша Ксюша громко плачет...»

Содержание

<i>Немного правды</i>	3
Солнечный мальчик	4
Еду маму хоронить	73
Таганрог	94
Судьба моя славянская	124
А ну, мое трезвление!	158
Наша Ксюша громко плачет	186

Литературно-художественное издание

Сендер Анатолий Никифорович

Травы горькие колыша

Повести

Ответственный за выпуск *А.Н. Вараксин*
Компьютерная верстка *Л.В. Алифанова*

Подписано в печать 26.10.2009. Формат 70x100/32.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,55. Уч.-изд. л. 6,63.
Тираж 50 экз. Заказ 45.

Издатель и полиграфическое исполнение:
издатель А.Н. Вараксин
ЛИ № 02330/0131774 от 06.03.2006.
E-mail: editpol@tut.by